

Цена свободная

Индекс 20149

Вестник ВГУ

Филология. Журналистика

№ 1 / 2017

ISSN 0234-5439
ISSN 1814-2958
Основан в 1993 г.

ВЕСТНИК

Воронежского Государственного Университета

серия

ФИЛОЛОГИЯ
ЖУРНАЛИСТИКА

№ 1 / 2017

ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY
SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., В. Н. Попов, д-р биол. наук, проф.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: Э. К. Алгазинов, д-р физ.-мат. наук, проф., В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. Д. Баев, д-р физ.-мат. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., Ю. Н. Стариков, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., В. И. Федотов, д-р геогр. наук, проф., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – Л. С. Щукина, канд. филол. наук, доц. Члены редколлегии: Геруля (Gierala) Мариан, д-р филол. наук, проф. (Институт политических наук и журналистики Силезского университета в г. Катовице, Польша); Л. Е. Кройчик, д-р филол. наук, проф.; А. М. Ломов, д-р филол. наук, проф.; А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); Т. А. Никонова, д-р филол. наук, проф.; В. Ф. Олешко, д-р филол. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); И. А. Стернин, д-р филол. наук, проф.; А. А. Тертычный, д-р филол. наук, проф. (МГУ, г. Москва); А. М. Шестерина, д-р филол. наук, проф.; А. М. Шишлянникова, канд. филол. наук, доц.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Адрес редакции: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vltul@mail.ru
Тел.: +7(473) 266-17-56

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Богданова О. В.</i> «НАТАЛИ» И. А. БУНИНА И «ДАНТЕ» Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО.....	5
<i>Борисова У. Ю.</i> ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РАССКАЗА А. И. КУПРИНА «ПОСЛЕДНИЙ ДЕБЮТ».....	11
<i>Казанцева В. А.</i> КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЯПОНЦЕВ ГЛАЗАМИ И. А. ГОНЧАРОВА	14
<i>Карпенко И. С.</i> НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПОЛИСЕМИИ НАИБОЛЕЕ ЧАСТОТНЫХ АДЪЕКТИВНЫХ МАЛОСЕМЕМНЫХ ЛЕКСЕМ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ.....	17
<i>Козельская Н. А.</i> АКТУАЛЬНЫЕ МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ СЛОВ (ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА).....	20
<i>Леонов А. И.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЙ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ..	23
<i>Миркина Ю. З.</i> ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОМАНА МАКСА ФРИША «ХОМО ФАБЕР»	26
<i>Нагина К. А.</i> В «ЛАБИРИНТЕ СЦЕПЛЕНИЙ» МЕЖДУ ВОЙНОЙ И ОХОТОЙ: ВОЛКИ В РОМАНЕ Л. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»	28
<i>Паринова А. С.</i> СИМВОЛИКА НАЗВАНИЯ РОМАНА ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ».....	33
<i>Радь Э. А.</i> КОННОТАЦИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «БЛУДНЫЙ» В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ	38
<i>Рудакова А. В.</i> ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ФИКСАЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА	44
<i>Савинков С. В., Соколова Е. В.</i> ЧЕЛОВЕК БЕЗ БИОГРАФИИ: ЛИНИЯ ЖИЗНИ ГРИГОРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ПЕЧОРИНА.....	49
<i>Лина Сарин</i> ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЕКТ Д. ГЛУХОВСКОГО «ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033» В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЕТЕВОЙ СЛОВЕСНОСТИ	53
<i>Сафрон Е. А.</i> ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА В. В. ОРЛОВА «АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ»	57
<i>Скуридина С. А.</i> ОРНИТОМОРФНАЯ СИМВОЛИКА ТОПОНИМА СКВОРЕШНИКИ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»	63
<i>Стернин И. А., Стернина М. А.</i> ВИДЫ И МЕТОДЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛЕКСИКИ	66
<i>Тернова Т. А.</i> ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ НАЧАЛО СБОРНИКА УКРАИНСКОГО ИМАЖИНИСТА Л. ЧЕРНОВА «ПРОФСОЮЗ СУМАСШЕДШИХ»	69
<i>Удодов А. Б.</i> ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ РОМАНА «ТИХИЙ ДОН» В НОВЕЙШЕМ КУЛЬТУРНО- ЭСТЕТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	73
<i>Черванёва В. А.</i> РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА: СУБЖАНР ЛИЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	76

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Алгулиев Р. М., Абдуллаева С. Р.</i> МЕСТО И ЗАДАЧИ МЕДИАМОНИТОРИНГА В КОНТЕКСТЕ МЕДИАМЕНЕДЖМЕНТА...	79
<i>Бебчук Е. М., Запрягаева М. Я.</i> ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ И УДАРЕНИЯ В ОРФОЭПИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ: ТРУДНОСТИ ВЫБОРА БАЗОВОГО СЛОВАРЯ.....	85
<i>Бойчук А. Н.</i> ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ТЕЛЕВИДЕНИЯ В СЕРОВЕ (1990-2014 ГГ.)	91
<i>Буракова П. В.</i> О ЖАНРОВОМ СВОЕОБРАЗИИ ДНЕВНИКОВ ХУДОЖНИКА.....	96
<i>Васильев С. Л.</i> ИДЕНТИФИКАЦИОННОЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ: ЗАДАЧИ И ИНСТРУМЕНТЫ.....	100
<i>Дякина А. А., Сайдумаров Х. Ш.</i> ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ТАДЖИКИСТАНА И РОССИИ В МАТЕРИАЛАХ ИНФОРМАЦИОННОГО АГЕНТСТВА И ГАЗЕТЫ «ASIA-PLUS»	105
<i>Колесникова В. В.</i> О МЕРАХ ГОСПОДДЕРЖКИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТНОЙ ПРОДУКЦИИ В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ.....	110
<i>Колобов В. В.</i> К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОМ СПОРЕ А. В. ЖИГУЛИНА И В. Т. ШАЛАМОВА О ЛАГЕРНОЙ ПОЭЗИИ	112
<i>Колодяжный И. В.</i> ИСТОРИОСОФСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА В. В. КОЖИНОВА	117
<i>Курбакова Е. В.</i> ПОСТАНОВЛЕНИЯ КАЗАНСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ ПО ПРЕССЕ 1906 ГОДА В КОНТЕКСТЕ ОТЗЫВА МОСКОВСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ	120
<i>Лебедева Т. Ю.</i> МИФОЛОГИЗАЦИЯ И ЭСТЕТИКА ПРЕМИАЛЬНЫХ БРЕНДОВ В ПРАКТИКЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ	124
<i>Левшаков В. С.</i> РОЛЬ СУБЪЕКТА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ.....	129
<i>Литвинова Н. В.</i> ЗАРУБЕЖНЫЕ WEB-РЕСУРСЫ ЖУРНАЛИСТСКИХ РАССЛЕДОВАНИЙ: ОСНОВНЫЕ ТИПЫ	132
<i>Милославская З. А.</i> РАБОТА ЖУРНАЛИСТА В УСЛОВИЯХ ГИБРИДИЗАЦИИ МЕДИАТЕКСТА	137
<i>Мордвинова Т. Ю.</i> ТВОРЧЕСТВО ЛИСИЦКОГО – ХУДОЖНИКА ПЕЧАТИ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ЕВРОПЫ (К ИСТОРИИ МОДУЛЬНОЙ ВЕРСТКИ).....	143
<i>Старых Н. В.</i> ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЕКТИРОВАНИИ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ	146
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	151

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2017. № 1. January – March

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Bogdanova O. V.</i> «NATALI» I. A. BUNIN, «DANTE» D. S. MEREZHKOVSKY	5
<i>Borisova U. Y.</i> THE PLOT-COMPOSITIONAL SYSTEM OF A. I. KUPRIN'S STORY «THE LAST DEBUT»	11
<i>Kazantseva V. A.</i> THE COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF JAPANESE AS VIEWED BY I.A.GONCHAROV	14
<i>Karpenko I. S.</i> NATIONAL PECULIARITY OF RUSSIAN AND ENGLISH MOST FREQUENT LITTLE SEMEME ADJECTIVAL LEXEMES POLYSEMY	17
<i>Kozelskaya N.A.</i> ACTUAL METALINGUISTIC SEMANTIC COMPONENTS IN PSYCHOLINGUISTIC MEANING OF THE WORD (ASSOCIATION EXPERIMENT)	20
<i>Leonov A. I.</i> LINGUISTIC CULTURAL FEATURES OF ENGLISH AND RUSSIAN MILITARY TERMINOLOGY	23
<i>Mirkin J. Z.</i> TIME ORGANISATION OF THE NOVEL BY MAX FRISCH «HOMO FABER»	26
<i>Nagina K. A.</i> IN «THE LABYRINTH OF COUPLINGS» BETWEEN WAR AND HUNTING: WOLVES IN L. TOLSTOY'S NOVEL «WAR AND PEACE»	28
<i>Parinova A. S.</i> THE SYMBOLICS OF THE TITLE OF ZAHAR PRILEPIN'S NOVEL «CONVENT»	33
<i>Rad E. A.</i> CONNOTATIONS OF THE DEFINITION «PRODIGAL» IN THE LIFE AND WORK OF M. TSVETAYEVA	38
<i>Rudakova A. V.</i> LEXICOGRAPHICAL FIXATION OF THE TEMPORAL DIFFERENCES OF PSYCHOLINGUISTIC MEANING OF THE WORD	44
<i>Savinkov S.V.</i> MAN WITHOUT BIOGRAPHY: LIFE LINE OF GRIGORY ALEXANDROVITCH PECHORIN	49
<i>Sareen Leena D.</i> GLUKHOVSKY'S LITERARY PROJECT «UNIVERSE OF METRO 2033» IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ONLINE RUSSIAN (NATIONAL) LITERATURE	53
<i>Safron E. A.</i> GENRE TEXTURE OF V. V. ORLOV'S NOVEL «THE VIOLIST DANILOV»	57
<i>Skuridina S. A.</i> SKVORESHNIKI AS AN ORNITHOMORPHIC SYMBOLIC TOPONYM IN THE DOSTOEVSKY'S NOVEL «DEVILS»	63
<i>Sternin I. A., Sternina M. A.</i> TYPES AND METHODS OF COMPARATIVE STUDIES	66
<i>Ternova T. A.</i> INTERTEXTUALITY IN THE COLLECTION OF THE UKRAINIAN IMAGINIST L. CHERNOVA «THE UNION OF CRAZY»	69
<i>Udodov A. B.</i> FICTIONAL ANTHROPOLOGY OF THE NOVEL «THE QUIET DON» IN THE A NEW CULTURAL AND AESTHETIC DISCOURSE	73
<i>Chervaneva V. A.</i> SPEECH GENRES OF MYTHOLOGICAL TEXT: SUBGENRE «PERSONAL INTERPRETATION»	7

JOURNALISM

<i>Alguliyev R. M., Abdullayeva S. R.</i> LOCATION AND TASKS OF MEDIA MONITORING IN THE CONTEXT OF MEDIA MANAGEMENT.....	79
<i>Bebchuk E. M., Zapryagaeva M. Ya.</i> THE REFLECTION OF THE PECULIARITIES OF MODERN PRONUNCIATION AND ACCENT IN PRONOUNCING DICTIONARIES: THE DIFFICULTIES OF CHOOSING BASE DICTIONARY.....	85
<i>Boichuk A. N.</i> THE STAGES OF DEVELOPMENT OF TELEVISION IN SEROWE (1990-2014).....	91
<i>Burakova P. V.</i> ABOUT THE ARTISTS' DIARIES SINGULARITY.....	96
<i>Wasiliew S. L.</i> IDENTIFICATION ORIENTEERING READERS OF PERIODICALS: TASKS AND INSTRUMENTS.....	100
<i>Dyakina A. A., Saidumarov Kh. Sh.</i> TRADE AND ECONOMIC RELATIONSHIP BETWEEN TAJIKISTAN AND RUSSIA IN THE MATERIALS OF INFORMATION AGENCY AND NEWSPAPER «ASIA-PLUS».	105
<i>Kolesnikova V. V.</i> ABOUT MEASURES OF STATE SUPPORT OF PRINTED PERIODICALS IN THE VORONEZH REGION.....	110
<i>Kolobov V. V.</i> TO THE QUESTION OF CREATIVE DISPUT A.V. ZHIGULINA AND V. T. SHALAMOV ON THE CAMP POETRY.....	112
<i>Kolodyazhny I. V.</i> HISTORIOSOPHICAL JOURNALISM V. V. KOZHINOVA	117
<i>Kurbatova E. V.</i> THE DECISION OF THE KAZAN COURT CHAMBER OF THE PRESS IN 1906 IN THE CONTEXT OF REVIEW OF THE MOSCOW PERIODICALS.....	120
<i>Lebedeva T. Ju.</i> MYTHOLOGIZING AND AESTHETICS OF PREMIUM BRANDS IN THE PRACTICE OF MEDIA COMMUNICATIONS.....	124
<i>Levshakov V. S.</i> THE ROLE OF THE SUBJECT IN JOURNALISTIC DIALOGUE.....	129
<i>Litvinova N. V.</i> FOREIGN WEB-RESOURCES FOR INVESTIGATIVE JOURNALISM: THE MAIN TYPES.....	132
<i>Miloslavskaya Z. A.</i> THE JOB OF THE JOURNALIST IN THE CONDITIONS OF THE HYBRIDIZATION OF MEDIA TEXT.....	137
<i>Mordvinova T. Yu.</i> THE WORKS OF LISSITZKY – ARTIST PRINT IN THE CONTEXT OF THE ARTISTIC IDEAS OF EUROPE (THE HISTORY OF THE MODULAR LAYOUT)	143
<i>Starykh N. V.</i> HUMANITARIAN TECHNOLOGIES IN THE DESIGN OF NON-PROFIT ADVERTISING.....	146
SUBMISSION GUIDELINES.....	151

«НАТАЛИ» И. А. БУНИНА И «ДАНТЕ» Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО

О. В. Богданова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2017 г.

Аннотация: в статье предлагается новый взгляд на рассказ И. А. Бунина «Натали» (1941), основанный на сопоставлении его со сценарием Д. С. Мережковского «Данте» (1939). Оба произведения, созданные в русле философских споров о феноменологии любви, обнаруживают удивительные точки соприкосновения, свидетельствующие о близости творческих взглядов художников и одновременно об их различиях. В статье показано, что если Мережковский работал над текстом как исследователь и теоретик, то Бунин как художник и творец, привнося в нарратив живость и образность реальной жизни.

Ключевые слова: история русской литературы XX в., проза, драматургия, «Натали» И. А. Бунина, «Данте» Д. С. Мережковского, феноменология любви.

Abstract: the article offers a new perspective on the story by I. A. Bunin "Natalie" (1941), based on the comparison with the screenplay of D. S. Merezhkovsky "Dante" (1939). Both works deals with philosophical debate about phenomenology of love and find amazing common features, indicating the proximity of creative thinking of artists and at the same time detecting their differences. The article shows that Merezhkovsky was working on the text as a researcher and theorist, but Bunin as an artist and creator. Bunin was brought into the narrative vivacity and imagery of real life.

Keywords: history of Russian literature of the twentieth century, prose, drama, "Natali" I. A. Bunin, "Dante" D. S. Merezhkovsky, phenomenology of love.

В структуре цикла «Темные аллеи» рассказ «Натали» занимает исключительную позицию, положение его по сути «кульминационное». Он помещен в самом центре новеллистического цикла (20-й из сорока рассказов), им завершается второй — срединный (II) — раздел («сильная позиция» конца), неожиданным оказывается объем текста (он едва ли не в два-три раза больше любого из рассказов цикла «Темные аллеи»). Все это привлекает внимание и заставляет пристальнее взглянуть в «этиологию» и «семантику» той любви, о которой размышляет писатель, присмотреться к характеру и формам повествования, которые избирает автор.

Надо заметить, что для времени Бунина тема любви была одной из главных слагаемых синкретичной жизненной философии. По словам В. П. Шестакова, в начале XX века тема любви с «вулканической энергией» [1, 6] ворвалась в сознание эпохи, и как следствие, в русскую культуру — в живопись и скульптуру, музыку и литературу, философию и теологию. «Философия любви» оказывалась одновременно «и этикой, и эстетикой, и психологией, и постижением божественного» [1, 7].

Как известно, Бунин не примыкал ни к одной литературной группе или литературному течению

ни в России, ни позже, в эмиграции. Между тем особенность пребывания вне родины, изолированность от метрополии, желание спасти русскую культуру и придать высокую духовную миссию «выжившей» русской литературе побуждали Бунина к сближению с русской эмиграцией в изгнании, к консолидации литературных сил на чужбине, со всей очевидностью к активизации атмосферы интеллектуальной жизни, творческих контактов и дискуссий по важнейшим вопросам философии, истории, культуры. Осуществлению подобных задач (наряду с другими проектами) во многом способствовало литературно-философское общество «Зеленая лампа», созданное в Париже в 1927 году по инициативе Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус. Как позднее вспоминал Ю. Терапиано, Мережковские решили создать нечто вроде «братского общества», «инкубатора идей» [2, 21], где бы все участники были связаны между собой стремлением поиска общности представлений по важнейшим философско-онтологическим вопросам.

Одной из важнейших философских дирекций «Зеленой лампы» была магистральная тема русской литературы — любовь. Так, в 1925 году Зинаида Гиппиус выступила с обширной статьей «О любви» (I часть — «Любовь и мысль», II часть — «Любовь и красота»; более поздний вариант названия статьи — «Искусство и любовь»), где ставила «задачу люб-

ви», выводила ее на уровень «мировой проблемы, вопроса, не менее других актуального и процессуального», взывала к тому, что «в любви есть *смысл*, который <...> должно разгадать» [3, 433]. В 1929 году в парижском зале «Плейель» прошёл «двойной вечер» (два заседания) «Зеленой лампы» с объявленной темой — «О любви». Одно из этих заседаний Общества с речью «Арифметика любви» открывала З. Гиппиус, вслед за ней выступали Г. Адамович, В. Злобин, А. Ладинский, Д. Мережковский, Н. Оцуп, Н. Тэффи, М. Цетлин и др. Понятно, что в атмосфере слияния чувственной и гносеологической интенций внимание в том числе и Бунина к феноменологии любви обретает не только физиологический, психологический, но и метафизический — философский — характер.

Об исток замысла рассказа «Натали» Бунин писал в «Происхождении моих рассказов»: «Мне как-то пришло в голову: вот Гоголь выдумал Чичикова, который ездит и скупает “мертвые души”, и так не выдумать ли мне молодого человека, который поехал на поиски любовных приключений? И сперва я думал, что это будет ряд довольно забавных историй. А вышло совсем, совсем другое <...>» [4]. Между тем гоголевский сюжет у Бунина остался за рамками сюжетного повествования. Дорожная авантюрно-приключенческая фабула поэмы Гоголя оказалась свернутой до усеченной полужаузы — герой «стал ездить в поисках любовных встреч по соседним имениям, по родным и знакомым» [5, 125]. Более того, ключевое сюжетное событие сконцентрировано в тексте рассказа на единственной и роковой «остановке» героя — на его приезде в имение дяди по матери, отставного улана Черкасова, отца единственной дочери Сони, двоюродной сестры молодого героя.

Обращает на себя внимание, что Виталий Мещерский, от имени которого ведется повествование, волею обстоятельств (точнее — волею автора) поставлен в ситуацию не просто «путешествия» по жизни, но важного и трудного для него жизненного выбора. Только что надевший «студенческий картуз» [5, 125], герой «счастлив тем особым счастьем начала молодой свободной жизни, что бывает только в эту пору» [5, 125]. И свободу юный персонаж мыслит как намерение стать «как все» — «нарушить свою чистоту», «искать любви без романтики» [5, 125].

Казалось бы, рассказовая ситуация проста: герой Бунина должен испытать первую любовь (неслучаен вопрос: «...что вы думаете о первой любви?» [5, 136]). Однако диктат автора приводит персонажа к более сложной механике «инициации» — к взрослению не только физическому, но и моральному. В имении Черкасовых он оказывается погруженным в обстоятельства не по возрасту сложные. Бунин художественно ярко, образно и пластично проигрывает ситуацию возникшего «любовного треугольника», но при этом на идейном уровне прямолинейно и просто — рационалистично — сталкивает героя с двумя типами любви: «дьявольской» и «ангельской» (по определению Л. Толстого [3, 437]). И на уровне образной системы рассказа художественным воплощением различных типов любви становятся Соня и Натали.

«Дьявольские» коннотации низменной, плотской страсти буквально с первых строк пронизывают образ «грешной» бунинской Сони. Встреча героев происходит глубокой ночью («Тише, все спят» [5, 126]), вокруг темно («темная прихожая» [5, 125]), они «наедине» [5, 128]. Юная героиня встречается запоздалого гостя «в ночном фланелевом халатике», «под которым, верно, ничего нет» [5, 125–126]. «Этикетный» поцелуй в щеку [5, 125] очень скоро оттеняется чувственным впечатлением от созерцания девичьей «открытой до плеча руки», увиденного в разрезе халата ее «полного колена», «поджатого бедра», «полнеющей груди» и обнаженной «круглой загорелой шеи» [5, 126, 127], а впоследствии перерастает в «долгий» и «жадный» поцелуй на пороге спальни [5, 129]. Физиологичность деталей «прелестей» [5, 127] приоткрывает направленность взгляда молодого героя («глаза бегают» [5, 127]) и выдает юношескую тягу «ко всему ее <Сониному> телу» [5, 128], но одновременно обнаруживает соблазнительную и откровенную нескромность двадцатилетней «совершенной красавицы» [5, 126], дьяволицы-кузины.

Лексико-семантический ряд (шутки-разговоры героев о верности [5, 126–128]), как и игриво-кокетливый тон, избранный персонажами для поддержания диалога («интересный нахал» [5, 126]), свидетельствуют о завязке любовной интриги, их «любовных утех» [5, 126]. «Дьявольское» начало коллизии мощно поддерживается и оттеняется мотивом смеха, пронизывающим всю сцену ночной встречи героев и их последующего общения — как известно, в русской традиционной культуре смех устойчиво связан с «приметой беса» [6, 123]. В том же ряду снижающих констант оказывается и мотив серных спичек, сигарет, вина [5, 127].

Тревожно трагический образ «крупной летучей мыши» [5, 129], залетевшей в раскрытое окно комнаты героя и послужившей ему «зловещим предзнаменованием» [5, 129], близ образа героини-искусительницы оборачивается знаком-символом той злой силы, которая в славянском фольклоре связана прежде всего с духом чертовщины (в произведениях искусства дьявол как падший ангел нередко изображается с крыльями летучей мыши). При этом симптоматично, что в народном представлении летучая мышь (наряду с прочими коннотациями) непосредственно связана и с любовной (приворотной) магией [7, 147–148].

Наоборот, в противоположность образу «греховной» Сони с первых упоминаний о Натали начинает формироваться «ангельский чин» ее образа. Ангелоподобной выглядит героиня при первом — внешнем — описании, данном ей Соней [5, 126]. Изобилие золотого цвета, светлые волосы, большие темные глаза — все эти детали, усиленные при первом и последующих появлениях героини, придают образу Натали едва заметную, но узнаваемую иконописность. Неслучайно позже в тексте почти незаметно прозвучит сравнение: «уже как от иконы не мог оторвать от нее глаз» [5, 146].

Хрупкость и стройность придают образу Натали черты (почти) «монашенки». Неслучайно в образе Натали мотив смеха сменяется и вытесняется мотивом молчания и смущения (вечерами «мы с Соней <сидели> шутя и куря, а Натали молча» [5, 134]). А по ходу повествования герой обратит внимание «на иноческую стройность ее черного платья, делавшего ее особенно непорочной» [5, 146].

«Чинным» выглядит и упоминание о том, что Натали «из прекрасной семьи, очень богатой когда-то, теперь же просто нищей» [5, 128]. По словам подруги, «в доме говорят по-английски и по-французски, а есть нечего...» [5, 128]. На этом фоне упоминание о богатом женихе Натали и о возможной жертвенности ее судьбы («богат, подумают, что вышла из-за денег, пожертвовала собой для родителей...» [5, 128]) прочитывается как традиционный канон «жития святых», нищенствующих и скромных.

Если появление Сони в тексте рассказа было «плотным» и «плотским» — сугубо телесным, то появление Натали мимолетно, мгновенно, подобно вспышке солнечного света, игре солнечного луча [5, 129]. Если рядом с образом Сони соседствуют образы летучей мыши и лягушки [5, 131], то Натали окажется незримо сопоставленной с бабочкой, легкой, хрупкой, молниеносной [5, 148].

Т. е. стороны возникающего в повествовании «любовного треугольника» формируются двумя противоположностями: действительно, «ангельским» и «дьявольским». И юный — неискушенный, но искушаемый — герой оказывается на распутье, встает перед непростым жизненным выбором. При этом положение, в которое Буниным поставлен герой, оказывается не просто сложным, но намеренно «экспериментальным». Еще при первой встрече прагматичная Соня предрекала герою: «Ты будешь сходить с ума от любви к ней <Натали>, а целоваться будешь со мной. Будешь плакать у меня на груди от ее жестокости, а я буду тебя утешать» [5, 128]. И уже в этой коллизии угадывалось немало драматических ракурсов. Однако писатель намеренно затрудняет и усложняет выбор героя: он «думал с двумя совершенно противоположными чувствами о Натали и о Соне» [5, 132], но был *влюблен* в обеих. По условиям Бунина, ге-

рой должен не просто выбрать одну из героинь, но отказаться от одной из них, от любви к Натали или от любви к Соне. Чем же продиктован выбор героя?

В рамках интеллектуальных споров «Зеленой лампы» феноменология любви обрела характер не только абстрактных эзерсисов, но нередко была непосредственно привязана к личности некоего исторического лица или литературного героя (например, образов Дон Кихота и Дульсинеи Тобосской, Петрарки и Лауры). Но особенно высокого накала размышления о философии любви достигали в Обществе в связи с личностью, жизнью и творчеством Данте Алигьери, его любовью к Беатриче. Данте посвящали заседания, дискуссиям подвергалась «Божественная комедия», циклы любовных сонетов «Новая жизнь», о Данте писали художественные произведения. Одним из них был киносценарий «Данте» (1936–1937), созданный Д. С. Мережковским в последние годы существования литературного сообщества «Зеленая лампа» и опубликованный в Париже в 1939 году. Любопытно, что рассказ Бунина «Натали» словно незримыми нитями связан с «Данте» Мережковского, фиксирует в тексте «приемы», сюжетные повороты, идейные ракурсы, явно унаследованные от творения современника. При этом речь не идет о зависимости, о заимствовании, об усвоении идей Мережковского, скорее — о типологии, о совместном участии литераторов в дискуссиях и спорах по «задачам любви» и ее интерпретации.

В своем киносценарии Мережковский воспроизводит весьма близкую бунинскому рассказу ситуацию. Флорентийские празднества «бога Любви», Signor Amore, «сладкого и страшного бога-демона» [8, 452], пробуждают в сознании зрителя (читателя) знаменитую историю любви Данте к Беатриче. При этом рядом с рыцарской любовью «отрока» к «Прекрасной Даме» [8, 455, так у Мережковского] соседствует «скучная» помолвка юного героя с соседкой Джеммой Донатти, а позже — поклонение монне Ладжие [8, 456]. Хронотопические доминанты, игра цвета, архетипы света и тени, парность и «двойничество» персонажей, столкновение символики чисел (2 и 3, 6, 7, 9), сюжетные повороты, психологические нюансы текста Мережковского неявно, но угадываемо опосредуют строение бунинского рассказа.

По Мережковскому, дантевский путь любви — это путь, указуемый Богом-светом. Потому образ «Лучезарной Дамы» Мережковского словно бросает ответ на первое появление Натали у Бунина, «расшифровывая» истоки светоносного, лучеподобного впечатления, произведенного героиней.

Ангельские черточки образа Натали словно порождены и инициированы образом Ангела-Биче. Герой Мережковского признается: «После первой встречи с Беатриче “бог Любви воцарился моей душе

так, что я вынужден был исполнять все его желания. Много раз повелевал он мне увидеть этого юнейшего Ангела» [8, 456]. Недовоплощенное ангельское начало Натали в рассказе Бунина обретает свое словесное довоплощение (полнозвучное название героини Ангелом) у Мережковского.

Первая глава сценария Мережковского, названная «Белая роза» и связанная с мотивом «награждения» Данте белой розой из рук Беатриче, находит отклик в образе «темно-красной бархатистой розы в волосах» [5, 132] Сони. Дантевский лейтмотив «Новой жизни» «белая роза — алая кровь» словно незримо поддерживал бунинскую метаморфозу.

Трогательный эпизод нежных отношений Виталия и Натали включает у Бунина описание вечернего ветра, который чувствует герой и который предлагает почувствовать (вдохнуть) героине. «Натали, на минутку! <...> Вздохните — какой ветер! Какой радостью могло бы быть все!» [5, 135]. Весьма сходный образ вычитывается и в тексте Мережковского, когда ветер и поцелуй ставятся писателем в непосредственную близость и обнаруживают поэтическую связь: «Сухо шелестят страницы пыльных, старых книг; но подымает их веющий из окна, *душисто-влажный, как поцелуй любви, весенний ветер*» [8, 458]. Сцена из Бунина воспринимается непосредственным продолжением этого образно-поэтического впечатления.

Можно назвать комплекс мотивов, образов, деталей сценария Мережковского, которые словно переключаются в текст рассказа Бунина, поддерживая линии поведения главного героя и (анти)героинь. Однако наиболее важным оказывается «теория» любви, философия чувства, которую предлагает Мережковский и которую отражает Бунин.

В тексте Мережковского появляется персонаж Гвидо Кавальканти, друг Данте. Именно он теоретизирует по поводу любви и предлагает Данте ее новое прочтение (т. н. «новую любовь»). Гвидо вопрошает: «Чтобы человек, молодой и влюбленный в женщину так, что бледнеет и краснеет, заведя ее только издали на улице, а когда она к нему подходит, убегает, боясь лишиться чувств, — чтобы такой возлюбленный ничего от любимой не пожелал, кроме мимолетного приветствия, — этому люди никогда не поверят; веришь ли ты этому сам?» [8, 460]. И в противовес Данте предлагает решение: «Истинной любви не может быть между супругами <...> Самая блаженная и огненная — любовь издалика» [8, 460]. Призыв друга: «Выбери же одно из двух, земную любовь или небесную, чтобы не мучиться так и не презирать себя за эти напрасные муки» [8, 460].

Между тем, несмотря на призыв друга к однозначности и однополярности, вопреки традиционному доминированию возвышенных чувств Данте к Беатриче, философия любви у Мережковского обретает характер «новой любви», любви к двоим.

«Двух любить не только можно, но и должно, по законодательству *новой любви*: муж любит жену и любовницу, и жена — мужа и любовника» [8, 461]. Заметим, что в рассказе «Натали», хотя и лишенном образа сведущего друга-наставника, ролевую функцию сомнения Бунин не снимает, но доверяет главному герою. Тот сам задается вопросом: «...отчего же нельзя любить двух?» [5, 131]. Потому в плане реализации законов «новой любви» в сюжете Мережковского рядом с Данте и Беатриче появляется образ т. н. Дамы Щита, монны Ладжии, которая скрашивает одиночество поэта, не могущего быть соединенным с его возлюбленной Биче.

Надо заметить, что Бунин не следует за Мережковским сознательно, скорее неосознанно проигрывает в собственном художественном воображении сходные варианты феномена любви. Потому он не вводит в рассказ образ (или даже понятие) Дамы Щита, но (вслед за Мережковским) именно эту роль попеременно доверяет героиням — то Соне, то Натали. «Изволь с нынешнего дня притворяться, что ты влюбился в...» [5, 132]. Ср. у Мережковского: «А любопытно было бы знать, кто кому служит щитом, монна Ладжия монне Биче, или наоборот...» [8, 461]. Т. е., создавая в «Натали» иную в плане событийного наполнения ситуацию рассказа, фактически Бунин в отношениях «Виталий — Соня — Натали» незримо «воспроизводит» инвариантную историю Мережковского «Данте — Беатриче — Дама Щита».

Ранее уже было высказано суждение о том, что объем рассказа «Натали» значительно превышает размеры иных рассказов цикла «Темные аллеи». Если бы сюжет бунинского рассказа был завершен ситуацией выбора героя, то он оказался бы соизмеримым по объему с другими текстами цикла, и его задача была бы в значительной мере решена. Герой Бунина был поставлен перед выбором, и он его совершил. Причем выбор юного и чистого героя мотивирован законами «старой любви» — герой выбирает с первой встречи именно Натали, «призрак» дантевской Биче. Неслучайно в ответ на слова Сони «Изволь с нынешнего дня притворяться, что ты влюбился в Натали. И берегись, если окажется, что тебе притворяться не надо» у героя едва не вырвалось «с веселой дерзостью», что «да, уже не надо... <притворяться>» [5, 132], он влюблен.

Кажется, что выбор сделан героем Бунина, и финал достигнут. Но, как и у Мережковского, в философии «новой любви» Бунина субъективный выбор еще не означает того, что Вселенная согласится с ним. В личный выбор персонажа вмешиваются другие — обстоятельства и герои. И подобно тому, как в сценарии Мережковского Биче становится свидетельницей чтения Данте стихов Даме Щита [8, 462], так и у Бунина сюжет находит продолжение: Натали становится очевидицей ночного поцелуя Сони и Витика [5, 143]. Мгновенное исчезновение

Натали воплощает без слов суждение, облаченное в слова Беатриче: «Если ты хочешь любить двух, я не хочу быть одною из двух!» [8, 462]. По существу рассуждения героя Мережковского: «Как бы эта игра в мнимую любовь не оказалась опасной для истинной!» [8, 461] — становятся итогом и объяснением невозможности выбора героя Бунина, казалось, осуществленного, но на деле так и не состоявшегося в усадьбе Черкасовых.

Итак, сюжет рассказа Бунина «Натали» *мог быть* исчерпан ситуацией выбора / невыбора. Однако Бунин разворачивает повествование далее (доводит его до символического числа семи главок), и последующая наррация оказывается нестрогой реализацией принципов «новой любви», исповедуемой Мережковским в «Данте».

Подобно тому, как Беатриче у Мережковского выходит замуж за Симоне де Барди, так у Бунина Натали «через год» [5, 143] оказывается замужней. Герой Мережковского не может согласиться с такой судьбой и едва не сходит с ума [8, 459]. Сходные чувства переживает и герой Бунина. Особенно примечательна переключка случайных встреч героев и их возлюбленных. У Мережковского — в тот момент, когда Данте оказывается на приеме «невестинных подруг» [8, 463]. У Бунина — в Татьянин день на студенческом балу в Воронеже [5, 143]. Примечательно, что даже нюансировка «мгновения» случайной встречи оказывается у художников близкой: как у Мережковского, героиня, проходя по улице, «обратила глаза свои *в ту сторону, где я стоял*» [8, 463], так и у Бунина, вальсирующая Натали только обращает взор *в ту самую сторону* (безличностность описания: «На мгновение черные ресницы ее взмахнулись прямо на меня» [5, 144]), но герой так и не осознает, увидела ли она его. Дантевское желание «умереть или сойти с ума» находит отклик в состоянии героя Бунина: «В гостинице <я> спросил в номер бутылку кавказского коньяку и стал пить чайными чашками, в надежде, что у меня *разорвется сердце...*» [5, 144], «как хотел я умереть в ту ночь в восторге своей любви и гибели!» [5, 151].

Последующие встречи Мещерского с Натали доводятся Буниным до символической троекратности: *случайность* (бал в Воронеже) — *необходимость* («предлог <...> страшный, но законный», [5, 145] — присутствие на похоронах родственника, мужа Натали) — *осознанное желание* встречи с героиней (телеграмма и приезд в имение Натали). При этом за истекшие несколько лет в жизни Виталия Петровича многое изменилось. Он не только «кончил курс» [5, 147] Московского университета, но повзрослел (герою теперь 26 лет), поселился в деревне, хозяйствовал и главное — для постижения феноменологии любви — «сошелся с крестьянской сиротой Гашей», которая родила ему «маленького черненького мальчика» [5, 147].

Образ Гаши вновь обнаруживает нестрогую переключку с текстом Мережковского. Подобно тому, как у Данте его нареченная, ставшая женой Джемма Донати — «знакомая, миловидная, но почему-то ему опостылевшая, скучная девочка» [8, 456], так и для героя Бунина его Гаша была «маленькая, худенькая, черноволосая, с ничего не выражающими глазами цвета сажи, загадочно молчаливая, будто ко всему безучастная», и когда герой смотрел на нее, носил на руках, целовал, то с горечью думал: «...вот и все, что осталось мне в жизни!» [5, 147].

Обе «немилые» героини удивительно похожи. В VII главе Джемма у Мережковского беременна, сидит «у стола с нагоревшей свечой, шьет пеленки» [8, 466]. В VII (заключительной) главе у Бунина Гаша только что родила и предстает в рассказе с ребенком на руках, сосущим грудь [5, 147]. Обе просты, добросердечны, великодушны. Джемма знает о «девчонках», к которым питает слабость Данте, и о его долгах за «золотые ожерелья модной французской работы» [8, 467], которые тот покупает любовницам. С помощью своего отца она погашает долги Данте. Героиня Бунина на предложение обвенчаться после рождения сына отвечает: «Нет, мне этого не нужно, мне только стыдно будет перед всеми, какая же я барыня!» [5, 147]. И предлагает герою: «Вам надо поехать в Москву, а то вы совсем соскучитесь со мной. <...> Поезжайте, поживите в свое удовольствие...» [5, 147]. Доброта обеих героинь редкостна и почти беспредельна. Героиня Бунина ставит лишь одно условие: «только одно помните: если влюбитесь в кого как следует и жениться задумаете, ни минутки не помедлю, утоплюсь вот вместе с ним <ребенком>» [5, 147].

На фоне отношений с Гашей в жизнь героя Бунина вновь — теперь желанно и осознанно — входит Натали. На новом сюжетном витке снова возникает мотив парности, повторения, дублирования, проигрывания ранее бывших ситуаций. Повествование снова пронизывают образы-архетипы света и тени [5, 150]. И с особой силой проступает мотив «новой любви», воскресает образ Дамы Щита (хотя и в ином воплощении).

У Мережковского звучала идея «новой любви»: «Тайне истинной любви служит мнимая, к Даме Щита» [8, 460]. И теперь у Бунина Натали, ранее отвергавшая ее, принимает философию «новой любви»: «И вот ты опять со мной и уже навсегда. Но даже видеться мы будем редко — разве могу я, твоя *тайная жена*, стать твоей *явной* для всех *любовницей*?» [5, 151]. Теперь Гаша, а не Соня становится Дамой Щита для истинной любви героя к Натали. Ранее намеченный образ бабочки, связанный с Натали, с ее угадываемыми монашескими чертами, словно впархивает в текст Бунина из текста Мережковского: «Скинув черную рясу и куколь, печальная монахиня превращается в веселую девочку, как темная кукол»

ка в светлую бабочку» [8, 469]. И, наконец, финал бунинского рассказа (почти идеально повторяющий первые семь из двадцати глав «Данте» Мережковского) завершается смертью героини [5, 151], точно повторив судьбу Беатриче.

Возникает вопрос: насколько сознательным было следование Бунина тексту Мережковского? И ответ очевиден: Бунин, скорее всего, даже не чувствовал связи собственного текста с «Данте», иначе несомненно снял бы те выразительные переклички, которые обнаруживают произведения. Другое дело, что, вероятно, яркие дискуссии «о задачах любви» — в рамках «Зеленой лампы» (и шире) — не могли не оставить отпечаток на представлении Бунина о любви и ее «новой философии». Наверняка читаемый на заседаниях «Зеленой лампы» и опубликованный в 1939 году, может быть, перечитываемый и позже, текст Мережковского в 1941 году оказался *бессознательно* отраженным в рассказе Бунина «Натали», обнаруживая близость идей писателей-современников и одновременно констатируя различия в их восприятии и интерпретации феномена любви. Если Мережковский выступал в «Данте» как литературовед, историк, философ, который, как ученый, изучал все области любви, ее слагаемые, категории, действующих лиц, канон и вариант любовной интриги, ее идею, привнося в текст публицистические, социальные, общественные, политические ракурсы и дирекции, субъективируя и мифологизируя историю, общество, личность, средневековую литературу, то Бунин создавал совершенно иной текст — более свободный, более легкий, более жизнеподобный, реалистичный. В отличие от Мережковского в рас-

сказе «Натали» Бунин не намеревался предстать историком или философом, но оставался художником, свободным творцом художественного текста, хотя и движимого *мыслью* зрелого и опытного человека. Природа человека привлекала Бунина сильнее, чем идеально-мировоззренческая материя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шестаков В. П. Вступительная статья / В. П. Шестаков // Русский эрос, или Философия любви в России. М. : Прогресс, 1991. — С. 5–19.
2. Терапиано Ю. «Воскресенья» у Мережковских и «Зелёная лампа» / Ю. Терапиано // Дальние берега. Портреты писателей эмиграции. Мемуары / состав и комм. В. Крейд. М. : Республика, 1994. — 382 с.
3. Гиппиус З. Н. О любви // Гиппиус З. Н. Мечты и кошмар (1920–1925) / вступ. ст. А. Николюкина. СПб. : Росток, 2002. — 460 с.
4. Бунин И. А. Происхождение моих рассказов // Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. Освобождение Толстого. О Чехове. Избранные биографические материалы, воспоминания, статьи / подгот. текста и прим. О. Н. Михайлова. — М. : Художественная лит-ра, 1967. — 622 с.
5. Бунин И. А. Натали // Бунин И. А. Темные аллеи. — М. : Молодая гвардия, 2002. — С. 125–151.
6. Лихачёв Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачёв, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. — Л. : Наука, 1984. — 295 с.
7. Бидерман Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерман; перевод с нем. — М. : Республика, 1996. — 335 с.
8. Мережковский Д. С. Данте // Мережковский Д. С. Драматургия / вст. ст., сост., подгот. текста и комм. Е. А. Андрущенко. — Томск : Водолей, 2000. — С. 452–507.

Санкт-Петербургский государственный университет
Богданова О. В., ведущий научный сотрудник Института
филологических исследований
E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

St. Petersburg State University
Bogdanova O. V., Leading Researcher of the Institute of
Philological Studies
E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РАССКАЗА А. И. КУПРИНА «ПОСЛЕДНИЙ ДЕБЮТ»

У. Ю. Борисова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2016 г.

Аннотация: в настоящей статье анализируется сюжетно-композиционная система раннего рассказа А. И. Куприна «Последний дебют». Исследование показало, что в данном произведении автор сочетал категории двух родов: эпоса и драмы. Основанный на реальном трагическом событии (смерть в 1881 г. актрисы Е. П. Кадминой), рассказ создавался с учетом законов драмы, и субъективные сферы произведения демонстрируют чередование реплик персонажей (черта драматического искусства) и «текста повествователя» (признак эпоса). Подобное сочетание указывает не только на неопытность девятнадцатилетнего автора, но и на сложные отношения искусства и действительности, не раз отразившиеся в художественной литературе и исследованиях в области «психологии искусства».

Ключевые слова: сюжетно-композиционная система, искусство, реальность, субъективные сферы, драма, эпос.

Abstract: this paper analyzes the plot-compositional system of an early story by A. I. Kuprin "The Last Debut". The study showed that in this work the author combined the categories of two kinds: the epic and drama. Based on a real tragic event (the death of the actress E. P. Kadmina in 1881), the story was created taking into account the laws of drama, but the subjective sphere of the work displays the alternation of the talk exchange of the characters (a trait of Dramatic Art) and "the narrator's text" (a sign of the epic). This combination indicates not only the lack of experience of the author of nineteen, but also the intricate relationship of art and reality, repeatedly reflected in the literature and research in the field of "the psychology of art".

Keywords: plot-compositional system, art, reality, subjective sphere, drama, epic.

В 1889 г. девятнадцатилетний А. И. Куприн издает свой рассказ «Последний дебют». В самом заглавии, как видно, содержится оксюморон (дебют – от фр. debut – начало), сам автор, в то время – юнкер, попал за несанкционированную начальством публикацию на гауптвахту. Материалом для скандального произведения, вышедшего в сорок восьмом номере «Русского сатирического листка», стала трагическая история актрисы Е. П. Кадминой; эпиграфом к «тревожному» рассказу молодой автор взял строки из популярного стихотворения Г. Гейне (в переводе А. К. Толстого): «Я, раненный насмерть, играл, / глядяторов бой представляя» [1].

Эпиграф, как и положено, отражает суть изложенного в купринском «дебюте», так как в самом стихотворении идет речь о неразрывной связи реальной жизни и искусства, в данном случае – актерской игры:

Но вот, хоть уж сбросил я это тряпье,
Хоть нет театрального хламу,
Доселе болит еще сердце мое,
Как будто играю я драму!

И что я поддельною болью считал,
То боль оказалась живая, –

О, боже! Я, раненный насмерть, играл,
Гладиатора смерть представляя [2, 105 – 106].

В купринском рассказе, как уже было отмечено, отразилась трагедия, также соединившая действительность и театральную игру: в 1881 г., в харьковском театре, во время представления «Василисы Мелентьевой» А. Н. Островского (где тоже присутствует мотив отравления) актриса приняла яд (причина – преданная любовь) и через несколько дней скончалась.

Самоубийство молодой одаренной женщины потрясло современников: И. С. Тургенев создал «После смерти (Клара Милич)», Н. С. Лесков – «Театральный характер», поэт С. Андреевский посвятил ей стихотворение «Певница», П. И. Чайковский – романсы, А. Кастальский – оперу. Происшествие, связанное с театром, не могло не привлечь и драматургов: авторами пьес со сходными фабулами стали А. И. Чепалов, Н. Н. Соловцов-Федоров. Откликнулся А. С. Суворин, написав драму под названием «Татьяна Репина». А. П. Чехов участвовал в 1889 г. в постановке суворинской пьесы, а вскоре и сам сделал «продолжение» [3] с одноименным названием.

«Уже давно выражалась мысль о том, что искусство как бы дополняет жизнь и расширяет ее воз-

мжности» [4, 314], – отмечал Л. С. Выготский. Есть основания полагать, что произведения откликнувшихся на происшествие авторов решали сложные жизненные проблемы: эмансипация женщины, сложность актерского ремесла, незащищенность человека и пр.

В основе всех перечисленных произведений лежит *миф* о соблазненной и покинутой женщине, а поскольку «каждое общество с помощью своих мифов выражает такие основные чувства, как любовь, ненависть, месть – общие для всего человечества» [5, 184], то можно предположить, что литераторы и музыканты показали очень современную и актуальную модель, содержащую субстанциальные антропологические проблемы, выраженные средствами разных видов искусства.

Купринское произведение является эпическим, но трагическое напряжение «претекста» (реальной истории) позволило добавить рассказу черты драматического рода. Учитывая «диалектическое взаимодействие сюжета и композиции, как элементов художественного произведения» [6, 15], попытаемся выявить логику сюжетно-композиционной системы синтезированного жанра рассказа «Последний дебют».

При знакомстве с данным произведением читатель обращает внимание на то, что *экспозиция* чрезмерно затянута по отношению к общему объему. Данная дисгармония, с одной стороны, может указывать на неопытность начинающего писателя, но с другой стороны, таким образом подчеркивается и жанровая эклектика: так могла бы начинаться большая пьеса. В экспозиции Куприн попытался передать театральную атмосферу, где царят комическая антрактная суетность и закулисная неразбериха. Комичны сказовые фрагменты, например, реплики рабочих сцены: «Пушай висит, – отвечал сверху грубый голос, – таперя кулисы мешают, тады легче будет» [7, 536]. Однако автор готовит читателя к трагическому повороту событий, исподволь создавая «тревожный текст». В смешные ситуации вкрапливаются противоположные по значению маркеры: «плач иудеев», «жалобное рыдание флейт», «музыканты, приведенные в ужас», «...взоры самого мрачного, безнадежного отчаяния» (с. 535) и пр.

Не будем забывать, что данная экспозиция не имеет прямого отношения к событиям личной жизни главной героини – Гольской, и это напоминает описанные Б. В. Томашевским *ложные экспозиции*, «имеющие целью отвлечь внимание от прямого фабульного хода» [8, 218]. Б. В. Томашевский также напоминал о том, что «иногда экспозиции отводится целый акт, оторванный от сюжетной цепи произведения более или менее значительным промежутком времени» [8, 218].

Сценически зримы (и поэтому «театральны») многие детали рассказа, раскрывающие характер

«злодея», погубившего женщину. Читатель превращается в зрителя и *видит*, как через сцену «с хлыстом в руке» проходит герой-любовник: «высокий, статный мужчина лет тридцати пяти. Лицо его, обрамленное густой гривой черных волос, живописно падавших на плечи, носило печать какой-то гордой, самоуверенной силы» (с. 536). Первая же реплика «красавца-мужчины» выдает его равнодушие и жестокость, она более похожа на театральную, нежели собственно литературную: на замечание о том, что кулисы могут «упасть, разбить кому-нибудь голову», он отвечает – «Потом, потом... Где Гольская?» (с. 536).

Появление антрепренера Александра Петровича и его вопрос о Гольской, наконец, приближают *завязку*, которая слишком запоздала с целью замедлить развитие сюжета и акцентировать создаваемые молодым автором параллели между искусством и действительностью. Завязка, как и положено в драме, «дается <...> в форме разговоров» [8, 217], т. е. в репликах персонажей, а не «словом» повествователя или рассказчика (которых в драме нет, если это не *lesedrama* – драма для чтения). Завязку закрепит фраза Гольской, произнесенная с «худо скрываемыми горечью и презрением» («Чем обязана чести видеть вас у себя?»), которая сосредоточит конфликт на личных отношениях «реальных» людей, но постоянно будут вклиниваться реплики, напоминающие о роли, о театре, о пьесе, в которой играют антрепренер Александр Петрович и Лидия Николаевна Гольская. «А сегодня вы, как будто нарочно, из рук вон плохо играете. Хорошо еще, что вас любит публика, а то ведь провалили бы пьесу <...> Чисто женская логика!» (с. 537), – таковы упреки антрепренера-«любownika».

Развитие действия, как и положено, идет по нарастающей линии – к кульминации (трагической гибели героини). Однако при смене хронотопа (персонажи из уборной Гольской переходят на сцену, где играют любовников) все больше сказывается эпическая природа произведения Куприна. Как известно, в драме в процессе развития действия «мы видим изображение преодоления препятствий» [8, 218], а в трагедии, по учению Гегеля, должно произойти столкновение «субстанциальных» (сущностных) сил. Преодолевать героине «Последнего дебюта», как видно, нечего, роль обманутой возлюбленной она «односторонне» переживает в жизни и играет на сцене, злодей же остается тем, кем и был – равнодушным и жестоким (его не трогают ни известие о беременности Гольской, ни ее страстные монологи). Для усиления динамики действия в субъектных сферах происходят изменения: реплики героев сменяются словом повествователя («носитель речи, не выявленный, не названный, растворенный в тексте» [9, 33]), что означает поворот к эпическому роду. Напряжение в сюжетно-композиционной системе продолжает расти за счет того, что, по словам по-

вестователя, «за актрисой увидели женщину», суфлер отметил отклонение от текста пьесы, и скрипач перестал играть и застыл «на месте». Как видно, несмотря на то, что актриса приняла яд на сцене, театральность (в *развязке*) все же уступила место реальности.

Соединение эпического и драматического начал в художественной литературе происходило не однажды. Критики (В. Г. Белинский в их числе) отмечали ослабление драматических элементов в пушкинском «Борисе Годунове», а в трагедиях Ж. Расина исследователи видят усиление эпического звучания.

Как же в случае с купринским рассказом объяснить сосуществование эпических и драматических поэтологических проявлений? Писатель отталкивается от жизненной трагедии и пытается создать остросюжетное произведение, способное вызвать сопереживание. Учтем, что «с самого своего зарождения театр помогал людям создать «вторую действительность», с помощью воображения создать другой мир» [10, 6], и данная черта показалась Куприну привлекательной. В произведении начинающего писателя изображена сложная цепь переходов от реальности к искусству и обратно, культивирующая то, что З. Фрейд называл «мучительное и странное» [11, 395]. Показать это молодой Куприн мог, только синтезируя разные родовые поэтологические признаки.

Создав эклектичное произведение, Куприн наметил многие темы своих будущих произведений, например: может ли человек искусства нести в мир что-либо, кроме добра? Вслед за А. Н. Островским Куприн показал ранимость, беззащитность и красоту артистической натуры, противопоставленную жестокому меркантильному миру («Гамбринус», «В цирке», «Тапер», «Как я был актером», «Белый пудель»). Заявив о взаимопроникновении реального и «воображаемого», художник творил вторую реаль-

ность и призывал делать ее более доброй и человеческой, влияя таким образом на реальность первичную.

ЛИТЕРАТУРА

1. О «высокой степени интертекстуальности» Куприна см. работу: Соценко Н. Ф. Интертекстуальность прозы А. И. Куприна 1890–1900 годов / Н. Ф. Соценко. Дис. ... канд. филолог. наук. – Харьков, 2008. – 210 с.
2. Гейне Г. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1 / Г. Гейне. – М.: ГИХЛ, 1956. – 385 с.
3. См. о соотношении поэтологических данностей произведений А. С. Суворина и А. П. Чехова работу: Шпилевая Г. А. «Татьяна Репина» А. С. Суворина и А. П. Чехова: к вопросу о соотношении беллетристики и классики / Г. А. Шпилевая // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петербургские чтения – 2013. – СПб.: СПбГУТД, 2014. Ч. 2. Литературоведение. – С. 139–149.
4. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М.: Искусство, 1968. – 576 с.
5. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М.: Наука, 1985. – 535 с.
6. Левитан Л. С. Сюжет и идея / Л. С. Левитан, Л. М. Цилевич. – Рига: Звайгзне, 1973. – 275 с.
7. Куприн А. И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2 / А. И. Куприн. – М.: ГИХЛ, 1956. – 591 с. Далее ссылки даются на это издание в тексте статьи, в круглых скобках, с указанием страниц.
8. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 334 с.
9. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. – М.: Просвещение, 1972. – 110 с.
10. Жиганова О. Г. Театральный код восприятия исторического катаклизма / О. Г. Жиганова // Литература и театр: проблемы диалога. – Самара: ООО «Офорт», 2011. – С. 6–9.
11. Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. В 2 кн. Кн. 1 / З. Фрейд. – Тбилиси: Мерани, 1991. – 397 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Борисова У. Ю., аспирантка кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы.
E-mail: 19alex04@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University
Borisova U. Y., post-graduate student of the Theory, History and Teaching Methods of the Russian Language and Literature Department
E-mail: 19alex04@mail.ru

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЯПОНЦЕВ ГЛАЗАМИ И. А. ГОНЧАРОВА

В. А. Казанцева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 2 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье на основе наблюдений И. А. Гончарова, сделанных им во время пребывания в Японии и изложенных в очерках путешествия «Фрегат “Паллада”», рассматривается японское коммуникативное поведение. Данный материал позволяет сделать вывод об особенностях коммуникации японцев и различиях между японским и русским коммуникативным поведением.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, Япония, японец, ритуал общения, церемония, русский, «Фрегат “Паллада”».

Abstract: in article the Japanese communicative behavior, on the basis of I. A. Goncharov's observations, the travel made him during stay in Japan and stated in sketches “the Frigate “Pallada”” is considered. This material allows to draw a conclusion on features of communication of Japanese and distinctions between the Japanese and Russian communicative behavior.

Keywords: communicative behavior, Japan, Japanese, communication ritual, ceremony, Russian, “Frigate “Pallada””.

Нормы и традиции общения какого-либо народа, описанные в совокупности, представляют собой описание коммуникативного поведения этого народа. Термин «коммуникативное поведение» впервые был использован в 1989 г. в работе И. А. Стернина «О понятии коммуникативного поведения». Под коммуникативным поведением в самом общем виде И. А. Стернин понимает «совокупность норм и традиций общения определенной группы людей» [1, 4–5]. В силу различия культур и национальных традиций в общении разных народов зачастую возникают недопонимания, приводящие к нарушению коммуникации и даже межэтническим конфликтам.

Большой интерес представляет японское коммуникативное поведение. Ритуалы общения есть в культурах всех народов мира. Порой они схожи, порой разительно отличаются друг от друга. Соблюдение ритуалов общения, их адекватное восприятие и правильное толкование закодированной в них информации свойственно носителям единой лингвокультурной общности и, как правило, чуждо носителям иной культуры и языка.

В коммуникационном поведении японцев ритуал играет особую роль. Вежливость речи у японцев ценится выше ее доходчивости, нюансы этикета важнее тонкостей синтаксиса и грамматики. В общении японцы избегают слов «нет», «не могу», «не знаю», «никогда», будто это какие-то инвективы, которые нельзя высказывать прямо. Слова в обще-

нии японцев нередко заменены символами и ритуалами, они подсказывают участникам процесса то, что в японской культуре нельзя сказать напрямую собеседнику.

Излишняя склонность японцев к ритуалам и церемониям еще в середине XIX века удивляла и даже возмущала первых западных наблюдателей. Кто-то видел в этом признак «лживости», кто-то – отсталости. И. А. Гончаров, один из первых русских путешественников, посетивших Японию того времени, в очерках путешествия «Фрегат “Паллада”», рассказывая о своем пребывании в Японии, обращает внимание на то, что отличает коммуникативное поведение русских от японцев. «Ох, уж эти мне эмблемы да символы!» – негодует автор «Путешествия», повествуя об обеде у японских вельмож.

К людям, уделяющим большое внимание внешним деталям и этикету, русские относятся с опаской и иронизируют на этот счет. И. А. Гончаров иронически изображает церемониальность общения японцев: «Вот появилось ровно шесть слуг, по числу гостей, каждый с подносом, на котором лежало что-то завернутое в бумаге, рыба, как мне казалось. Они поставили подносы, вышли на минуту, потом вошли и унесли их: перед нами остались пустые, ничем не накрытые столы, сделанные нарочно для нас, из кедрового дерева. «Ну, обычай не совсем патриархальный, – думал я, – что бы это значило?» – «Это наш обычай, – сказал старик, – подавать блюдо с «этим» на стол и сейчас уносить: это у нас символ приязни». А это – была не рыба, как мне показалось

сначала, а какая-то тесьма, видом похожая на вязигу. Я принял было ее за морскую траву, но она оказалась перепонкой какой-то улитки, прилипающей, посредством ее, к скалам. Так вот видите: это у них и есть *символ симпатии, привязанности или, буквально, «прилипчивости»*.

«Церемонийместер, с поклоном, подошел и открыл шелковый ящик. «Ужели такое большое письмо?» – думал я, глядя с любопытством на ящик. «Извольте же принимать», – сказал переводчик. Г. взял ящик и насили держал в руках. Он пошел в «отдыхальню», и мы за ним, а за ними понесли сундук. «Зачем же большой сундук?» – подумал я еще, глядя в недоумении на сундук. Открыли его: там стоял другой сундук, поменьше, потом третий, четвертый, все меньше и меньше. И вот в этот-то четвертый сундук и вставлялся шелковый, по счету пятый ящик. Но отчего же он тяжелый? Подняли крышку и увидели в нем еще шестой и последний ящик, из белого лакированного дерева, тонкой отделки, с окованными серебром углами. А уж в этом ящичке и лежала грамота, в ответ на письмо из России, писанная на золоченой, толстой, как пергамент, бумаге и завернутая в несколько шелковых чехлов. Какие *затейники!*»

Нагнетание символики и атрибутики «светскости» в общении не дает возможности перейти к «разговору по душам», сохраняет дистанцию, и в итоге воспринимается русским человеком как фарс. Недаром автор «Очерков» называет японцев *фарсерами*: «<...> на другой день на камне воткнули дерево, чтоб сделать камень похожим на берег, на который мы обещали не съезжать. Фарсеры!»

Излишнее внимание к символике подчеркнуто и в следующем отрывке: «Японцам кажется неуважительным поставить подарок на пол. На каждом ящичке положены были свертки бумаги, опять с символом *«прилипчивости»*. Автор явно подчеркивает отрицание непонятных для русских гостей символов, и ненужные с его точки зрения церемонии воспринимаются негативно.

Еще одна особенность, которая в корне отличает коммуникативное поведение японцев от русского, – отсутствие краткости и ясности изложения мыслей. Там, где можно обойтись одним словом, японцы обрушивают на собеседника целые каскады не несущих смысловой нагрузки фраз. Смысл их преднамеренно затуманивается оговорками, в которых заложены неопределенности, сомнения в правоте сказанного, готовность согласиться с возможными возражениями, что вызывает у русских недоумение и иронию: «Бог знает, когда бы кончился этот разговор, если б баниосам не подали наливки и не повторили вопрос: тут ли полномочные? Они объявили, что полномочных нет и что они будут не чрез три дня, как ошибкой сказали нам утром, а чрез пять, и притом эти пять дней надо считать с 8 или 9-го декабря».

Компромисс русским сознанием рассматривается как беспринципность, неумение проявить волю, настоять на своем. Японцы же в процессе общения стараются обходить «острые камни» и при решении каких-либо вопросов стараются не задеть самолюбия собеседника, тем самым переводя процесс общения в затяжной и практически безвременный, так как не могут задеть чувств собеседника прямым отказом. Для японцев характерна коллективная система принятия решений, что нередко ведет к затягиванию процесса переговоров. К примеру, И. А. Гончаров описывает процесс переговоров, целью которых являлось налаживание дружеских и торговых связей с японцами, которые в конечном счете не привели к ожидаемым результатам. Он всячески затягивался со стороны японцев: сначала ожиданием ответа из Эдо, затем всевозможными уловками нагасакских губернаторов: «Мы целый месяц здесь: знаем подробно японских свиней, оленей, даже раков, не говоря уж о самих японцах, а о Японии еще ничего сказать не могли», – опять же иронизирует Гончаров. «В этом японском, по преимуществу тридцатом, государстве можно еще оправдываться и тем, что «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Чуть ли эта поговорка не здесь родилась и перешла по соседству с Востоком и к нам, как и многое другое... Но мы выросли, и поговорка осталась у нас в сказках. В Японии, напротив, еще до сих пор скоро дела не делают и не любят даже тех, кто имеет эту слабость».

Для японцев сидеть на полу и вести диалог – это норма, а в сознании русских – это неприемлемо: «Обычай сидеть на пятках происходит у них будто бы, как я читал где-то, оттого, что восточные народы считают неприличным показывать ноги, особенно перед высшими лицами».

«Ежедневно ездили к нам гокейнсы договариваться о церемониале нашего посещения. Вы там в Европе хлопчете в эту минуту о том, быть или не быть, а мы целые дни бились над вопросами: сидеть или не сидеть, стоять или не стоять, потом как и на чем сидеть и т. п. Японцы предложили сидеть по-своему, на полу, на пятках. Станьте на колени и потом сядьте на пятки – вот это и значит сидеть по-японски. Попробуйте, увидите, как ловко: пять минут не просидите, а японцы сидят по нескольку часов. Мы объявили, что не умеем так сидеть; а вот не хочет ли губернатор сидеть по-нашему, на креслах? Но японцы тоже не умеют сидеть по-нашему, а кажется чего проще? С непривычки у них затекают ноги. Припомните, как угощали друг друга Журавль и Лисица – это буквально одно и то же».

То, что в культуре русского человека вызывает недоумение и считается нарушением элементарных этикетных норм, у японцев считается нормой: «Старик вынул пачку бумаги, тщательно отодрал один листок, высморкался, спрятал бумажку в рукав, по-

том кротко возразил, что, по японским обычаям, при первом знакомстве разговоры о делах обыкновенно откладываются, что этого требуют приличия и законы гостеприимства <...> Вообще и важные сновники, и неважные после обеда выражались больше междометиями, которых невозможно передать словами. Грудные звуки раздавались из всех углов. О деле неприлично говорить, а это ничего!»

Эти наблюдения за различиями коммуникативного поведения японцев и русских были сделаны И. А. Гончаровым более чем сто пятьдесят лет назад, но, несмотря на это, большинство из них можно считать актуальными и сегодня. «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова можно считать произведением, которое может быть рассмотрено в качестве источника информации как для исследователей, занима-

ющихся изучением коммуникативного поведения японцев, проблемами межкультурной коммуникации, так и для дипломатов и других носителей русского языка, вступающих в общение с японцами в рамках своей профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения / И. А. Стернин. – Воронеж : Герент, 2000. – 27 с. Изд. 2. испр. 2015. – 52 с.
2. Прохоров Ю. Е. Русские коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – М. : Флинта; Наука, 2006. – 238 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – Т. 1 – 4. – М.: Рус. яз., 1978 – 1980. Т. 4. Р – В. 1980. 683 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова Тян-Шанского

Казанцева В. А., директор «Русского образовательного центра при Генконсульстве РФ в Осаке» (Япония), соискатель кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО
E-mail: veronikakazantseva@yandex.ru

Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky

Kazantseva V. A., Russian education center at the General Consulate of the Russian Federation in Osaka (Japan)
E-mail: veronikakazantseva@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПОЛИСЕМИИ НАИБОЛЕЕ ЧАСТОТНЫХ АДЪЕКТИВНЫХ МАЛОСЕМЕМНЫХ ЛЕКСЕМ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

И. С. Карпенко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2016 г.

Аннотация: статья посвящена выявлению национальной специфики полисемии малосемемных адъективных лексем русского и английского языков.

Ключевые слова: национальная специфика, сопоставительно-параметрический метод, лексическая полисемия, лексико-грамматическая полисемия, лексико-грамматическая вариантность.

Abstract: the paper studies national peculiarity of polysemy in the group of little sememe adjectival lexemes in the Russian and English languages.

Keywords: national peculiarity, comparative-parametric method, lexical polysemy, lexical-grammatical polysemy, lexical-grammatical variancy.

Материалом исследования послужили малосемемные адъективные лексемы, вошедшие в число ста наиболее частотных адъективных лексем русского и английского языков по данным Частотного словаря С. А. Шарова [1] и списка частотных прилагательных Британского национального корпуса [2]. Отметим, что вслед за М. А. Стерниной под малосемемными мы понимаем такие лексемы, которые содержат в своих семантемах от двух до пяти семем [3, 42].

В анализируемую группу попали 58 русских лексем (*американский, больной, бывший, важный, великий, внутренний, военный, всякий, главный, государственный, готовый, гражданский, данный, детский* и др.) и 44 английские лексемы (*able, American, appropriate, available, central, concerned, current, different, difficult, economic, English, European, far, final, financial, foreign* и др.).

Национальная специфика полисемии данных лексем была рассмотрена нами в рамках двух аспектов: аспекта развития лексической полисемии и аспекта развития лексико-грамматической полисемии, под которой мы вслед за М. А. Стерниной понимаем полисемию на уровне частей речи [3]. Вышеперечисленные аспекты были нами охарактеризованы с помощью индексов, предложенных в рамках развиваемого в Воронежском госуниверситете сопоставительно-параметрического метода [4].

Для аспекта развития лексической полисемии релевантными оказались следующие индексы: индекс лексической полисемантичности семантемы [5], индекс лексической полисемантичности в группе [5], индексы денотативной и коннотатив-

ной¹ лексической полисемантичности семантемы [5], индексы денотативной и коннотативной представленности семем в группе [5]. Для характеристики аспекта лексико-грамматической полисемии мы использовали: индекс лексико-грамматической полисемантичности / вариантности семантемы [5], индекс лексико-грамматической полисемантичности / вариантности в группе [5], а также индекс частеречной представленности семантемы и индекс частеречной представленности группы [7].

Для оценки степени проявления национальных особенностей были использованы разработанные в рамках сопоставительно-параметрического метода шкала ранжирования степени выраженности исследуемых параметров [7], шкала степени проявления национально-специфических различий [7,8] и шкала выраженности национальной специфики семантем [7].

Все рассмотренные нами малосемемные адъективные лексемы в разной степени демонстрируют лексическую полисемию. Как показало исследование, в русском языке в рассматриваемой группе выявлены лексемы как с *абсолютной* степенью лексической полисемантичности, так и характеризующиеся *высокой, значительной, яркой* и *нулевой* степенью ее проявления. Двадцать восемь лексем демонстрируют *абсолютную* (100%) степень выраженности рассматриваемого явления, шесть лексем – *высокую* (75%), двадцать лексем – *значительную* (66,6%), две – *яркую* (33,3%) и еще две – *нулевую* (0). Для выявления национально-специфиче-

ских особенностей лексической полисемантичности семантем на уровне группы мы использовали индекс лексической полисемантичности в группе, показатель которого составляет 58,8%, что указывает на *значительную* степень выраженности данного параметра.

Что касается группы английского языка, то тут были выявлены *абсолютная, высокая, значительная, заметная* и *нулевая* степени лексической полисемантичности. *Абсолютная* лексическая полисемантичность была выявлена у 23 лексем: их индекс лексической полисемантичности равен 100%. *Высокая* лексическая полисемантичность обнаружена у 5 лексем, о чем свидетельствует показатель соответствующего индекса, равный 75%. *Значительная* лексическая полисемантичность выявлена у десяти лексем, чьи показатели индекса варьируются от 50% до 66%. *Заметная* лексическая полисемантичность с индексом 25% была зафиксирована у трех лексем и *нулевая* также у трех лексем. Для всей группы лексем английского языка индекс лексической полисемантичности составляет 54,2%, что свидетельствует о *значительной* степени выраженности данного параметра.

Для определения степени превалирования денотативных и коннотативных семем мы использовали индексы денотативной и коннотативной представленности семем в группе. Согласно полученному индексу 96,4%, степень коннотативной представленности семем в русской группе может быть охарактеризована как *гипервысокая*. В английской группе показатель данного индекса равен 83,2%, что говорит о *высокой* степени выраженности данного параметра. Что касается денотативной представленности в группе, то в русском языке данный параметр выражен *низко* (3,6%), в то время как в группе английского языка мы можем говорить о *заметной* (16,8%) степени его выраженности.

Национально-специфические различия по каждому из аспектов были охарактеризованы нами при помощи интегрального индекса, вычисляемого как среднее арифметическое представленной в процентах разницы в показателях значений всех индексов, используемых для характеристики группы [7]. Согласно показателю интегрального индекса (10,4%), национальную специфику в группах малосемемных адъективных лексем по аспекту лексической полисемии можно квалифицировать как *яркую*.

Рассмотренные нами лексемы русского и английского языков демонстрируют как собственно лексико-грамматическую полисемию, так и лексико-грамматическую вариантность. Так, в группе русского языка показатели индекса лексико-грамматической полисемантичности лексем варьируются от 0 до 50%, а показатели индекса лексико-грамматической вариантности колеблются от 0 до

100%. Исследование показало, что показатель индекса лексико-грамматической полисемантичности в группе русских лексем равен 4,2%, что указывает на *низкую* степень выраженности данного параметра, в то время как показатель индекса лексико-грамматической вариантности в группе – 15,5%, свидетельствует о *заметной* степени. Что касается группы английских адъективных лексем, то полученные показатели индексов как лексико-грамматической полисемантичности, так и лексико-грамматической вариантности лексем варьируются в диапазоне от 0 до 66%. Однако следует отметить, что на уровне группы данные параметры характеризуются разными показателями. Так, индекс лексико-грамматической полисемантичности в группе (9,7%) свидетельствует о *низкой* степени выраженности данного параметра, в то время как показатель индекса лексико-грамматической вариантности в группе (16,4%) указывает на *заметную* степень выраженности.

Для выявления особенностей лексико-грамматической полисемии в группе малосемемных адъективных лексем русского и английского языков нам представилось целесообразным рассмотреть их частеречную представленность. Проведенный анализ показал, что показатель индекса адъективной представленности в группе русского языка составил 97,3%, а у группы английского языка – 85,3%. На втором месте по уровню представленности оказались субстантивные семы. Индекс субстантивной представленности в группе русского языка составил 9,6%. Так, семантема лексемы *местный* содержит семему Д1а/п² «относящийся к какой-то определенной местности, свойственный только ей» (*Важнейшие климатические и агроклиматические показатели охарактеризованы ниже, но ими не исчерпываются все особенности местного климата. / Местные поклонялись ему как настоящему богу.*) В группе английского языка этот индекс равен 15,7%. Так, в состав семантемы лексемы *human* входит семема Д1а/п «относящийся к человеку/человек» (*The human body should not be used for commercial purposes./You are only human and cannot get every decision spot on.*) На третьем месте по уровню представленности оказались адвербиальные семы. Индекс адвербиальной представленности у русских семантем – 4,8%, а у группы английских – 2,4%. Так, семантема лексемы *специальный* содержит семему Д1а/adv «предназначенный исключительно для чего-либо, имеющий особое назначение» (*У неё специальный термос с широким горлом, для первого и второго./ Раскалив добела ложку, он специально обжег новенького.*), а в состав семантемы лексемы *likely* входит семема Д1а/adv «*возможный, вероятный/вероятно, возможно*»

² Обозначается лексико-грамматическая вариантность на уровне соответствующих частей речи

(*It has happened, in California of all the likely places. / I don't know what is likely to happen in the next year.*)

В ходе исследования в группе лексем русского языка были выявлены также лексемы с союзными и глагольными семами, индекс частеречной представленности и тех, и других составил 0,7%. В группе английского языка были обнаружены семантемы с семами местоимения, частицы и модального слова, показатели индексов частеречной представленности которых равны 0,5%, 0,4% и 0,3% соответственно.

Согласно проведенному анализу, показатель интегрального индекса по аспекту лексико-грамматической полисемии равен 4,8%, что указывает на *заметные* различия по данному аспекту.

В целом, национально-специфические различия могут быть охарактеризованы при помощи среднего интегрального индекса [7] показатель которого, равный 7,6%, позволяет констатировать, что национальная специфика полисемии наиболее частотных малосемемных адъективных лексем в русском и английском языках является *неярко выраженной*.

Воронежский государственный университет

Карпенко И. С., преподаватель кафедры английского языка естественно-научных факультетов

E-mail: kisss22@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Частотный словарь С. А. Шарова – Режим доступа: www.artint.ru/projects/frqlist.asp.
2. Британский национальный корпус – Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
3. Стернина М. А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка / М. А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 1999. – 160 с.
4. Стернина М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований / М. А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2014. – 115 с.
5. Малыхина Н. И. Полисемия английского глагола: автореф. дис. ... филол. наук / Н. И. Малыхина. – Воронеж, 2013. – 22 с.
6. Копыленко М. М. Очерки по общей фразеологии / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. – Воронеж, 1989. – 192 с.
7. Кривенко Л. А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Кривенко. – Воронеж, 2013. – 22 с.
8. Портнихина Н. А. Национальная специфика семантического развития слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Портнихина. – Воронеж, 2011. – 24 с.

Voronezh State University

Карпенко И. С., Lecturer of the English Chair for Science Departments

E-mail: kisss22@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ СЛОВ (ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Н. А. Козельская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные для языкового сознания метаязыковые характеристики слов, выявленные в результате психолингвистического эксперимента.

Ключевые слова: семантика, психолингвистика, эксперимент, языковое сознание, метаязыковые характеристики.

Abstract: the article deals with identification and description metalinguistic characteristics of meanings in psycholinguistic experiments.

Keywords: semantics, psycholinguistics, experiment, linguistic consciousness, metalinguistic characteristics.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ №15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», НИЧ 15021.

Как известно, метаязыковая функция, выделенная в свое время Р. Якобсоном (Якобсон 1975, с. 193–230) как функция разъяснения кода, ориентирована на характеристику использования кода (языка) и проявляется, с одной стороны, в профессиональной деятельности лингвистов, а с другой, в метаязыковой деятельности рядовых носителей языка. Мы разделяем точку зрения исследователей, считающих, что метаязыковая деятельность является обязательным компонентом языковой способности носителя языка (Вепрева 2005). В процессе обработки данных ассоциативного эксперимента по выявлению психологически реального значения слова (Рудакова 2014) мы обратили внимание на ассоциаты, которые отражают те или иные знания респондентов о нормах произношения, словоупотребления, функциональных особенностях единиц языка и т. п., то есть представляют результат метаязыковой деятельности говорящего. Непосредственной целью нашего исследования стало выявление того, какие именно языковые знания находятся «на поверхности» сознания, являются актуальными для носителей языка и в какой форме они выражаются. Материалом для наблюдения послужил весь словник Ассоциативного словаря употребительной русской лексики (АСУРЛ) – всего 1080 лексем.

В проекте психолингвистического словаря описание значения слова предполагает параметр «метаязыковая характеристика», который включает

реакции на языковые характеристики слова-стимула. В результате количественного анализа было установлено, что из тысячи восьмидесяти слов-стимулов метаязыковые ассоциаты есть у 127 единиц, что составляет 11,7 % от общего числа лексем. Рассмотрение языковых особенностей, отмеченных участниками ассоциативного эксперимента, показало следующее.

Самой частотной является характеристика слов-стимулов с точки зрения общенности, использования в качестве средства брани. В нашем материале было выявлено 3 варианта интерпретации носителями языка назначения подобной лексики: *ругательство*, в том числе *мат* (31 слово – 2,8 %), *обзывание*, в т. ч. *прозвище*, *кличка* (12 слов – 1,1 %), *оскорбление* (11 слов – 1 %). По словарю Кузнецова (БТС) *ругательство* – это грубое, бранное слово, выражение. По данным эксперимента ругательствами оказываются разные группы слов. Перечислим их: 1. Слова, отмеченные в словаре пометой «бранно» (*гнида*, *дура*, *зараза*, *идиот*, *мразь*, *скотина*, *урод*).

2. Названия животных по отношению к человеку (*коза*, *крыса*, *овца*, *свинья*). 3. Слова, отмеченные в словаре как разговорно-сниженные (*дылда*, *мент*, *недоумок*, *придурок*, *ублюдок*, *фигня*). 3. Слова со словарной пометой «разговорное» (*нахал*, *овца*, *свинья* (о человеке)). 4. Слова без стилистических помет (*гомик*, *демократ*, *негодяй*, *ничтожество*, *олигарх*, *шоу*). 5. Слова с пометой «грубо» (*долбанный*, *ублюдок*). 6. Слова со словарной пометой «презрительно» (*тварь*). 7. Междометные выражения (*блин*, *капец*). Заметим, что к слову *блин* дан ассоциат «мат», т. е. избрана самая крайняя точка общенной лексики. Между тем в БТС «блин» в значении междометия отмечено как жаргонное слово, которое «выражает

удивление, огорчение, досаду». В электронном словаре молодежного сленга отмечены два значения: 1. Возглас выражения отрицательных эмоций, досады. 2. Ругательство, более приличный заменитель нецензурного слова. 3. Служит для связи слов. Подобное расхождение между данными эксперимента (ассоциат *ругательство*) и словаря наблюдается у слова-стимула *капец*. В Словаре молодежного сленга дано такое толкование: 1. Оценка ситуации как очень плохой. 2. Провал, неудача, плохой конец, катастрофа. 3. межд. Возглас выражения эмоций. Слова *блин* и *капец* в эксперименте оценены более отрицательно, чем в словаре. Заметим также, что слова *блин* и *мразь* вызвали также реакцию «слово-паразит», что свидетельствует о внимании респондентов к коммуникативным качествам речи, в частности к ее чистоте.

Обзывание как вердиктив, речевой акт оценки, предполагает замену настоящего имени человека кличкой, прозвищем или бранным словом. В нашем материале обзыванием респонденты называли слова с пометами: грубо (*девка* – в значении «о развратной женщине, проститутке»), разг.-сниж. (*баран*, *жлоб*), жарг. (*педик*), презрит. (*бездарь*), бранно (*дурак*), а также межстилевое слово *змея*, которое имеет отрицательный денотат, но само по себе не реализует негативную коннотацию – бранным является выражение *змея подколотная*. Ассоциаты *прозвище*, *кличка* вызваны в основном стимулами с отрицательным смыслом: в БТС *жид* – разг.-сниж. презрительное название еврея; *кацап* – разг.-сниж. презрительное название русского; *косой* – жарг. пьяный; *швабра* – жарг. проститутка. К небранным прозвищам можно отнести *бугор* – жарг. руководитель, начальник; *косой* – как прозвище от фамилии или физической особенности и т. п.

Использование слова в качестве ругательства или эмоционального выражения негативных эмоций дает респондентам основание «понижать» в ранге слова, которые БТС отмечает просто как разговорные, например, на слово *задница* дана реакция «нелитературное». Для респондента в этом слове ярче всего выражен признак ограниченности употребления, недопустимости его в речи, культурном общении. С другой стороны, нельзя не отметить, что ряд слов, отмеченных в словарях как ругательные, в эксперименте не получили такой атрибуции в ассоциатах: *бестолочь*, *болван*, *выскачка*, *гонимик*, *грымза*, *дебил*, *карга*, *кляча*, *козел*, *лахудра*, *лох*, *подонки*, *стерва*, *шалава*.

Следующей по частотности является группа с ассоциатами *жаргон* или *сленг*. Такую характеристику респонденты дали 10 словам (0,9%), из них как жаргонные отмечены в словарях 5 лексем (*жест*, *круто*, *понятие*, *улетный*, *фуфло*), с пометой «разговорное» 2 (*базарить*, *матерый*), «разг.-сниж.» 1 (*балдэж*) и «грубо» 1 (*девка*); лексема *реальный* от-

мечена в электронном Словаре современной лексики, жаргона и сленга. В целом словарные пометы и данные эксперимента в атрибуции слов этой подгруппы близки друг другу.

Третья группа – слова, отмеченные респондентами как грубые (9 лексем – 0,8%). Среди них преобладают лексемы, экспрессию которых респонденты оценивают сильнее, чем словари: *подлец* дается без пометы; *возникать*, *шмотки*, *кацап* – имеют помету «разг.-сниж.», *старушенция* – «фам.», *педик* – «жарг.» и только экспрессия слов *мразь*, *урод* и *за-раза* воспринимается носителями слабее, чем в словаре, где они имеют помету «бранно».

У четырех лексем носители языка отметили экспрессию сарказма и иронии: *благверный*, *дорогуша*, *мадам*, *чтиво* (ирония). Если *чтиво* и в словарях имеет сходную помету – «пренебр.», то три других слова вряд ли передают «язвительную насмешку, едкую иронию» – как определяют сарказм словари. На наш взгляд, респондент не вполне владеет значением слова *сарказм*.

Следующий важный аспект метаязыковой характеристики, который отмечают респонденты, – это иноязычное происхождение слова: стимулы *прохиндей*, *дайвинг*, *инаугурация* вызвали реакцию «иностранный слог», *альтернатива* – «нерусское слово», *москаль* – «украинское слово».

Показательно появление в этом списке исконно русского слова *прохиндей* (Искон. Производное — по аналогии с *злодей* и т. п. — от *прохинь*, преф. образования от *хинь* «ерунда, чушь» (Шанский 2004). В слове устаревший корень, значение которого сейчас редко кому известно. Непонятное слово ассоциируется с иностранным. Неслучайно агнонимами для носителей языка оказались именно иноязычные слова. Стимулы: *интеграция*, *интерактивный*, *корифей* вызвали реакции «непонятное слово, непонятно», а *концептуальность* получила ассоциат «заумность», сочетающему в себе непрямую отсылку к непонятному и негативную оценку.

Из общего количества метаязыковых ассоциатов 0,6 % приходится на реакции, отражающие одобрение, восприятие позитивной экспрессии слова. Так, лексемы *бесподобный* и *благодарность* вызвали ассоциат «похвала». Для первой лексемы его появление объяснимо, поскольку прагматическая сущность похвалы проявляется в принципе увеличения ценности, возвышения достоинств адресата, а слово-стимул как раз и дает такую оценку. Относительно лексемы *благодарность* похвала оказывается не названием речевого акта, в котором употребляется стимул, а скорее примером другого речевого акта – благодарности, близкого по положительной интенции к похвале. Пять слов: *клуша*, *малышка*, *штучка*, *детка*, *дорогуша* отмечены в сознании носителей языка как «ласковое, ласкательное, уменьшительно-ласкательное». Очевидно, что актуализация этой

экспрессии поддерживается суффиксами с соответствующим значением. Только *клуша* в словарной дефиниции имеет другую экспрессию – пренебрежительную (БТС).

Единичные примеры характеризуют такие аспекты, как темпоральная характеристика слова: *гнида, москаль* – ассоциат «старое слово»; сфера использования : *плюрализм* – «термин», *импичмент* – «что-то из политики», *зачистка* – «у военных»; частотность употребления : *идиот* – «слово, одно из первых в моем лексиконе».

Мы обнаружили также среди ассоциатов многочисленные случаи отражения системных, чисто лингвистических характеристик слов, как то : частеречная принадлежность (*сколотить* – глагол); грамматическая категория (*кошка* – женского рода слово); разряд существительного (*рафик, хачик* – имя; *милочка* – женское имя); словообразовательные особенности (*кислотный* – от слова кислота; *нетленка* – что-то нетлеющее; *ОМОН* – аббревиатура); произносительная норма (*афера* – ударение).

На основе наблюдений можно сделать следующие выводы. Незначительность количества метаязыковых характеристик в общем корпусе ассоциатов (11,7%) позволяет сделать предположение о том, что этот аспект восприятия лексем находится на периферии обыденного языкового сознания. Тем не менее диапазон языковых характеристик слов-стимулов, на которые респонденты обращают внимание, достаточно широк: отношение к языковой норме, прагматический потенциал, сфера употребления, источник и время происхождения, этическая оценка. Ярче всего языковое сознание фиксирует то, что нарушает нормы общения, унижает достоинство человека, передает экспрессию агрессии : брань, оскорбление, обзывание, жаргон, грубые слова со-

ставляют 6,6% от общего количества метаязыковых ассоциатов (ср. долю позитивно отмеченных слов – 0,6%). Вместе с тем очевидна непоследовательность реакции носителей языка на лексику такого рода (далеко не все бранные, грубые слова вызвали соответствующий ассоциат). Нельзя не отметить также расхождение мнения носителей языка и словарных характеристик, очень расширительное толкование респондентами понятия «ругательства» не только как специфической лексики, но и как использования любых слов в инвективном речевом акте, что свидетельствует о неразличении в обыденном сознании понятий языкового средства и цели его применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. [Текст] / Р. Якобсон // Структурализм «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
 2. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.
 3. Рудакова А. В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии / А. В. Рудакова. – Воронеж : Истоки, 2014. – 184 с.
- Использованные словари
1. Ассоциативный словарь употребительной русской лексики / Научн. ред. А. В. Рудакова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2011. – 187 с.
 2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.
 3. Словарь современной лексики, жаргона и сленга (<http://www.slovonovo.ru>).
 4. Словарь молодежного сленга (<http://teenslang.su>)
 5. Шанский Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – 3-е изд., испр. – М. : Дрофа, 2004.

Воронежский государственный университет
Козельская Н. А., доцент кафедры общего языкознания
и стилистики
E-mail: kozelskayan@mail.ru

Voronezh State University
Kozelskaya N. A., Associate Professor of the Department of
General Linguistics and Stylistics
E-mail kozelskayan@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЙ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

А. И. Леонов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье даётся краткая характеристика ряда проблем, связанных с лексической интерпретацией англоязычных военных терминов, обозначающих реалии иностранной действительности и не имеющих общепринятых терминологических эквивалентов в русском языке.

Ключевые слова: военная терминология, терминологические словосочетания, транскрибирование, транслитерация.

Abstract: the article is discussing issues relating to linguistic interpretation of English military terms and culture-specific vocabulary which have no direct equivalents in the Russian language.

Key words: military terms, terminological collocations, transcribing, transliteration.

Терминологический перевод как особый вид деятельности является средством не только обмена информацией, но и средством лингвокультурной коммуникации. Поэтому без глубокого понимания не только лексики, но и лингвокультуры и социокультуры нации – носителя языка оригинала нельзя надеяться на эффективность перевода текстов. И если лексико-семантический аспект проблемы перевода нашел достойное отражение в исследованиях лингвистов, то лингвокультурный аспект лишен такого внимания.

Однако говорить о надлежащем теоретико-методическом обеспечении переводческой деятельности пока не приходится. Практика перевода терминов дает нам новые факты, поэтому проблема оборачивается новыми аспектами, которые требуют обновления исследований или углубления уже известных [1].

Как известно, под терминологией понимается корпус слов и словосочетаний специальной сферы языка, создаваемых или заимствованных для точного обозначения понятий и предметов. Военная терминология как специфическая разновидность в национальном языке складывается поэтапно, отражая лингвокультурную ситуацию, характерную для конкретной эпохи.

Общими свойствами военной терминологии являются такие, как системность, наличие дефиниции, тенденция к моносемичности в пределах своего терминологического поля, отсутствие экспрессии, стилистическая нейтральность [2, 508].

Насыщенность военных текстов специальными терминами требует от исследователя отличного знания не только иностранной, но и адекватной

русской военной терминологии и умения правильно ею пользоваться. Иноязычные термины, как правило, имеют соответствующие эквиваленты в языке перевода, поэтому такие приемы, как синонимические замены, описательный перевод, используются лишь в тех случаях, когда в языке перевода соответствующий термин отсутствует.

Основные трудности перевода терминов кроются в жестких требованиях однозначности и необходимости установки содержания понятия. Понятия являются отражением национальной культуры и ментальности и в силу этого иногда существенно различаются в разных языках.

По своему содержанию англоязычная военная терминология¹ достаточно дифференцирована. Она включает как однокомпонентные термины, имеющие четкие семантические границы, так и многокомпонентные термины. Например, термин *landing* означает «приземление (самолёта)», «десантирование», «швартовка судна к пирсу», термин *launch* имеет свыше десятка значений. Многозначность даже однокомпонентных терминов затрудняет их адекватное понимание и делает перевод полностью зависимым от контекста и ситуации.

Вслед за Л. Л. Нелюбиным [3, 15] мы считаем, что англоязычные военные термины с точки зрения их интерпретации можно подразделить на три группы:

1. Термины, обозначающие реалии иностранной действительности, идентичные реалиям российской действительности, интерпретация которых не представляет особой трудности, например: *war ship* «военный корабль», *army aviation* «армейская авиация», *military police* «военная полиция», *field uniform* «по-

¹ В нашей работе мы рассматриваем терминологию, принятую в ВС США

левая форма одежды».

2. Термины, обозначающие реалии иностранной действительности, адекватный перевод которых достигается путем подбора соответствующих русских аналогов и путем адекватной замены, например, *classified information* «секретные сведения», *noncommissioned officers* «сержантский состав», *designated marksman* «пехотный снайпер», *effective rate of fire* «боевая скорострельность», *continuous wave* «телеграфный режим работы».

3. Наибольший интерес и наибольшую трудность для интерпретации представляет собой класс терминов, обозначающих реалии иностранной действительности, не имеющих общепринятых терминологических эквивалентов в русском языке, например: *ensign* «энсин (младший офицер флота)», *stealth* «низкий уровень обнаружения», *fire-and-forget missile* «самонаводящаяся ракета».

Обычно перевод терминов этого класса осуществляется следующими способами:

- путём транскрибирования либо дословного калькирования, например: *captain* «кэптен», *warrant officer* «уорент-офицер», *commodore* «коммодор», *drone* «дрон»;

- с помощью частичной или полной транслитерации, например: *chief master sergeant* «главный мастер-сержант», *second lieutenant* «второй лейтенант», *nuclear no-first-use policy* «политика неприменения первыми ядерного оружия», *photo interpreter* «дешифровщик аэрофотоснимков»;

- путём описания значения английского термина, например: *payload* «боевое снаряжение (ракеты)», *attack problem* «тактическая задача по ведению наступательного боя», *to scramble fighters* «поднимать истребители-перехватчики по тревоге», *foxhole* «заблаговременно оборудованный стрелковый окоп», *arresting* «торможение самолёта при посадке на палубу авианосца с помощью аэрофинишера».

В этой связи особую трудность для интерпретации представляют безэквивалентные термины, отражающие реалии военной действительности США и абсолютно не имеющие адекватной корреляции в русской военной терминологии. Не вызывает сомнения, что безэквивалентность таких терминов обусловлена лингвокультурными различиями языков, и правильная их интерпретация требует тщательного этимологического анализа их компонентов.

В качестве примеров рассмотрим следующие случаи.

1. Терминологические сочетания *armored cavalry*, *air cavalry*. Предлагаемый рядом словарей вариант перевода «бронекавалерия» представляется совершенно неудачным, поскольку вызывает ассоциацию с закованными в броню воинами на конях, что явно не соответствует современным реалиям. Ещё менее удачным следует считать вариант «воздушная кавалерия», рисующий картину всадников на Пегасах.

Этимологически лексема *cavalry* означает *кавалерию*, т. е. род войск, в котором для ведения боевых действий и/или передвижения использовалась верховая лошадь. Однако в данном случае исследователю приходится сталкиваться с вторичной номинацией лексемы *cavalry*. Распознавание вторичной номинации лексемы обусловлено пониманием контекстуального употребления, источника информации, лингвокультурных особенностей т. п.

В результате мы определяем, что этим термином в настоящее время обозначаются подразделения армии США, которые для выполнения своей задачи перемещаются не на лошадях, а на бронемашинах и/или вертолётах.

С традиционной кавалерией их объединяют такие качества, как повышенная мобильность и более высокая скорость передвижения по сравнению с обычной пехотой.

Для передачи всех этих значений используется целый ряд терминологических словосочетаний – *horse cavalry*, *armored cavalry*, *air cavalry*. **Только первое из них имеет прямое соответствие в русском языке – «кавалерия, конница», для передачи остальных требуется создавать специальные термины: «мобильные разведывательные бронеподразделения», «разведывательные аэромобильные подразделения».**

Таким образом, в современном понимании *cavalry* – это наиболее общий термин для обозначения войск, основной характеристикой которых является мобильность.

2. Термины *side arm*, *handgun* во многих словарях переводится как «личное оружие», что, однако, не полностью передаёт значение терминов. Под личным оружием понимается класс индивидуального оружия, предназначенного для самообороны и нападения на близких расстояниях. Оружие этого класса может быть как огнестрельным, так и холодным, к нему относятся пистолеты, револьверы, кортики, сабли и т. п. В таком понимании термину «личное оружие» соответствует английский эквивалент *side arm*, т. е. оружие, носимое на пояском ремне [3].

Термин *handgun* используется по отношению только к огнестрельному оружию. Поскольку из всего личного оружия под эту категорию попадают только пистолеты и револьверы, то русским эквивалентом термина может быть «личное огнестрельное оружие», либо, в полицейском жаргоне, «ствол».

3. К классу безэквивалентной лексики относится термин *chalk*, интерпретация которого очень затруднена, **поскольку** в русском языке отсутствует его аналог. Этимология термина восходит к периоду Второй мировой войны, когда во время десантной операции союзников в Нормандии (1944) на спинах десантников обозначали мелом номер их группы.

Мелом же обозначалась и очерёдность десантируемого груза, в первую очередь сбрасывалось наиболее необходимое при приземлении снаряжение.

В современном английском языке термин *chalk* используется для обозначения десантной группы на борту отдельного самолета/вертолета, или для обозначения партии десантируемого снаряжения. Ср.: "The first three chalks must be ready to move at 1400hrs" – («Первые три группы должны быть готовы к вылету в 14.00»). "You are in chalk 5 but your gear will be shipped in chalk 2." – («Ты летишь в группе 5, а твоё снаряжение будет отправлено рейсом 2»).

Соответственно, в зависимости от того, о чём идет речь (о построении порядка авиационных транспортных средств или о составе десанта), и выбирается вариант перевода.

В языке отчетливо отражаются ментальные различия его носителей. Поэтому, чтобы точно интерпретировать содержание термина, исследователь должен учитывать, кроме онтологического статуса термина, еще и внутреннюю форму слова. Через выделение внутренней формы слова А. Потенбя объяснял, почему в одном и том же языке может быть несколько слов для обозначения одного и того же предмета и, наоборот, одним словом можно обозначать различные предметы.

Так, например, не равнозначны по значению термины **commander** и «командир». В российской армии термином «командир» определяется военноружащий, командующий каким-либо воинским

формированием. В армии США для этого используются два термина – **commander** и **leader**. **Leader** относится только к командирам взводов и других формирований меньшего состава (*platoon leader, squad leader, team leader, etc.*), в остальных случаях используется **commander**. Такое противопоставление объясняется тем, что в подчинении **commander** имеются другие командиры в офицерском звании, а в подчинении **leader** таковых нет. **Leader, таким образом, это отец-командир, выполняющий вместе с бойцами боевую задачу.**

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что правильное понимание и адекватный перевод терминов во многом зависит от знания реалий иностранной и российской военной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стежко Ю. Г. Лингвокультурный и социокультурный аспекты проблемы перевода терминов / Ю. Г. Стежко // Молодой ученый. – 2013. – № 7. – С. 496–501.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
3. Нелюбин Л. Л. Учебник военного перевода. Английский язык. Общий курс [под ред. д-ра филол. наук проф. Л. Л. Нелюбина] / Л. Л. Нелюбин, А. А. Дормидонтов, А. А. Васильченко – М.: Воениздат, 1981. – 380 с.
4. Словарь Мультитран. – Режим доступа: <http://www.multitrans.ru/c/m.exe?l1=1&l2=2&s=side arm>

Воронежский государственный университет,
Институт международного образования

Леонов А. И., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка для иностранных учащихся основ-
ных факультетов

E-mail: leonov@interedu.vsu.ru

Voronezh State University,

Institute for International Education

Leonov A. I., Candidate of Philology, the Russian Language
for International Students Department

E-mail: leonov@interedu.vsu.ru

ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОМАНА МАКСА ФРИША «ХОМО ФАБЕР»

Ю. З. Миркина

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Поступила в редакцию 28 февраля 2016 г.

Аннотация: в статье рассматривается творчество известного швейцарского писателя XX столетия М. Фриша. Особое внимание уделяется специфике структурирования темпорального пространства текста романа «Хомо Фабер», а также выявляются основные характеристики временной организации данного произведения.

Ключевые слова: время, временная организация текста, темпоральность, временной дисконтинуум, М. Фриш, «Хомо Фабер».

Abstract: this article is devoted to the issue of considering the work by a famous Swiss writer of the 20th century M. Frisch. Particular attention is given to the specificity of temporal space structuring and to the study of the main features of time organisation of the novel »Homo Faber».

Keywords: time, time organisation of a text, temporality, temporal discontinuum, M. Frisch, «Homo Faber».

Человек, время и пространство с давних пор являются предметом повышенного внимания как антропоцентрически ориентированной лингвистики, так и литературоведения. Однако наиболее сложной в данном понятийном ряду является категория темпоральности, тесно связанная с природой художественного творчества. Особый интерес представляет изображение времени в творчестве писателей XX столетия, для которого характерно «особое осмысление времени, сложное переплетение различных временных пластов, ломка хронологического ряда событий и вторжение в их последовательность [1, 50–51]. Особенно интересен в этой связи роман известного швейцарского писателя второй половины XX века Макса Фриша «Хомо Фабер».

Данное произведение представляет собой дневник главного героя – инженера Вальтера Фабера, в котором со скрупулезной точностью рассказывается о событиях, произошедших с центральным персонажем весной и летом 1957 года. Центральный персонаж – типичный представитель XX столетия: прагматичный, рационально мыслящий, порой циничный. Эти особенности характера героя объясняют его «второе» имя – «Хомо Фабер», данное ему возлюбленной Ганной Ландсберг, что в переводе с латыни означает «человек-мастер, создатель орудий труда, человек работающий» [подробнее см.: 2]. Подзаголовок «Ein Bericht», а также указание уже на первых страницах не только точных дат, но и времени настраивают читателя на хронологически выстроенную организацию повествования. Однако несмотря на это, логические законы композиционного построения романа не соблюдаются, что позволяет нам говорить о **временном дисконтинууме** [подробнее см.: 3].

Время в структуре текста произведения **многомерно**: в нем можно выделить три временные точки, взаимодополняющие и взаимовлияющие друг на друга. Действие романа начинается в марте 1957 года. Однако часто временная последовательность произведения нарушается воспоминаниями героя об отношениях с Ганной Ландсберг, матерью его единственного ребенка – Элисабет Пайпер (30-е годы XX столетия). Благодаря воссозданию молодости героя перед читателем постепенно открывается вся предыстория описываемых в 1957 году событий.

Кроме этого в тексте произведения есть и третье временное смещение: так как Вальтер Фабер ведет свои дневниковые записи ретроспективно, он нередко заглядывает в будущее, о котором еще не знает читатель, но в силу упомянутой особенности ведения дневника знает главный герой. Так, например, в первой части романа (erste Station) постоянно присутствует информация о смерти единственной дочери: «Ich gebe zu: Ohne die Notlandung in Tamaulipas (26.III.) wäre alles anderes gekommen: ich hätte diesen jungen Hencke nicht kennen gelernt, ich hätte vielleicht nie wieder von Hanna gehört, ich wüsste heute noch nicht, dass ich Vater bin. Es ist nicht ausdenken, wie anders alles gekommen wäre ohne diese Notlandung in Tamaulipas. Vielleicht würde Sabeth noch leben.» [4, 22]. Необходимо отметить, что данный текстовый фрагмент написан в сослагательном наклонении как настоящего, так и прошедшего времени. В связи с этим мы можем утверждать, что рассуждения главного героя о произошедших событиях носят ирреальный характер: историю его жизни невозможно повернуть вспять, о чем, возможно, и жалеет Вальтер Фабер. Очевидно, что ретроспекция и проспекция актуализируются в рома-

не как «отсылки» к прошлому и будущему центрального персонажа, что не только повышает информационный потенциал дневниковых записей, но и помогает более точно охарактеризовать главного героя. Таким образом, мы можем говорить о **дискретности (прерывности) времени** в тексте анализируемого нами произведения.

Из-за постоянных нарушений временной последовательности континуум текста романа разбивается на эпизоды, связанные соответственно с прошлым, настоящим и будущим Вальтера Фабера, и только в конце произведения все три временные оси сливаются в одно целое – настоящее главного героя. Благодаря такой временной организации повествования в произведении *воссоздается не только частная история жизни Вальтера Фабера, но и дается, правда, весьма схематично, исторический портрет XX столетия.*

Еще одним свойством временной организации романа является **неоднородность**: в результате временных смещений и выделения центральных событий изображаемое время то сжимается, то растягивается. Так, например, расстояние в 70 миль через джунгли преодолевается Вальтером Фабером за четыре дня. Столь длительное пребывание героя в мире дикой природы неслучайно. Во-первых, он знакомится с новым, экзотическим миром, красотами которого пока еще не умеет восхищаться. Во-вторых, сравнивая данное путешествие с последующими, читатель может заметить изменения, произошедшие в мировоззрении героя: позже центральный персонаж не только восторгается природой, но и подбирает для этого красивые эпитеты, метафоры и сравнения.

Говоря о временной организации текста произведения, нельзя не упомянуть об исторической неточности, присутствующей в романе. Рассказывая о свадьбе бывшей возлюбленной главного героя – Ганны Ландсберг – с его другом Иоахимом, В. Фабер

сообщает, что это событие произошло одновременно с аннулированием еврейских паспортов, т. е. в 1936 году: «Es ist mir heute noch ein Rätsel, wieso Hanna und Joachim geheiratet und wieso sie mich, Vater des Kindes, nie haben wissen lassen, dass dieses Kind zur Welt gekommen ist. Ich kann nur berichten, was ich weiß. Es war die Zeit, als die jüdischen Pässe annulliert wurden... Das war 1936.» [4, 56–57]. Но в реальности аннулирование еврейских паспортов произошло позже: в 1938 году. Из текста, однако, неясно, является ли данная ошибка неточностью самого М. Фриша или же Вальтер Фабер, вспоминая свою молодость, ошибается в датах.

Таким образом, проведенный нами анализ временной организации текста романа М. Фриша «Хомо Фабер» позволяет констатировать тот факт, что писатель изображает своего героя – инженера Вальтера Фабера – в неразрывном единстве со временем, в котором он существует. Характерными чертами, определяющими специфику структурирования темпорального пространства данного произведения, являются многомерность, дискретность (прерывность) и неоднородность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жукова С. А. Роль презенса в языковом структурировании пространственно-временного континуума художественного текста / С. А. Жукова // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта, 2009, Вып. 2. – С. 49–53.
2. Сидорина Т. Ю. «Homo faber» как символ эпохи труда: к истории эволюции понятия / Т. Ю. Сидорина // Вопросы философии, 2015, № 3. – С. 14–23.
3. Кузьмина И. Н. Языковая репрезентация временно-го дисконтинуума в немецком тексте / И. Н. Кузьмина. – Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Бийск, 2011.
4. Frisch, M. Homo faber. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1977. – 203 s.

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Миркина Ю. З., доцент кафедры лингвистики и лингводидактики Института социально-гуманитарных технологий и коммуникации
E-mail: julia_mirkina@mail.ru

Immanuel Kant Baltic Federal University
Mirkina J. Z., Associate Professor, Linguistics and Linguistics Department, Institute of Social and Humanitarian Technologies and Communication
E-mail: julia_mirkina@mail.ru

В «ЛАБИРИНТЕ СЦЕПЛЕНИЙ» МЕЖДУ ВОЙНОЙ И ОХОТОЙ: ВОЛКИ В РОМАНЕ Л. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

К. А. Нагина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 марта 2017 г.

Аннотация: предметом исследования в статье является семантика образа волка в творчестве Л. Толстого, связь волка с героическим сюжетом. В романе «Война и мир» волк становится медиатором в сопряжении охотничьих и военных сцен. Присутствием волка отмечена ситуация инициационного испытания с участием Николая Ростова, в результате которого происходит переакцентировка в «смысловых сцепках» «зверь и смерть», «хищник и жертва». «Звериный код» починает себе описание партизанских действий, а его инверсия, предпринятая Л. Толстым, утверждает мысль о милосердии, которая в позднем творчестве писателя разовьется в идею непротивления злу.

Ключевые слова: бестиарий Л. Толстого, волк, «Война и мир», героический сюжет

Abstract: the subject of research in the article is the semantics of the image of the wolf in the works of L. Tolstoy, the connection of the wolf with the heroic plot. In the novel «War and peace» the wolf becomes the mediator in the mate hunting and military scenes. The situation of the initiation tests involving Nikolai Rostov is marked by the presence of the wolf. Reemphasis in «semantic linkage» «the beast and death», «predator and prey» is the result of this test. «Beast code» mending itself description of guerrilla warfare, and its inverse, undertaken by L. Tolstoy, says the idea of mercy, which will develop into the idea of non-resistance to evil in the later work of the writer.

Keywords: bestiary of L. Tolstoy, the wolf, «War and peace», the heroic plot

Многие произведения Льва Толстого отмечены присутствием волка, но только в некоторых из них складываются особые волчьи сюжеты. Их можно обнаружить в романе «Война и мир», в баснях, а также в публицистических и религиозно-философских трудах писателя. В романе «Война и мир» волк вписывается в героический сюжет; в баснях традиционно играет роль вероломного и кровожадного злодея; в трактате «О жизни», в «Соединении и переводе четырех Евангелий» и других сочинениях нехудожественного порядка олицетворяет «лжеучителей» и выступает аллегорией страстей, раздирающих человека. Способность волка включаться в различные контексты и нести столь разнородную символическую нагрузку связана с его мифологической амбивалентностью: «В мифологических представлениях многих народов Европы и Северной Америки образ В. (волка. – К. Н.) был преимущественно связан с культом предводителя боевой дружины (или бога войны) и родоначальника племени» [1, 242]; волк «олицетворял жестокость и кровожадность, но также храбрость и благородство» [2, 216]; в мифологии древних славян представлялся «хтоническим животным, имеющим темную сущность и связанным с потусторонним миром» [2, 218]; в средневековом христианстве «ассоциировался с ересиархом и лжепророком (волк в овечьей шкуре), <...> в народных

сказках с лицемерным искусителем» [2, 219], а волчица, начиная с античности, представляла «символом алчности и плотского начала» [2, 222].

Самым развернутым из волчьих сюжетов у Л. Толстого оказывается героический, связанный в первом романе писателя с войной и охотой. Сопряжение охотничьих и военных сцен неоднократно отмечалось в толстоведении; блестящий комментарий к этому сопряжению дал С. Г. Бочаров, отметивший, что «через “лабиринт сцеплений” его тайными ходами тянется ниточка связи между состоянием людей на охоте и состоянием людей во время большой войны, причем, что важно, войны освободительной, необычной, которую решают не армии, а народ» [3, 22–23]. Много раз Толстой сравнивает французскую армию с затравленным зверем, а Кутузова – с опытным охотником. Так разворачивается басенная аллегория: «Ты сер, а я, приятель, сед». Эта красноречивая «перекличка мотивов» [3, 32], замеченная Г. Гачевым [4, 122], обращает на себя и внимание С. Г. Бочарова, увидевшего в поведении ловчего Данилы на охоте «прообраз ситуации двенадцатого года» [3, 31].

И здесь особый интерес представляет как сама фигура волка, так и связанные с ней мотивы, которые указывают путь в «лабиринте сцеплений» между войной и охотой. Толстовская мысль движется в нескольких направлениях: первый ее вектор указывает на ситуацию инициационного испытания,

участник которого переходит на новую ступень воинской иерархии; второй – на существование маргинальной группы воинов-волков, чьи «задачи в рамках регулярной войны сводятся в основном к дезорганизации боевых порядков и коммуникаций противника по принципу “укусил и отскочил”» [5]; третий – на «достойную народа цель» [6; 7, 181] освободительной войны, достижение которой требует не уничтожения, а изгнания «бегущего животного» [6; 7, 181] – жертвы «большой охоты». И все эти три вектора так или иначе маркированы смертью.

Николай Ростов является главным персонажем инициационного сюжета, который начинается во время охоты и продолжается на войне, в Островненском сражении. В итоге инициация сводится не столько к получению Ростовым статуса охотника и воина, сколько к переакцентировке в «смысловых сцепках» [5] «зверь и смерть», «хищник и жертва».

Во время волчьей облавы Ростов обращается «к богу с мольбой о том, чтобы волк вышел на него» [6; 5, 261]. В итоге желание исполняется, но лишь отчасти: на Николая действительно выскакивает волк, но старому кобелю Караю не удается взять зверя. Волка останавливают «дядюшкины собаки» [6; 5, 264] и ловчий Данило сострунивает его. Все это время Ростов наготове держит свой нож, чтобы «колоть» зверя. На это автор указывает дважды: «Он взялся уже за луку седла, чтобы слезть и колоть волка» [6; 5, 264], – это в тот момент, когда на зверя напал Карай, и во второй раз, когда на волка повалился Данило, Николай снова «хотел колоть» [6; 5, 265]. Но сначала пес не сумел удержать добычу, а потом Ростова остановил ловчий: «Не надо, соструним» [6; 5, 265], – сказал он и оставил волка живым.

Параллели между охотой и Островненским делом очевидны, о чем свидетельствует множество деталей: «зоркий охотничий глаз» [6; 6, 69] Ростова, отождествление сражения с «травлей» [6; 6, 69]. Николай «все... сделал, как он делал на охоте, не думая, не соображая», «скакал наперерез расстроенным рядам французских драгун» с тем «чувством, с которым он неся наперерез волку» [6; 6, 70]. Так французский офицер, «которого он выбрал своей целью» [там же], превращается в охотничью добычу: «Лошадь Ростова ударила грудью в зад лошади офицера, чуть не сбила ее с ног, и в то же мгновение Ростов, сам не зная зачем, поднял саблю и ударил ею по французу» [там же]. Но «в то же мгновение, как он сделал это, все оживление Ростова вдруг исчезло»: он увидел того, «кого... победил» [там же]. Столь же подробно, как в сцене охоты пойманного волка, Толстой описывает французского драгуна. Положение волка и человека определенно схожи: первого сострунили, заложив в пасть палку и связав ноги, а второй сам запутался в стремени. Оба испытывают страх: «Из-под собак виднелась седая шерсть волка, его вытянутая задняя нога и с прижатыми уша-

ми испуганная и задыхающаяся голова», «...зверь, испуганно прижав уши, старался подняться, но собаки облепили его» [6; 5, 264]; «Драгунский офицер одной ногой прыгал на земле, другой запутался в стремени. Он, испуганно щурясь, как будто ожидая нового удара, сморщившись, с выражением ужаса взглянул снизу вверх на Ростова <...>. Он, торопясь, хотел и не мог выпутать из стремени ногу и, не спуская испуганных голубых глаз, смотрел на Ростова» [6; 6, 70].

Ростов как будто оказывается в трагическом положении персонажа волшебных сказок, который убивает зверя и тут же обнаруживает его превращение в человека. Однако Толстой явно благоволит своему герою: живыми остаются и зверь, и человек. Несмотря на это, Ростов испытывает «какое-то неприятное чувство, сжимавшее ему сердце. Что-то неясное, запутанное, что он никак не мог объяснить себе, открылось ему взятием в плен этого офицера и тем ударом, который он нанес ему» [6; 6, 71].

Перед нами – один из «звериных кодов», предполагающий сцепку между «смертью и зверем». Эта сцепка образуется в детском сознании, когда «семантическое поле смерти <...>, будучи приписанным к онтологической категории “зверь”, просто-напросто не может быть совмещено с категорией “человек”». Эта идея находит свое подтверждение в исследованиях антрополога Калифорнийского университета Кларка Баррета, установившего, что на начальном этапе ребенок соотносит смерть со смертью животного, и только со временем – со смертью человека, причем в первом случае выстраивается отчетливый сюжет «хищник / жертва». Именно отсюда, по наблюдению В. Михайлина, «берет начало одна из самых репрезентативных продуктивных кодовых систем, существовавших в так называемом индоевропейском круге культур, а отчасти сохраняющаяся и сегодня» [5]. Речь идет о «зверином стиле», неотъемлемой частью которого становятся «сцены терзания».

Поведение Николая Ростова в Островненском сражении Л. Толстой как раз подчиняет логике «звериного стиля»: «Человек, который “перекодирует себя” в этой логике – надевая или беря в руки украшенные “сценами терзания” предметы, входя в соответствующим образом декорированное пространство или просто переназывая реальность, – в каком-то смысле возвращается к детским представлениям о том, как умирают живые существа, что, по сути, весьма прагматично, если речь идет о войне. В сюжете “хищник / жертва” люди не умирают, умирают звери – а значит, готовясь к “охоте на врага”, нет необходимости даже на самой периферии сознания приводить в действие сложные “человеческие” дифференциальные смыслы. На тропу войны ты выходишь как хищник: иначе нет никакого смысла выходить на тропу войны» [5].

Николай Ростов пребывает в «перекодированном» пространстве, где он является охотником, а француз – волком. Сюжет «хищник / жертва» достигает своей кульминации в «сцене терзания», но, по логике Толстого, тут же инверсируется: на месте зверя оказывается человек – не со звериным оскалом (которого, кстати, не было даже у волка), не с «вражеским», а с «самым простым комнатным лицом» [6; 6, 70]. Этим выпадением из раз и навсегда усвоенных социальных кодов и отмечается духовная растерянность Ростова, его «нравственная тошнота». В сюжете «хищник / жертва» все ясно – не случайно «стеклянные» глаза волка «дико и вместе с тем просто» смотрят на охотников, а вот сюжет «человек / человек» запутывает все и дискредитирует саму суть войны: «Ростов... никак не мог понять чего-то. “Так и они еще больше нашего боятся! – думал он. – Так только-то и есть всего, то, что называется героизмом? И разве я это делал для отечества? И в чем он виноват со своей дырочкой и голубыми глазами? А как он испугался! Он думал, что я убью его. За что же мне убивать его? У меня рука дрогнула. А мне дали георгиевский крест. Ничего, ничего не понимаю!”» [6; 6, 71–72].

Однако в «сценах терзания» волк чаще всего выступает не в роли «добычи», а в роли «добытчика». Эта переакцентировка привычной «волчьей» роли нужна была Толстому для демонстрации непостоянства статусов в связке «хищник / жертва», где звенья легко могут поменяться местами.

Одним из наиболее устойчивых принципов включения волка в героический сюжет является его способность маркировать определенный воинский статус. В архаичных индоевропейских культурах волками становились юноши, достигшие возраста инициационных испытаний и вынужденные покинуть привычную среду. Возрастная инициация зачастую включала в себя «волчью жизнь» в «стае» себе подобных. Молодые воины не имели права носить оружие на территории поселений, что было связано с их неспособностью контролировать активно культивируемую «волчью» агрессию. Во время войны эти юноши составляли легковооруженную часть армии и выполняли действия партизанского характера. Изображая участников народной войны 1812 года, Л. Толстой активно использует зооморфный код, отсылающий к «волчьим» маркерам.

Тихон Щербатый – один из тех воинов-волков, которые отличаются излишней агрессивностью и занимают маргинальное положение в отряде Денисова: он был нужен тогда, «когда надо было сделать что-нибудь особенно трудное и гадкое» [6; 7, 142]. В соответствии со своим «волчьим» статусом он не имеет серьезного оружия: «Оружие его составляли мушкетон, который он носил больше для смеха, пика и топор». А вот топором «он владел, как волк владеет зубами, одинаково легко выбирая ими блох

из шерсти и перекусывая толстые кости» [6; 7, 142]. «Экая бестия!» – говорит он нем Денисов, недовольный тем, что вернулся с вылазки без «языка». Как и положено хищнику, Щербатый кровожаден: он «редко приводил пленных» [6; 7, 143], предпочитая без промаха орудовать своим топором. Война для Тихона – перекодированное пространство охоты, где он вдоволь удовлетворяет свои звериные инстинкты. Рассказывая о том, как этот человек попал в отряд Денисова, Л. Толстой дважды повторяет слово «охота», совмещая в нем семантику «желания» с семантикой охотничьих действий: «Мы французам худого не делаем, – сказал Тихон <...>. – Мы только так, значит, по *охоте* баловались с ребятами <...>. Тихон <...> скоро оказал большую *охоту* и способность к партизанской войне. Он по ночам уходил на добычу и всякий раз приносил с собой платье и оружие французское» [6; 7, 142] (курсив мой. – К. Н.). Упоминание об этих трофеях далеко не случайно: речь идет о «специфических взаимоотношениях между человеческим телом, понимаемым как сплошное целое (с которого нельзя снять кожу / шкуру / добычу), и звериной шкурой» [5]. Эта шкура выступает в качестве доказательства «охотничьего» молодчества и поддерживает статус удачливого охотника в чужих глазах. «Сама практика “снятия шкуры” с поверженного противника» – скальпа, кожи с правой руки и т. д. – «окончательно и бесповоротно перекодирует последнего из людей в зверя, поскольку “с человека шкуру снять нельзя”» [5]. Для Тихона Щербатого французское платье выступает аналогом скальпа, который, кстати, охотники снимали и с убитых волков.

Но не только Тихон Щербатый отождествляет французов с волками: этот «звериный код», как показывает Л. Толстой, глубоко укоренен в народном сознании. «Тут волки-то эти налетели» (6, 409), – говорят бабы, указывая на французских солдат. Мужики называют «волками» убитых под Можайском французов. Вожак волчьей стаи – Наполеон – наделяется свойствами оборотня. Один из мужиков говорит о французском полководце: «Сказывали, самого Полиона-то Платов два раза брал. Слова не знает. Возьмет-возьмет: вот на те, в руках прикинется птицей. Улетит, да и улетит. И убить тоже нет положения». «А кабы на мой обычай, – отвечает другой, – я бы его, изловивши, да в землю бы закопал. Да осиновым колом» [6; 7, 205]. Осиновый кол, как известно, лучшее средство для убийства оборотня, которому, кстати, чаще всего свойственно принимать именно волчье обличье.

В перекодированном пространстве народной войны Тихон Щербатый становится наиболее репрезентативной фигурой воина-волка, охотника за головами французов-волков. Этот «звериный код» поддерживают у Толстого развернутые рассуждения о партизанской войне, «не подходящей ни под какие

прежние предания войн», поскольку основным ее оружием является не «шпага», а «дубина» [6; 7, 131] и топор. Превращение в «нечистого», «кровавого» волка, которое Толстой описывает на примере Тихона Щербатого, связано со снятием запрета убивать, с пробуждением хтонического начала. В этом смысле показательна сцена с участием Щербатого, Денисова и Пети Ростова, в ходе которой Тихон рассказывает о том, как убил французов. Лицо его «сияет» «самодовольным весельем», «рожа» расплывается в глупую «улыбку, открывающую недостаток зуба» [6; 7, 144]. Об убийстве он говорит намеками: «Тут их четверо. Бросились на меня с шпажками. Я на них таким манером топор: что вы, мол, Христос с вами» [6; 7, 144]. Денисов сердится, но все остальные члены отряда реагируют на его слова «громким смехом»; смехом заливаются и Петя. С добычи, по своему обыкновению, Тихон «снимает шкуру», в роли которой на этот раз выступают сапоги. Упоминание об этом трофее неожиданно обнажает перед Петей страшную реальность: на мгновение он понимает, «что Тихон этот убил человека. <...> и что-то кольнуло его в сердце» [6; 7, 144]. Но тут включаются механизмы психологической и социальной защиты, и «Петя почувствовал необходимость повыше поднять голову, подбодриться и расспросить эсаула с значительным видом о завтрашнем предприятии, с тем чтобы не быть недостойным того общества, в котором он находился» [6; 7, 145]. Через некоторое время Ростов сам окажется в роли жертвы, причем Долохов, герой из разряда воинов-волков, констатируя его смерть, дважды, как будто «с удовольствием», произнесет слово: «Готов», которое никаким образом не указывает на «значимую человеческую смерть» [5], тем более смерть «правильную».

«Звериный код», подчиняющий себе описание партизанских действий, в последнем, четвертом томе романа, Толстой распространяет на описание войны в целом. В соответствии с ним Кутузов предстает «опытным охотником», а французская армия – «раненым зверем», на что неоднократно обращали внимание исследователи. Стоит заметить, что этот код понадобился Л. Толстому для описания *завершающего* этапа освободительной войны – изгнания французов с русской территории, когда Кутузов «все силы свои употреблял на то, чтобы удержать русскую армию от бесполезных сражений» [6; 7, 77]. В соответствии с логикой отслеживания раненого зверя, охотник должен понять, насколько опасны его раны, и только после этого приступить атаковать:

«Подбитый зверь под Бородином лежал где-то, где оставил отбежавший охотник; но жив ли, силен ли он был, или он только притаился, охотник не знал этого. Вдруг послышался стон этого зверя.

Стон этого раненого зверя, французской армии, обличивший ее погибель, была присылка Лористона в лагерь Кутузова с просьбой о мире» [6; 7, 77];

«Очень часто раненое животное, слышав шорох, бросается на выстрел на охотника, бежит вперед, назад и само ускоряет свой конец. То же самое делал Наполеон под давлением всего его войска. Шорох Тарутинского сражения спугнул зверя, и он бросился вперед на выстрел, добежал до охотника, вернулся назад, опять вперед, опять назад и, наконец, как всякий зверь, побежал назад, по самому невыгодному, опасному пути, но по знакомому, старому следу» [6; 7, 100];

«Он (Кутузов. – К. Н.), как опытный охотник, знал, что зверь ранен, ранен так, как только могла ранить вся русская сила, но смертельно или нет, то был еще не разрешенный вопрос» [6; 7, 121].

Именно «охотничья» образность оказалась тем необходимым писателю подспорьем, которое позволяло утвердить правоту действий русского главнокомандующего, употребляющего «все свои силы на то, чтобы сдерживать армию от наступления» [6; 7, 78].

И с этого момента в силу вступает совершенно иная логика, отличная от логики «звериного стиля», густо пропитанного кровью и смертью. Помещая Кутузова в пространство войны / охоты, поведенческим модусам которого следуют Тихон Щербатый, Николай и Петя Ростовы, Толстой инверсирует кодовое высказывание, в результате чего действия его героя подчиняются идее милосердия. Кутузов не просто жалеет русских солдат, оберегая их от бессмысленной гибели, он выступает против смертей вообще, жалея врагов-французов. Отсюда – его активное противодействие придворной военной политике:

«Кутузов один все свои силы (силы эти очень невелики у каждого главнокомандующего) употреблял на то, чтобы противодействовать наступлению.

Он не мог сказать, что мы говорим теперь: зачем сражение, и загромождение дороги, и потеря своих людей, и бесчеловечное добивание себе подобных» [6; 7, 126].

Источник духовной силы Кутузова, так верно угадавшего «значение народного смысла события», Толстой, как известно, усматривает «в том народном чувстве, которое он носил в себе во всей чистоте и силе его». «И только это чувство поставило его на ту высшую человеческую высоту, с которой он, главнокомандующий, направлял все свои силы не на то, чтобы убивать и истреблять людей, а на то, чтобы спасать и жалеть их» [6; 7, 197].

Обращаясь к солдатам перед Красненским сражением, Кутузов высказывает «чувство величественного торжества в соединении с жалостью к врагам», и солдаты не только понимают «сердечный смысл» его речи, но и разделяют это чувство, потому что оно «лежало в душе каждого солдата» [6; 7, 200].

«– А вот что, братцы. Я знаю, трудно вам, да что же делать! Потерпите, недолго осталось. Выпрово-

дим гостей, отдохнем тогда. За службу вашу вас царь не забудет. Вам трудно, да все же вы дома; а они – видите, до чего они дошли, – сказал он, указывая на пленных. – Хуже нищих последних. Пока они были сильны, мы себя не жалели, а теперь их и пожалеть можно, Тоже и они люди. Так, ребята» [6; 7, 199–200]. В начале речи, называя французов «гостями», полководец использует одно из имен волка, поддерживая коды «звериного стиля», а затем слова Кутузова возвращают французов из пространства «охоты» в обычное измерение: зверь становится человеком.

Это поведение Кутузова поддерживается «охотничьим» контекстом произведений Толстого. Уже давно замечено, что русский главнокомандующий напоминает двух толстовских охотников: дядю Ерошку, который «жалеет» зверя, убитого понапрасну, и ловчего Данилу, который не дает Ростову заколоть волка. В «Воспоминаниях» Толстой описывает «садку волка», который тоже уходит живым от охотников: «Это было около самого дома. Мы все пешком вышли смотреть. На телеге вывезли соструженного, большого, с связанными ногами, серого волка. Он лежал смирно и только косился на подхопивших к нему. Приехав на место за садом, волка вынули, прижали вилами к земле и развязали ноги. Он стал рваться и дергаться и злобно грыз струнку. Наконец развязали на затылке и струнку, и кто-то крикнул: “Пушай”. Вилы подняли, волк поднялся, постоял секунд десять. Но на него крикнули и пустили собак. Волк, собаки, конные, верховые полетели вниз по полю. И волк ушел» [6; 14, 392]. Так в обеих сценах волчьей охоты, описанных Толстым, волку дарована жизнь. В этом смысле авторское поведение Толстого вступает в противоречие с архаической логикой «звериного стиля», обнаруживая соответствие в христианской традиции, воплотившейся в поступках христианских подвижников – Франциска Ассизского и Сергия Радонежского. Сергей Радонежский кормил стаю голодных волков, приходивших к нему за пищей, а святой Франциск по просьбе жителей города Губбио справился с чудовищным волком, наводившим ужас на всю округу. Он укротил кровожадное чудовище, осенив его крестным знаменем и назвав «братом». Долгое время после этого волк жил в городе, превратившись в ручного зверя, а после кончины был похоронен «по-христиански, как человек» [2, 201]. Эта история отразилась в средневековой иконографии, содержащей изображения католического святого с волком.

Таким образом, инверсируя основные кодовые высказывания «звериного стиля», Толстой утверждает мысль о милосердии, которая в дальнейшем разовьется в идею непротivления злу. В соответствии со своей природой, человек не должен культивировать волчью агрессию, превращая в добычу такое же живое существо, как сам. Об этом писатель говорит в 34 главе трактата «О жизни», вновь обращаясь к волчьей символике: «Когда окунь вследствие голода мучает плотву, паук мучает муху, волк овцу, они знают, что делают то, что должно быть, и совершается то самое, что должно быть; и потому, когда и окунь, и паук, и волк подпадают таким же мучениям от сильнейших их, они, убегая, отбиваясь, вырываясь, знают, что делают все то, что должно быть, и потому в них не может быть ни малейшего сомнения, что с ними и случается то самое, что должно быть» [6; 17, 121]. Но человека Толстой призывает искать глубинную причину страданий: «Но что же, кроме того, чтобы убежать и отбиваться от волков, должен делать человек, разрывааемый ими? – То, что свойственно делать человеку, как разумному существу: сознавать тот грех, который произвел страдание, каяться в нем и познавать истину» [6; 17, 122]. А истина заключается в том, что человек должен любовью содействовать единению всех живых существ, ибо «все человечество составляет одно существо» [7; 34, 140], и терзаемый тобой враг в конечном итоге есть ты сам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов В. В. Волк / В. В. Иванов // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. – М. : Советская энциклопедия, 1991. – Т. 1. – 671 с.
2. Самарина М. С. Символ волка в культуре: от капиталистической волчицы до волка Франциска Ассизского / М. С. Самарина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Вып. 4. – Т. 2. – С. 216–223.
3. Бочаров С. Г. Война и мир Льва Толстого / С. Г. Бочаров. – М. : Худож. лит., 1987. – 158 с.
4. Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр / Г. Д. Гачев. – М. : Просвещение, 1968. – 302 с.
5. Михайлин В. Зверь как смерть В. Михайлин // Отечественные записки. – 2013. – Вып. 5 (56). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2013/5/zver-kak-smert>
6. Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 / Л. Н. Толстой. – М., 1979. – 1985.
7. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. / Толстой Л. Н. – М.-Л., – 1928–1958. – Т. 34. – С. 140.

*Воронежский государственный университет
Нагина К. А., доктор филологических наук, профессор
кафедры русской литературы
E-mail: k-nagina@yandex.ru*

*Voronezh State University
Nagina K. A., Doctor of Philology, Professor of the Department
of Russian Literature
E-mail: k-nagina@yandex.ru*

СИМВОЛИКА НАЗВАНИЯ РОМАНА ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»

А. С. Паринова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 марта 2017 г.

Аннотация: статья посвящена изучению символики названия романа Захара Прилепина «Обитель», выявлению аллюзий к русской поэзии XIX – начала XX века, рассмотрению пути главного героя в соотношении с внутренними смыслами понятия «обитель».

Ключевые слова: символика, аллюзия, обитель, Захар Прилепин, Соловецкий лагерь.

Abstract: the article is devoted to the study of the symbolism of the title of the novel Zakhar Prilepin "Convent", the identification of allusions to Russian poetry of XIX – XX century, considering the way the main character in correlation with the internal sense of the concept «convent».

Keywords: symbolics, allusion, convent, Zakhar Prilepin, Solovetsky camp.

Захар Прилепин – один из самых ярких представителей современной литературы. Этот писатель получает множество литературных премий и является активным участником общественной и политической жизни нашей страны. Во многом поэтому его произведения обсуждаются задолго до выхода в свет и никого не оставляют равнодушным.

Так и роман «Обитель» получил не одну премию: премия «Книга года» (Ежегодный национальный конкурс); «Книжная премии Рунета-2014» в номинации «Лучшая художественная книга»; премия «Большая книга». В 2015 году был признан бестселлером среди художественной русскоязычной литературы.

Несмотря на это, многие отзывы о романе весьма не лестны. Так, например, писатель Александр Котюсов в своей рецензии категоричен: «Сегодня уже ясно – «Обитель» не роман. «Обитель» – проект», – тем самым отрицает его принадлежность к высокой литературе. Он обвиняет Прилепина в том, что в романе не описаны все ужасы и издевательства, которые были отпущены на долю заключенных. Сравнение с М. Горьким подчеркивает заказной характер «Обители», её необходимости скрыть многое о тех страшных временах. «Это вторая задача, которую пытается решить автор в романе, словно кто-то всемогущий вызвал его к себе и сказал – надо, брат, сделать что-то полегче, посмотри вон на Соловки, там один Солженицын со своими ужасами. Безраздельно. Пора дать дорогу молодым, сместить с пьедестала патриарха. Ведь это же наша история, будут люди через сто лет читать, а там одни казни да издевательства. Ты уж как-нибудь подрихтуй. Вон Горький смог же, написал, что там почти курорт. Так и ты попробуй» [4].

Однако достаточно перестать сравнивать Прилепина и Солженицына, чтобы понять, что идеи этих

произведений абсолютно разнятся, отсюда и отличия в содержании и в отборе фактов.

Безусловно, это произведение тоже написано на лагерную тематику, о Соловецком лагере особого назначения (СЛОН), который располагался на территории Соловецких островов. О лагерях писали многие и до этого, но Прилепин настаивает на том, что предмет его романа несколько иной: «Эта книга не про ГУЛАГ. ГУЛАГ был создан после Соловков. То, что описывал Шаламов, Солженицын, Домбровский, это еще не Соловки. У меня в романе начальная история советской пенитенциарной системы. Была какая-то правда-неправда, была задача перековки человека, но она провалилась. Все проиграли. Сделали просто кровавую кашу. И мне было важно понять, с чего начиналось, как это все происходило, поэтапно, с иллюзиями, с благими намерениями люди тихо шествуют в ад, – вот это было мне интересно», – прокомментировал Захар Прилепин в интервью Piter.tv 12 мая 2014 года.

Отличительной особенностью этого романа стало его название – «Обитель». Слово-символ, наполненное достаточно широким аллюзийным контекстом, дает двойственные читательские ожидания.

Сергей Сергеевич Лихачев, оставивший один из первых развернутый критический отзыв о романе, настроен весьма категорично в отношении такого названия: «Обитель» – слово спокойное, даже умиротворяющее, лечащее душу, потому – доброе, привлекающее (как следует из его определений в словарях), а содержание прилепинского романа «Обитель» напротив крайне агрессивное, эмоциональное, конфликтное, непримиримое, отталкивающее, набитое страшилками. Поэтому название, считаю, не отражает содержания, а это серьезный недостаток для произведения в жанре романа» [5].

Мы же считаем, что именно название таит в себе ключ к наиболее полному пониманию идеи произведения. Оно переносит место действия из конкретного лагеря в предельно обобщенную Обитель, тем самым значительно расширяя хронотоп романа. «Самые общие названия места <...> – как правило, свидетельствуют о предельно широком значении создаваемого художником образа» [7].

Владимир Бондаренко в статье «Власть Соловецкая» пишет об этом так: «Собственно, роман “Обитель” и написан о России с 1917 по 1937 годы. Потом пошла другая история. Или же с 1991-го по нынешнее время. Всё та же шуба швами наружу. Жить в это время в такой России крайне интересно, но небезопасно» [2].

Важность детального рассмотрения заглавия романа не подвергается сомнению, еще в 1931 году известный литературовед С. Кржижановский писал: «Слова на обложке не могут не общаться со словами, спрятанными под обложку. Мало того, заглавие, поскольку оно не в отрыве от единого книжного тела, поскольку оно в параллель обложке, облегает текст и смысл, – вправе выдавать себя за главное книги» [8].

Обитель – слово многозначное. Однако, безусловно, первое и исконное значение слова обитель – монастырь, –отсылает нас к истории лагеря особого назначения. На его месте, на Соловецких островах в Белом море, в 15 веке располагался Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь – ставропигиальный мужской монастырь Русской православной церкви. Возможно, именно поэтому автор дает роману это название. Уже с тех времен Соловецкий монастырь использовался в качестве места изоляции непокорных воле государя православных иерархов, еретиков и сектантов. Попадали сюда и политически неблагонадежные, такие, как опальный Аверкий Палицын или сочувствовавший декабристам Павел Ганнибал и другие. Соловецкая монастырская тюрьма существовала с 1718 года, без малого 200 лет, и была закрыта в 1903 году.

Монастырь был тюрьмой задолго до появления власти советской. При этом, перестав быть монастырем, обителью он остался на века. Это уже не просто место заключения, это и жилище, и приют, и последнее пристанище для большинства заключенных.

Современная литература любых направлений немыслима без отсылок и аллюзий к классическим текстам русской литературы. Захар Прилепин, выбирая подобное заглавие, отсылает нас в «золотой век» русской литературы.

Читателю сразу приходят на память знаменитые строки А. С. Пушкина из известного стихотворения «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит!» (1834), содержащего четверостишие:

На свете счастья нет, но есть покой и воля. Давно завидная мечтается мне доля – Давно, усталый раб,

замыслил я побег В обитель дальную трудов и чистых нег [9].

В этом отрывке понятие «обитель», хоть и «спокойное, умиротворенное», как говорит о нем С.Лихачев, наполнено тихой грустью и символизирует долгожданный конец мирских мучений – смерть. Лирический герой ждет этого часа, который может освободить его от тяжести жизненного бремени, где он давно чувствует лишь усталость.

Более раннее стихотворение «Придет ужасный час... твои небесны очи» (1823) тоже посвящено теме смерти, и обитель в нем обозначает последнее пристанище человека:

Придет ужасный час... твои небесны очи
Покроются, мой друг, туманом вечной ночи,
Молчанье вечное твои сомкнет уста,
Ты навсегда сойдешь в те мрачные места,
Где прадедов твоих починут мощи хладны.
Но я, дотоле твой поклонник безотрадный,
В обитель скорбную сойду я за тобой
И сяду близ тебя, печальный и немой,
У милых ног твоих — себе их на колена
Сложу — и буду ждать печально... но чего? [10].

Здесь «обитель скорбная» должна объединить двух близких людей, но только после смерти. Стихотворение рисует мрачную картину, а недописанная поэтом концовка добавляет трагизма и оставляет ощущение безысходности и неопределенности.

Смысловая символика обители как пристанища смерти в первую очередь востребована в романе Прилепина, где дамоклов меч смерти нависает над каждым из героев. Соловецкая обитель того времени стала последним «домом» для огромного количества людей абсолютно разных сословий и национальностей. Роман Захара Прилепина имеет достаточно развернутую систему персонажей, с каждым из которых можно соотнести название произведения, однако в данной статье мы сосредоточились на образе главного героя Артема Горяинова.

Артем Горяинов, попав на Соловки за отцеубийство, тягчайший из человеческих грехов, уже обречен смерти. Он рвет все связи с внешним миром, не выходит на встречу к матери, не рассказывает никому о своем прошлом. С самого начала романа за Артемом «ходит» смерть. Он постоянно ощущает её присутствие. «Сколько же раз меня убивали? – слезно жаловался Артём. – Не сосчитать! Меня зарезали блатные. Меня сгноили на баланах. Меня забили насмерть за чужие святцы. Меня закопали вместе с заговорщиками. Меня застрелили на Секирке. Меня затоптали лагерники, не простив изуродованный лик на стене. Меня ещё раз застрелила в лодке Галина. Меня утопило море, и то, что мама гладила по голове, съели рыбы. Я медленно умер от холода и от голода. С чего бы мне опять умирать? Больше нет моей очереди, я свою очередь десять раз отстоял! Господи!» [11]

Несмотря на то, что он смог избежать гибели в, казалось бы, безвыходных ситуациях, перечисленных им в данном монологе, он, как и другие персонажи романа, приговорен к смерти самим фактом своего пребывания в Соловецкой обители. Прилепин в финале замыкает круг мытарств героя смертью, которой он ожидал с самого начала – автор сообщает нам о том, что его все-таки «зарезали блатные». Прилепин возвращает нас к завязке романа, лишь вскользь упоминая о трагическом конце Артема Горяинова.

Но в русской поэзии есть и другое значение слова «обитель». Стихотворение Некрасова «Размышления у парадного подъезда» (1858) посвящено теме страдания русского народа при жизни. Лирический герой задает сам себе вопрос: неужели не существует места на земле, где бы человек был лишен страданий?

Назови мне такую *обитель*,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал? [12].

«Обитель» у Некрасова – это жизнь простого народа, наполненная страданием и горем. Жизнь Артема Горяинова в лагере полна житейских страданий: это голод и холод, побои и унижения, тяжелая и грязная работа. Например, во время работы Артема «на баланах» мы видим концентрацию физических мучений лагерников: «Мокрое белье противно свисало. <...> Вдруг вспомнил, что забыл хлеб в кармашке, сунул руку – так и есть, пальцы влезли в сырой и гадкий мякиш. Оскользнулся на кочке, упал, непроизвольно выбросив вперед руку – как раз ту, что сжимала хлеб. Осталось немного на пальцах: Артём лежал на траве, животом чувствуя холодную илистую воду... облизывал руки в хлебной каше. <...> Артём поднялся, почувствовал: вот-вот заплачет. <...> Это был последний хлеб, впереди ещё два дня оставалось на пшёнке и треске» [11].

Некоторые обвинили Прилепина в том, что он изобразил СЛОН не местом мучения (за исключением эпизода на Секирке). В романе описана жизнь лагеря особого назначения, которая легко сравнима с обычной человеческой жизнью. Это жизнь трудная, порой в бесчеловечных условиях, но она идет своим чередом. В то время, когда кто-то собирает ягоды в лесу и слушает пение птиц, кто-то «на баланах» умирает от тяжелой работы.

В, казалось бы, совершенно непригодном для «нормальной» жизни месте Артем обустроивается, и тогда его «угол» начинает напоминать нормальную жизнь. В первой части романа герой оказывается приглашенным в келью Мезерницкого. Про неё герой говорит: «А так и в лагере можно жить... – подумал Артём. – Потом ещё будешь вспоминать об этом...» [11]. Всё в ней напоминает об обычной «внелагерной» жизни: полочка с книгами, белёные

потолки, вымытые окна, белоснежная простыня, ароматная подушка, фотография женщины и фарфоровая собачка. Келья, доставшаяся в дальнейшем в пользование Артёму, писателем не описана, только упомянуто сходство с комнатой Мезерницкого. Этот эпизод романа наполнен обыденными деталями, которые герой переживает с особым трепетом: он идет в магазин без конвоя, готовит борщ, покупает одеколон. При этом Осип, который живет в «облегченных» условиях, с трудом понимает эти чувства Артёма, попавшего в стены монастыря из барака.

Главный герой получает, благодаря возлюбленной, чекистке Галине, работу сторожем в Йодпроме на Лисьем острове. Это как раз те страницы романа, где герой оказывается по-человечески счастлив. Приближение к начальнику лагеря, чекистке Галине Кучеренко, сделало его жизнь в лагере комфортной и сытой. Высокое жалование, свидания с любовницей, нормальное питание – эти страницы романа мало напоминают лагерную жизнь в привычном понимании. Мы видим, что существовали люди, которые смогли обустроить свой быт даже в таких невыносимых условиях.

В этом контексте интересно также описание жилища старика-рыбака, отца Феофана. Бывший монах, проживший на острове четверть века, обустроивает не только своё жилище, но и «красный» угол: «В хате у Феофана вся утварь была самодельной. В красном углу имелся целый иконостас: “Купина неопалимая”, “Сосновская”, “Утоли моя печали” и несколько “Казанских”. На стенах сушились тюленьи шкуры. Пахло там тяжело, душно, зато не человеком – и то хорошо» [11]. Именно в этом месте герой испытывает особое эмоциональное состояние, столь немыслимое на Соловках: «Пожалуй, впервые за всё время своего срока Артём был по-настоящему счастлив» [11].

Вместе с тем в произведениях русских поэтов можно найти и сам образ Соловецкой обители. Стихотворение И. А. Бунина, написанное в 1916 году, буквально в преддверии описываемых в книге событий, звучит пророчески:

Солнце полночное, тени лиловые
В желтых ухабах тяжелых зыбей.
Солнце не греет – на лица суровые
Падает светом холодных лучей.
Кренит размеренно палубу темную –
Валок тяжелый и грязный баркас.
С мукою слушаешь чайку бездомную
В этот полуночный солнечный час.
Скрылись кресты Соловецкой обители.
Пусто – до полюса. В блеске морском
Легкую мглой убегают святители –
Три мужичка-старичка босиком [13].

Понятие «обитель» используется здесь в узком смысле – оно говорит о Соловецком монастыре на пороге революционных событий. Предчувствуя гря-

душие перемены, поэт создает печальное настроение, используя эпитеты «холодный», «темный», «тяжелый», «грязный», «бездомный», «суровые». Бунин словно предвещает будущие трагические события, так как святые основатели и покровители монастыря – Зосима, Савватий и Герман – покидают этот остров, убегая от него по морю, подобно героям рассказа Л. Н. Толстого «Три старца». Этот сюжет наполняет название романа Прилепина «Обитель» новым смыслом, в контексте которого возникает вопрос об обители как месте спасения души.

Вопрос об отношении главного героя к Православию и Богу – едва ли не главный в романе. Писатель намеренно не дает прямого ответа на этот вопрос. Артем постоянно сомневается, поступает очень противоречиво. В, казалось бы, критических ситуациях Артем ведет себя довольно грубо и высокомерно. Однако его отношение к духовенству, представленному в романе очень разными персонажами, выдает в нем человека, осознающего ценность и значимость религии в современном ему мире и, что особенно важно, в предложенных обстоятельствах. Особенно интересна линия его поведения по отношению к владычке Иоанну. С самой первой их встречи Артем ощущает исходящее от него тепло, в нём даже возникает желание поцеловать его руку – получить благословение. Артем ощущает особую духовную силу владычки, он ему доверяет, слушает его, считает одним из самых близких людей. Увидев его мертвым, главный герой бросился соскабливать лик святого, бережно освобожденный им от штукатурки раньше. Для Артёма именно владычка Иоанн был проводником к вере.

В хате у Феофана, в келье Мезерницкого, даже на Секирке, видя перед собой иконы, герой испытывает благоговение и трепет. В келье с Троянцевым он вообще почувствовал себя как дома, быт его стал обустроен и спокоен, да и сам герой становится умиротворенным и радостным. Эпизод в лодке при побеге из лагеря раскрывает героя и его отношение к Богу с новой стороны: «Бог не мучает. Бог оставляет навсегда. Вернись, Господи. Убей, но вернись» [11].

Личность Артема переживает странные метаморфозы в то время, когда он пытается покинуть территорию лагеря вместе с чекисткой Галиной Кучеренко. В тот момент, отправляясь по реке на самодельном катере, они уже не чекистка и заключенный, они просто мужчина и женщина, Адам и Ева, стремящиеся начать жизнь заново: «Никого тут нет – только две судьбы, и две памяти – её и его. Влекутся за лодкой, теряя по пути то одно, то другое – какие-то слова, какие-то вещи, какие-то голоса» [11]. Артем взывает к Господу о спасении.

Сцена во время шторма показывает нам уже другого Артема, стремящегося к свету, наполненно-

го любовью к миру, готовому пожертвовать собой ради жизни другого. «Умер неверующий человек, родился верующий» [2].

После этого герой уже не боится смерти: во время расстрела, показательно устроенного Ногтевым, он спокойно становится на место заключенного, по счету попадающего под расстрел, только ради того, чтобы поддержать напуганную женщину, с которой у него была любовная связь.

Герой этого романа, Артем Горяинов, неоднозначен. Прилепин выбирает для своего произведения такого персонажа не случайно. Это обычный человек, который грешит, при этом боится осознать свои грехи и раскаяться перед Господом. В страхе он насмехается над кающимися узниками на Секирке, соскабливает со стены лик святого, совершает гнусные поступки. Но лишь оказавшись на пороге смерти, в бескрайнем водном пространстве, в самодельной лодке, лодке Харона, ведущей к смерти, герой открывает в себе новую «обитель».

Таким образом, название романа, благодаря аллюзивным связям с произведениями русской классики, включает в себе ряд важнейших смыслов для понимания судьбы главного героя романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко В. Власть Соловецкая – Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/vlast-solovetskaya/>. – дата обращения 18.02.2017.
2. Володихин Д. «Господи, рассмотри меня сквозь темноту...» (Обитель как христианский роман). – Режим доступа: <http://foma.ru/prilepin-obitel.html>. – дата обращения 18.02.2017.
3. Данилкин Л. «Обитель» Захара Прилепина: лагерьный ад как модель. – Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/obitel-zahara-prilepina-lagernyy-ad-kak-model-strany/>. – дата обращения 18.02.2017.
4. Котюсов А. Рецензия на роман Захара Прилепина «Обитель». – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2014/11/03/1068/> – дата обращения 18.02.2017.
5. Лихачев С. Роман Прилепина Обитель. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2015/07/08/2089>. – дата обращения 18.02.2017.
6. Шорина Л. Богословие Захара Прилепина. – Режим доступа: <http://prichod.ru/orthodoxy-everywhere/15630>. – дата обращения 18.02.2017.
7. Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др.; Под ред. Л. В. Чернец. – М.: Высш. шк.; Академия, 1999. – 556 с.
8. Кржижановский. С. Поэтика заглавий / С. Кржижановский. – М.: Никитинские сборники, 1931. – 32 с.
9. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки / А. С. Пушкин. – Москва: АН СССР, 1948. – 635 с.
10. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 2, кн. 2. Стихотворения, 1817–1825. Лицейские стихот-

ворения в позднейших редакциях / А. С. Пушкин. — Москва : АН СССР, 1949. — С. 644 с.

11. Прилепин Захар. Обитель: роман / Захар Прилепин. — Москва : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. — 746, [6] с.

*Воронежский государственный университет
Паринова А. С., аспирант кафедры Русской литературы
XX–XXI веков, теории литературы и фольклора
E-mail: anna.parinova.90@mail.ru*

12. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15-ти томах. Т. 2. Стихотворения, 1855 – 1866 / Н. А. Некрасов – Ленинград : Наука, – 1981. – 448 с.

13. Бунин И. А. Стихотворения / И. А. Бунин. – Ленинград: Советский писатель, 1961. – 512 с.

*Voronezh State University
Parinova A. S., Post-graduate Student of the Russian
Literature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature and
Folklore Department
E-mail: anna.parinova.90@mail.ru*

КОННОТАЦИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «БЛУДНЫЙ» В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Э. А. Радь

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)

Поступила в редакцию 2 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье рассматривается репрезентация библейско-евангельского сюжета о блудном сыне в жизни и творчестве М. И. Цветаевой. Мотив блудного сына / блудной дочери в цветаевской лирике разворачивается с постоянством и в разных вариативных смысловых значениях. Создается стойкое ощущение сознательной или подсознательной идентификации поэта с данным евангельским образом. Лирические произведения отражают переосмысление автором содержательного потенциала библейской притчи.

Ключевые слова: Цветаева; поэзия; контекст; архетип; мотив «блудного сына»; коннотации; художественные и духовные искания

Abstract: the article is connected with an idea of representation of the Bible-Evangel plot on a prodigal son in the life and work of M. Tsvetayeva. The motif of the prodigal son/prodigal daughter in the Tsvetayev's lyrics is constantly developing in different variant meanings. A lasting feeling of a conscious and unconscious identification of the poet with the Evangel image. Lyrical works reflect the author's reconsideration of the contextual potential of the Bible parable.

Keywords: Tsvetayeva, poetry, context, archetype, motif of a «prodigal son», connotations, literary and spiritual searching.

Библейское, преображенное в художественном мире поэта, присутствует в цветаевской поэзии, живет в ее глубине, в стихии подтекста. Марина Цветаева, восприняв библейские образы и сюжеты, презентует разные собственные ипостаси, раскрывает свои душевные состояния, зачастую противоположные. Художественная образность поэтического мира есть отражение бытия в его сложной, текучей, меняющейся целостности. Размышляя об истоках возвышенного и земного у М. Цветаевой, Л. Н. Козлова о цветаевском «Черте» пишет, что мятеж и своеволие и есть ее Черт, который «толкал на все», что духовный путь М. Цветаевой шел через богоборчество [1, 83–84].

Появление в творчестве М. Цветаевой мотива блудного сына неслучайно, оно обусловлено потребностями формирующегося творческого метода, историческими и автобиографическими событиями, идентификацией поэта с евангельским образом. История блудного сына / блудной дочери разворачивается в цветаевской лирике широко и с постоянством. Поэтому можно говорить о своеобразном метасюжете, связанном с евангельской притчей. Цветаева устойчиво развивает поэтическую мысль, лирическое переживание, истоком которого является важная грань сознания поэта, ее мироощущения и лирического самоопределения.

Библейско-евангельский сюжет о блудном сыне – это история человека, вступившего в конфликт с Богом-отцом в ситуации выбора пути, когда происходит избрание героем собственной судьбы через проявление индивидуальности и максимум свободной инициативы. Дальнейший ход событий становится неизбежным и подчиняется уже внеличной необходимости. Судьбу человека отражает возникшее противоречие между волевой инициативой и ее результатом. Это история человека, обретшего духовное единение с Богом. Это история каждого человека в том или ином смысловом варианте, с тем или иным исходом. Это, по большому счету, история всего человечества в символическом значении. Символ «блудный сын» (вариант – «блудная дочь»), несущий в себе генетическую информацию, фиксирует некоторые естественные силы, связанные с проявлением индивидуальности, ее своеволия, в их природной корреляции в нас.

Архетипический сюжет-ситуация включает в себе ряд смысловых координат, которые открывают простор для многозначности. Координаты смыслового пространства евангельской притчи способны превратить текст сюжета-архетипа в новый, «для которого мерность семиотического пространства резко возрастает» [2, 128].

Цветаевская лирика, если оценивать ее как вариант вечного метасюжета, эксплицитно и имплицитно демонстрирует его смысловую вариатив-

ность. Время-пространство, в котором М. Цветаева творила свою биографию, должны восприниматься и изучаться как пространство контекстов: контекста культуры в целом, контекста литературы и языка в частности, контекстов генетического, мифологического и архетипического. Текст, созданный поэтом, как результат творчества, – естественное продолжение человеческой жизни и одновременно предвидение будущего в биографии. Поэтому в нашей статье за основу берутся два положения: 1) цветаевский текст носит исповедальный характер; 2) библейско-евангельские сюжеты и образы – художественно преображенные – связаны с живой конкретностью.

В соответствии с первым положением поэт моделирует новую реальность, отчасти созвучную с собственной биографией. В соответствии со вторым – поэт моделирует новую реальность, сохраняющую в себе «знаки» других текстов (библейских, мифологических, культурологических, исторических и др.). И в этом сложном творческом процессе велика роль индивидуально-авторского сознания, опирающегося на память, индивидуальную в сознательном обращении, и память культуры – в обращении бессознательном.

В лирике сюжетом выступает изображение душевных процессов лирического героя и/или автора. Сюжетность как художественная реальность – в сознании автора. Поток сознания отражает различные временные отрезки, зафиксированные в памяти, оценивает события прошлого и настоящего, пытается предсказать будущее. Образы-переживания и событийность формируются «раскрытой точкой зрения» (Л. Я. Гинзбург) авторского сознания / сознания лирического героя, проявляющейся в общем свойстве поэтического мира Цветаевой – монологичности. «Раскрытая точка зрения» и есть акт исповедальности.

Главной «отправной точкой смыслообразования» (Р. Барт) в сюжете-архетипе о блудном сыне выступает определение «блудный», заключающее ряд коннотативных значений: 1) Блудливый, совершающий / совершивший грех; 2) Блуждающий, странствующий, путешествующий, скитающийся, бродяжничающий; 3) Зablуждающийся, ошибающийся.

Мотив блудного сына и его расширенное пространство смыслов в эстетическом контексте оригинального цветаевского творческого замысла не остались некой цитатой библейско-евангельского прообраза, а, работая на этот замысел, неизбежно видоизменились, сохранив основную символику. Через символ «блудный» в цветаевской поэзии (вслед за библейским текстом) реализован дуализм человеческой природы «вещественное / телесное – духовное». Устремленность поэтического сознания к разным воплощениям земного и небесного приобрела в поэзии Цветаевой форму конфликта между

небом и землей, бытом и бытием и отражает сложнейший процесс духовных исканий. А. А. Саакянц отмечает: «...Цветаева предстает перед нами в непередаваемой сложности своего характера, в его неизменной *двоякости*, которая постоянно будет требовать очередной разгадки...» [3, 51]. Цветаева предстает перед нами во всем своем внутреннем беспокойстве, с одинокой мятущейся душой, в сотворении через поэзию собственной биографии.

Эта тема (тема духовных поисков, воплощения земного и небесного) варьируется в целой «россыпи» ее стихов разных лет, впервые обозначенная в стихотворении 1909 года «Молитва» мыслью «*Я жажду сразу – всех дорог!*» [4, 32], предрекающей разнообразные дороги (в многозначном смысле этого слова) в жизни и творчестве М. Цветаевой. В нем поэтическое сознание 17-летней Цветаевой, жаждущей познаний, смоделировало будущее поэта. В своем поэтическом творчестве Цветаева обращается к мифологическим архетипическим образам как к маскам, метафорическому материалу, подсознательно чувствуя с ними внутреннее созвучие (родство).

Особое значение образа блудного сына / блудной дочери в лирике Цветаевой можно понять только из общего контекста ее поэзии. Понятие «блудный» в творчестве Цветаевой получает многостороннее развитие и имплицитно содержит в себе парадигматические ряды, разворачивающие множество коннотативных смыслов.

Первый ряд. Блудный – блудливый, совершающий / совершивший грех. Тема запретной любви, греха и бунта репрезентирована автором в стихотворениях, поэмах и пьесах через образы лирических героев / героинь и собственные признания в письмах.

Заповедей не блюла, не ходила к причастью.

– Видно, пока надо мной не пропоют литию, –

Буду *грешить* – как грешу – как грешила: со страстью!

Господом данными мне чувствами – всеми пытью! (1915) [4, 243]

Так, от века здесь, на земле, до века

И опять, и вновь

Суждено невинному человеку –

Воровать любовь... (1916) [5, 7]

Мне дело – *измена*, мне имя – Марина,

Я – бrenная пена морская... (1920) [5, 220]

Я *великая грешница*, я буду гореть в аду.

Он будет, он будет, он будет меня целовать.<...>

Я – великая грешница, мне прямая дорога в ад (Червонный валет, 1918) [6, 20]

Ты зовешь меня *блудницей*, –
Прав, – но малость упустил:
Надо мне, чтоб гость был статен,
Во-вторых – чтоб не платил (Четверостишия,
1919-1920) [5, 186]

Неотправленное письмо М. Цветаевой (февраль 1920 г.): «...я одинокий человек – одна под небом – (ибо Аля и я – одно), мне нечего терять. Никто мне не помогает жить, у меня ни отца, ни матери. Ни бабушек, ни дедушек, ни друзей! Я – вопиюще одна, потому – на все вправе. – И на *преступление!*...» [7, 152]

В августе 1923 года отмечен пристальный интерес Цветаевой к евангельским сюжетам, что было вполне закономерно: отношения с Константином Родзевичем вступили в высшую фазу. Перечитывая Евангелие, Цветаева за считанные дни создает цикл «Магдалина», состоящий из 3-х стихотворений и основанный на преобразованном собственным переживанием библейско-евангельском сюжете о земной любви в единстве душевного и телесного. Героиня цикла (грешница – мироносица), в имени которой Цветаевой виделось имя собственное, – один из главных двойников поэта.

Второй ряд. Блудный – блуждающий, странствующий, путешествующий, скитающийся, бродяжничающий. Еще в стихотворении 1910 года «Наши души, не правда ль, еще не привыкли к разлуке...» Цветаева притягивает свое скитальническое будущее:

Все позволено, все! Нас дневная тоска не осудит:
Ты из сна, я во сне...

Кто-то высший нас предал неназванно-сладостной муке,

(Будет много *блужданий-скитаний* среди снега и тьмы!)

Кто-то высший развел эти нежно-сплетенные руки...

Не ответственные мы! [4, 85]

Неслучайно Марину Цветаеву называют путешественником «по странам, языкам, чувствам, людям, встречам, горю, разочарованию, квартирам, улицам, лесам и паркам» [8, 283–287]. Определение «блудный» в цветаевском поэтическом мире вмещает все эти дополнительные (прямые и метафорические) коннотативные смыслы, репрезентирующие особенности состояний блужданий-путешествий:

А) Через *горизонтальные* физические пространственные блуждания, скитания проходят автор и ее лирическая героиня как *простые смертные*. В 1916–1919 гг. Цветаеву увлекает мотив странничества, бродяжничества, включающий коннотативный смысл «нищенство».

Я пришла к тебе черной полночью,
За последней помощью.

Я – *бродяга*, родства не помнящий,
Корабль тонущий. <...>

Самозванцами, псами хищными
Я дотла расхищена.

У палат твоих, царь истинный,
Стою – *нищая!* (1916) [4, 301]

Небесным странником – мне – *страннице*
Предстал ты. (1916) [4, 258]

Две птицы: чуть встали – поем.

Две *странницы*: кормимся миром. (1918) [5, 107]

Мать с дочерью идем – две *странницы*... (1919) [5, 179]

Горизонтальный «земной» путь из России в эмиграцию (1922 г., Германия, Чехия, Франция) составил биографический сюжет блужданий, сопряженный с мотивами разочарования, ухода и возвращения, потери и обретения, мотивом «пешего сердца». Несмотря на то, что на Запад Цветаева приехала уже знаменитым поэтом, эмиграция обернулась нищетой, бесконечными мытарствами, ее невмещаемостью в чужом мире (Цветаева не вписывалась в жизнь и в России), потерями и невероятной тоской по родине.

Брожу – не дом же плотничать,
Расположась на росстани! (1923) [9, 233]

Заблудившийся между грыж и глыб
Бог в *блудилище*.

Лишний! Вышний! Выходец! Вызов! Ввысь
Не отвыкший... Виселиц

Не принявший... В рвани валют и виз

Веги – выходец («Эмигрант», 1923) [9, 163] И т. д.

Из мемуаров князя С. М. Волконского, с которым М. Цветаева была духовно близка, она для себя написала: «С т р а н т в и я! Чувствуете ли, как в этом слове есть что-то внутренне-необходимое? Это не выдумка человека, это в природе вещей... Изменение пространственных условий – одно из радостей человеческих» [3, 246].

Неслучайно в связи с этим в «Оде пешему ходу» (1931) Цветаева воспекает пешеходство, пишет о своем «пешем сердце», сердце пешехода, устремленном к изменению пространственных условий.

Б) Душевно-духовные блуждания отражают духовные поиски Цветаевой и единения с другими поэтами и ее душевную нестабильность.

Путешествия в «страну» тех, с кем Цветаева общалась и к кому она обращалась как Поэт, – путешествия в мир собеседника (Ходасевич, Пастернак, Мандельштам, Блок, Ахматова, В. Иванов, Гейне, Пушкин и др.). Отсюда – многочисленные поэтические обращения – в Стихах Блоку, Анне Ахматовой, Бальмонту, Брюсову, Байрону, Пушкину, Мандельштаму, Есенину, С. Парнок, Шенье, Маяковскому, Рильке, Волошину, Северянину, Ходасевичу, Гронскому, Кузмину, Пастернаку, Дону Аминадо, Беранже... Стихи, отмечает А. А. Саакянц, – «не что иное, как блуждание поэта в лабиринте человеческой души» [3, 358], хождения души по мытарствам страстей и торжество над ними.

Не самозванка – я пришла домой,
И не служанка – мне не надо хлеба.
Я – *страсть* твоя, воскресный отдых твой,
Твой день седьмой, твой седьмое небо (1918) [5, 80]

Не успокоюсь, пока не увижу,
Не успокоюсь, пока не услышу (1918) [5, 139] и др.

Вертикальные блуждания – свидетельство несогласия Цветаевой с миром, в котором царит мелочное торгашество времени, с убийственной недолжностью миропорядка вообще. В них – отказ от низкого, низменного, земного, устремленность поэта / лирической героини к обретению полноты бытия. Цветаева не вписывалась в жизнь («Ибо *мимо* родилась Времени!» [9, 197], и в своей иногородности тяготела от бытия к небытию, к освобождению от пространственно-временных рамок, от замкнутости рамок тела. Неслучайно В. Смирнов отмечает, что «Цветаева жила не во времени – «Время! Я тебя миную». Она жила во временах» [10, 8], что ей было тесно в литературе и в жизни. «По-другому и быть с ней не могло. Но на всех путях и перепутьях, в бурне самосожжения Цветаеву хранил «спасительный яд творческих противоречий», эта родовая купель художника, по Александру Блоку» [10, 12]. А. А. Саакянц пишет: «...Сколько раз говорила Цветаева о ... порыве Поэта – вон, прочь от «земных низостей дней», в свой дом, в небо, первое от земли, начальное небо иного мира... Все ее костры, устремленные ввысь, вся «чистота сгорания»... И как итог всего – «Поэма Воздуха»» [3, 757]. В «Поэме Воздуха» завершается сюжет восхождения к Абсолюту, стремления к союзу с высшей силой, подводится во многом итог духовных исканий Цветаевой в 20-е годы. В выборе варианта смерти, который мысленно Цветаева сделала задолго до своего ухода, также заклю-

чен «сюжет» восхождения к Абсолюту. Но в нем же – противоречивость, двоякость положения. Е. К. Соболевская, размышляя по поводу ухода Цветаевой, пишет: «Отказ от смерти горизонтальной и предпочтение смерти вертикальной... выглядит как прямое устремление вверх – уже-оторванность от Земли, уже-предстояние перед Всевышним. <...> именно в ее лице самоубийство через повешение (пустая форма) доопределяется как явный поворот к Богу. Это своего рода исключительный случай: человек якобы восстает против Бога и тем самым отдаляется от Него, но в итоге оказывается непосредственно к Нему направленным и непосредственно на него уповающим. И, кто знает, может, такой «обратный» путь к Богу есть на самом деле путь прямой?

При всех наших допущениях, вертикальная смерть в петле, даже если это особый случай, все равно остается смертью богоборческой. И она со всей очевидностью свидетельствует о продолжительной и безысходной драме внутренней жизни человека» [11, 347]. В выборе поэта «не-быть» сопряженными оказываются «вызов Богу, несогласие с миром», «грех самоубийства» и «устремленность к Богу, смиренность и жертвоприношение».

Третий ряд. Блудный – заблуждающийся, ошибающийся.

Цветаева стремится уйти в «единоличье чувств», погрузиться в писание стихов. История диктует «сюжеты» ее чувствам и творчеству, поступки побуждаются временем, обстоятельствами. Кризисность эпохи, особенности исторических событий того времени отражаются в стихотворениях 1917 года через призму личных переживаний автора / лирической героини. Октябрьскую революцию Цветаева не приняла, не поняла и связывала с ней гибель России. Энергия движения, перемен, динамики и нестабильности заключена в произведениях 1917 года. В стихотворении «Мировое началось во мгле кочевье» выражено ощущение мирового хаоса в преддверии революции:

Мировое началось во мгле *кочевье*:
Это *бродят* по ночной земле – деревья,
Это *бродят* золотым вином – грозди,
Это *странствуют* из дома в дом – звезды,
Это реки начинают путь – вспять!
И мне хочется к тебе на грудь – спать (январь, 1917) [5, 17]

В стихотворении «Над церковкой – голубые облака...» – метафорический образ заблудившейся и заблуждающейся Москвы:

Заблудился ты, кремлевский звон,
В этом ветреном лесу знамен.
Помолись, Москва, ложись, Москва, на вечный сон! (март 1917) [5, 25]

В стихотворении «Во имя Отца и Сына и Святого Духа...» (апрель 1917) [5, 27] – заблуждающееся отчество без Бога. «Страну обид» [5, 178] позже в 1922 г. покинет Цветаева, отправившись в Чехию.

«Стихи к сыну» (1932), написанные в эмиграции, продиктованы глубокой внутренней потребностью воссоединиться с Родиной, вернуть Родину сыну. Цветаева создает образ матери, сомневающейся, но благословляющей сына на странствие и обретение и надеющейся на счастье. Однако надежды, связанные с обретением Родины – дореволюционной Руси, названной в произведении Эдемом, оборачиваются противоположной картиной в судьбе матери и сына. Представления о возможном прекрасном будущем оказываются трагическими заблуждениями [См.: 12, 235–240].

В 1941 году в водовороте обезоруживающего смертоносного исторического катаклизма, в многочисленных попытках устроить бытовую жизнь свою и своего сына, на последнем этапе жизни Цветаева принимает страшное решение во спасение Георгия, считая себя помехой. По концепции Т. М. Геворкян, Марина Цветаева была убеждена, что если она «устранится», сыну помогут гораздо больше, чем при ней, что «только своей смертью она могла, как ей казалось, сподвигнуть чужих людей на усыновление Георгия, только его круглое сиротство давало для этого хоть какое-то основание» [13, 333]. Не заблуждение ли это?

В произведениях М. И. Цветаевой есть и прямые обращения к образу блудного сына (не только сына!) – в стихотворениях «И не плача зря...» (1916, цикл «Версты») (Только в сказке – *блудный / Сын* возвращается в отчий дом [5, 7]), «Ветер звонок, ветер нищ...» (1918) (Только ты, мой *блудный брат*, / Ото рта отводишь яд! [5, 71]), «Нет, с тобой, дружок чудный...» (1918) (Я сдружилась с новым другом, / С новым другом, с *сыном блудным* [5, 129]), «Певец – девушкам» (1920) (*Блудного* – примите – *сына* / В круг отверженных овец: / Перед Господом едино: / Что блудница – что певец [5, 229]).

В прямом обращении к евангельскому образу – цветаевская концепция истории блудного сына / блудной дочери, странствующей и грешной, – концепция невозможности возвращения и покаяния по причине отсутствия той отчизны, той родины, по которой тосковала на чужбине. Возвращаться в «новую страну» не хотела, не могла. А. А. Саакянц пишет: «Дом, чужбина, боль, рок, тридевятая земля – вот какими словами обозначала Цветаева ... родину!» [3, 561].

Трагическая дорога жизни Марины Цветаевой – это, прежде всего, путь к себе, поиски своего места в мире. Этот путь блудной дочери не заканчивается прижизненным духовным единением с Богом-отцом как в евангельской притче, он заканчивается еще более глубоким неприятием и несогласием с божьим

мирозданием. Смягчая нашу излишнюю категоричность, отметим: возможно, это были заблуждения, но это заблуждения великого поэта, обретающего истины в сложнейших духовных и художественных исканиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлова Л. Н. «Все вижу – ибо я слепа» (Истоки возвышенного и земного у Марины Цветаевой) / Л. Н. Козлова // Стихия и разум в жизни и творчестве Марины Цветаевой. XII Международная научно-практическая конференция (9-11 октября 2004 года). Сб. докладов. М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2005.
2. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 2001.
3. Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество / А. Саакянц. – М. : ЭЛЛИС ЛАК, 1997.
4. Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / М. Цветаева. – Т. 1. Кн.1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – М. : ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. – 336 с.
5. Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / М. Цветаева. – Т.1. Кн.2: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – М. : ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. – 320 с.
6. Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / М. Цветаева. – Т.3. Кн. 2: Драматические произведения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. – 480 с.
7. Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / М. Цветаева. – Т.6. Кн. 1: Письма / Сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. – М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. – 336 с.
8. Ванечкова Г. «Поезд, которым еду в бессмертие...». Марина Цветаева: проект-путешествие / Г. Ванечкова, Т. Новоселова // «Через сотни разъезжающих лет...» Пространство цветаеведения. Исследования. Популяризация творческого наследия. Материалы Пятых Международных Цветаевских чтений. / Отв. ред. Разживин А. И. Елабуга : Изд-во ЕГПУ, Изд-во ЕГМЗ, 2011.
9. Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / М. Цветаева. – Т. 2: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1997. – 592 с.
10. Смирнов В. Стихия стиха / В. Смирнов // Цветаева М.И. Избранные стихотворения. – М. : Эксмо, 2007.
11. Соболевская Е. К. Апология смерти, или Размышления по поводу ухода М. Цветаевой / Е. К. Соболевская // Лики Марины Цветаевой. XIII Международная научно-тематическая конференция (Москва, 9-12 октября 2005 г.). Сб. докладов. М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2006.
12. Радь Э. А. История «блудного» сына в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох / Э. А. Радь. – М. : ФЛИНТА, Наука, 2016. (Глава «Сотворение новой реальности в «Стихах к сыну» М. Цветаевой»).
13. Геворкян Т. М. О двух трагических решениях Ма-

рины Цветаевой (осень 1919 – лето 1941) / Т. М. Геворкян
// Лики Марины Цветаевой. XIII Международная научно-

тематическая конференция (Москва, 9-12 октября 2005 г.).
Сб. докладов. М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2006.

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)

Радь Э. А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: elza_rad@mail.ru

Sterlitamak Branch of Bashkir State University

Rad E. A., Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the Russian and Foreign Department

E-mail: elza_rad@mail.ru

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ФИКСАЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

А. В. Рудакова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 января 2017 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию темпоральных различий психолингвистического значения слова. Приводятся образцы словарных статей сопоставительного темпорального словаря русского языка.

Ключевые слова: сопоставительный метод, семантика, психолингвистика, лексикография, ассоциативный эксперимент

Abstract: the article is devoted to the study of temporal differences in the psycholinguistic meaning of the word. It provides samples of entries of temporal comparative dictionary of the Russian language.

Keywords: comparative method, semantics, psycholinguistics, lexicography, associative experiment.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», НИЧ 15021.

На протяжении последних десятилетий в Воронежском университете разрабатывается методика описания семантики лексических единиц в языковом сознании носителей русского языка. Одним из способов доступа к языковому сознанию носителя языка является психолингвистический эксперимент в разных его формах. Для обработки результатов используется методика семантической интерпретации результатов экспериментов [1], которая позволяет сформулировать *психолингвистическое значение слова*. Под психолингвистическим значением слова понимается упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка [2].

В настоящее время большой интерес представляет исследование языкового сознания отдельных групп носителей языка: гендерные особенности психолингвистического значения слова [3 и др.], возрастные особенности [4 и др.], региональные [5 и др.] и иные. Однако темпоральные различия ассоциативных полей, значений и семантических компонентов практически не изучены.

В связи с тем, что экспериментальные исследования языкового сознания носителей языка продолжаются уже не одно десятилетие, был накоплен большой пласт экспериментальных данных [6]. Это позволяет провести сравнительный анализ однотипных данных разных временных срезов и выявить

«универсальное» (вневременное) и «дифференциальное» (характерное только для отдельного периода) в семантике исследуемых единиц.

Возникает вопрос: каков временной период, по прошествии которого в ассоциативных полях происходят значительные изменения в содержательной части поля (а, следовательно, и значения слова). По мнению ученых [7], значительные изменения отмечаются примерно каждые 20 лет, а также в случае существенных социально-политических изменений. Например, в РАС за 10 лет (1992–2002) не отмечены серьезные содержательные изменения, а за последние десять лет все исследователи их отмечают: оказывает влияние фактор «социальное время» (бурные социальные процессы в стране). Отмечено, что изменения в содержательной и структурной части ассоциативных полей часто связаны не с одним, а целым рядом факторов (социальный, гендерный, возрастной и др.).

Темпоральные различия могут быть представлены в Сопоставительном темпоральном ассоциативном словаре, который будет включать в себя данные разных временных срезов. Подобный словарь может быть интересен как лингвистам, так и социологам, психологам, лингвокриминалистам.

Приведем пример словарной статьи такого издания (экспериментальный материал С. В. Полубо-яркина и С. В. Коваленко) [6]:

Таблица 1.

Стимул ПУТИН

2007	2015
ПУТИН 205: президент 43; бывший президент 20; премьер 16; премьер-министр 13; глава Правительства, глава Правительства, КГБ, председатель Правительства 4; бывший президент РФ, министр, премьер-министр РФ, Россия 3; герой, Медведев, политический деятель, президент РФ, реформы, справедливый, ФСБ, экс-президент 2; авторитаризм, бесправие, брови домиком, будущее РФ, быстрый, великий политик, Владимир, Вова, враг рода человеческого, второй президент РФ, глава государства, гоблин, дальновидный политик, двухтысячный год, дельный, дзюдо, для меня все еще президент, друг Медведева, дядя Вова, его дела, «Единая Россия», Ельцин; жалко, что ушел; забота о стране, зам. Президента, Кремль, люблю, мазила, маленький человек, мой ровесник, надежда, надежность, надоел, начитанный, наш президент, не знает истинного положения вещей, невербалика, негласный президент, немецкий язык, непонятно, новый премьер-министр, перестройка, политик, почти грозный, предатель, президент России, премьер России, разведчик, российский деятель, руководитель, самый главный, светлое будущее, стабильность, строит новую тоталитарную систему, трудяга, улучшения в жизни, ушел, хороший, хороший был президент, хороший президент, хорошо, честный, экс-президент, является премьер-министром 1; отказ 5.	Путин 102: президент 27, Россия 8, политика 4, император, Крым, президент РФ, сила, правительство, царь 2, вечный президент, власть, Володя, восхищение, гордость, гос. власть, диктатор, добро, Единая Россия, занимается ерундой, знает, что делает, КГБ, кимоно, колени, кошка, краб, кризис, крыса, лидер, Медведев, медведь, молодец, морщины, мощь, настоящий, наш, наш президент, наше всё, номер 1, небо, партия жуликов и воров, ПЖиВ, политик, правильно, президент сейчас, Путин, путь, расчётливость, РФ, санкции, сверхдержава, скипетр, смелость, современность, справедливость, тварь, твёрдая рука, типа крутой, тиран, тоже князь 1. Отказ 0

Представленные материалы можно сопоставлять между собой, выявляя сходства, различия в ассоциативных реакциях, яркости тех или иных ассоциаций, динамику изменения состава и яркости ассоциативных реакций.

Семантически обработанные ассоциативные поля разных периодов могут лечь в основу Сопоставительного темпорального психолингвистического словаря. Покажем образцы словарных статей подобного словаря.

В качестве источника экспериментальных дан-

ных были использованы корпуса двух ассоциативных словарей русского языка – РАС (2002) и ЕВРАС (2014) [8-9]. Анализировались ассоциаты с частотностью 5 и более. При анализе высчитывался индекс яркости ассоциата (как отношение количества испытуемых, указавших данный ассоциат, к общему количеству опрошенных) и индекс яркости семемы (как отношение ассоциатов с частотностью 5 и более, актуализировавших в эксперименте данную семему, к общему количеству опрошенных).

Таблица 2.

АРМИЯ

Ассоциативное поле в РАС (588 ас.)	Ассоциативное поле в ЕВРАС (541 ас.)
АРМИЯ: Советская 67; Красная 46; солдат 28; война 12; наша, флот 11; дедовщина, родная 10; красная, любовников, сильная 9; наемная, Трясогузки 8; сила, солдаты 7; большая, войско, дурдом, народ, народная 6; дураков, любви, служба, спасения, труда 5	АРМИЯ: солдат 40; война 29; служба 28; солдаты 18; сила 17; защита 13; дедовщина 11; России 10; военные, Красная 9; долг, зло, сапоги 7; форма 6; плохо, РФ, флот 5
Психолингвистическое значение по РАС	Психолингвистическое значение по ЕВРАС

1. Вооружённые силы страны 0,02, участвуют в войне 0,04, включают в себя флот 0,04, состоят из солдат 0,16, которые служат 0,02; <i>наемников 0,03</i>, бывают случаи дедовщины 0,04, обладают силой 0,06, <i>большие 0,02</i>, защищают народ 0,02; вызывает неодобрение 0,02 актуализация исторических реалий – Советская 0,24; Красная 0,20; Народная 0,02 актуализация прецедентных текстов – советский кинофильм «Армия «Трясогузки»» 0,03 идентификация – наша 0,04, родная 0,04 Всего 278 ассоциатов (91%) 2. Большое количество 0,15 людей 0,15, объединённых чем-либо общим актуализация прецедентных текстов –шведская группа «Армия любовников» 0,34, благотворительная организация «Армия спасения» 0,12 возможная сочетаемость – армия дураков 0,12, армия труда 0,12 Всего 41 ассоциат (13%)	1. Вооружённые силы 0,04 страны, участвуют в войне 0,13, включают в себя флот 0,02, состоят из солдат 0,26, которые служат 0,12, <i>отдавая гражданский долг 0,03</i>; бывают случаи дедовщины 0,05, обладают силой 0,08, <i>защищают 0,06</i> народ 0,03; <i>имеют специальную форму 0,03 и сапоги 0,03</i>; вызывает неодобрение 0,05 идентификация – России 0,04; РФ 0,02 актуализация исторических реалий – Красная 0,04 Всего 226 ассоциатов (100%)
---	--

Анализ показывает, что общими для ассоциативных полей являются ассоциаты *солдат, война, служба, солдаты, сила, дедовщина, Красная, флот*. Однако их яркость в ассоциативном поле отличается: *солдат, солдаты* – 0,06 (РАС) и 0,11 (ЕВРАС), *война* – 0,02 (РАС) и 0,05 (ЕВРАС), *Красная, красная* – 0,09 (РАС) и 0,02 (ЕВРАС) и др. Примерно одинакова только яркость ассоциата *дедовщина* 0,02. Курсивом выделены семы, различающие семемы в РАС и ЕВРАС.

Наличие в ассоциативном поле стимула АРМИЯ ассоциатов *Советская* 0,11 (в ЕВРАС яркость 0,01) и *Красная* 0,09 в РАС свидетельствует о том, что в начале двухтысячных еще достаточно актуальным было данное понятие. В 2014 году данная информация уже воспринимается носителями языка как историческая.

Интерес представляют оценочные ассоциаты: в РАС представлена только одна реакция *дурдом* 6,

в ЕВРАС – две реакции *зло* 7, *плохо* 5.

Анализ психолингвистического значения лексемы АРМИЯ показывает, что в языковом сознании носителей языка в оба периода представлена одна лексема «вооружённые силы страны». Семема «большое количество людей, объединённых чем-либо общим» объективирована только в РАС, в ЕВРАС данное значение вербализовано ассоциатами с яркостью менее 5 единиц, например: *спасения* 3; *любовников* 2; *любви, любовники* и др., что свидетельствует о малой актуальности данного значения для языкового сознания современного носителя языка.

Отмечено, что среди ассоциативного поля РАС встречается большое количество ассоциатов, отсылающих к социокультурным реалиям: советский кинофильм «Армия “Трясогузки”», благотворительная организация «Армия спасения», шведская группа «Армия любовников» и др.

Таблица 3.

БОГ

Ассоциативное поле в РАС (297 ас.)	Ассоциативное поле в ЕВРАС (542 ас.)
БОГ: есть 12; на небе 11; мой 8; церковь, черт 7; Господь, знает, небо, нет 6; ангел, Зевс, Иисус, Иисус Христос, отец 5	БОГ: есть 80; вера 53; Всевышний 27; Иисус 26; религия 19; небо, сила, церковь 11; один 8; свет, создатель 7; Библия, всемогущий, всё, нет 6; душа, дьявол, един, святое, я 5
Психолингвистическое значение по РАС	Психолингвистическое значение по ЕВРАС

1. Высшее существо, обитает на небе 0,18, ему поклоняются в церкви 0,08, <i>одна из ипостасей – Отец</i> 0,05, <i>общается с людьми посредством ангелов</i> 0,05, не признается неверующими 6, противостоит черту 0,08 симиляры – Господь 0,06, Иисус Христос 0,11 актуализация прецедентных текстов – индийский кинофильм «Бог знает» 0,06 актуализация устойчивых выражений – «Бог есть» 0,13 идентификация – мой 0,09 Всего 94 реакции (95%) 2. Мифическое существо, которому поклоняются, находится на небе 0,77 идентификация – Зевс 0,23 Всего 22 реакций (22%)	1. Высшее существо 0,02, <i>предмет веры</i> 0,25, обитает на небе 0,04, ему поклоняются в церкви 0,04, <i>создатель мира</i> 0,02, <i>един для всех</i> 0,04; <i>обращается к духовной сущности человека</i> 0,02; <i>заповеди которого записаны в Библии</i> 0,02; <i>несет свет</i> 0,03; <i>всемогущий</i> 0,06, не признается неверующими 0,02, противостоит дьяволу 0,02 симиляры – Всевышний 0,09; Иисус 0,09 актуализация прецедентных текстов – индийский кинофильм «Бог знает» 0,06 актуализация устойчивых выражений – «Бог есть» 0,26 Всего 304 реакции (98%) 2. Человек, обладающий властью над другими идентификация – я 1 Всего 5 реакций (2%)
---	---

Реакции *есть, церковь, небо, нет, Иисус* являются общими для обоих ассоциативных полей. Ассоциативное поле лексемы БОГ в ЕВРАС представлено более разнообразно, чем в РАС.

Анализ психолингвистического значения лексемы БОГ показывает, что в языковом сознании носителей языка в оба периода представлена семема «высшее существо».

Среди реакций с частотностью 5 и более единиц

только в РАС вербализована реакция *Зевс*, которая объективирует семему «мифическое существо, которому поклоняются». В ЕВРАС данная семема представлена менее частотными ассоциатами.

Только в ЕВРАС представлена семема «могущественный человек, обладающий властью над другими» – реакция я 5. Возможно, это отражение возрастающего в России эгоцентризма, свойственного европейскому сознанию.

Таблица 4.

ШТРАФ

Ассоциативное поле в РАС (627 ас.)	Ассоциативное поле в ЕВРАС (547 ас.)
Штраф: большой 53; деньги 47; 3 рубля 39; платить 29; за проезд 21; три рубля 18; заплатить 15; за нарушение, милиция 12; билет, за безбилетный проезд 10; наказание, 10 рублей 9; денежный, уплатить, 5 рублей 8; небольшой, рубль, уплачен 6; автобус, в автобусе, ГАИ, крупный, нарушение, огромный 5	ШТРАФ: деньги 82; большой 40; милиция 30; нарушение 29; ГАИ, наказание 24; ГИБДД 13; за нарушение, за парковку 11; за превышение скорости, стоянка 8; квитанция 7; денежный, ДПС, за превышение, машина, мент, оплатить 6; заплатить, менты, платить 5
Психолингвистическое значение по РАС	Психолингвистическое значение по ЕВРАС
Наказание 0,03 в виде денежной 0,16 платы 0,17 за нарушение 0,05, например, <i>за безбилетный проезд</i> 0,15 <i>в автобусе</i> 0,02, выписывается сотрудником милиции 0,04, ГАИ 0,02; большой 0,18, <i>небольшой</i> 0,02 идентификация – 3 рубля 0,17; 10 рублей 0,03; 5 рублей 0,02; рубль 0,02 Всего 345 реакций (100%)	Наказание 0,07 в виде денежной 0,26 платы 0,05 за нарушение 0,12, например, <i>за неправильную парковку</i> 0,06, <i>за превышение скорости</i> 0,04, выписывается сотрудником милиции 0,12, ГАИ 0,15; <i>в виде квитанции</i> 0,03; большой 0,12 Всего 338 реакций (100%)

В двух ассоциативных словарях представлена только одна семема «наказание в виде денежной платы за нарушение», однако если в 2002 г. штраф в основном предполагал оплату безбилетного проезда в автобусе (для пассажиров), то в 2014 году штраф связан, прежде всего, с оплатой нарушений правил дорожного движения (ориентация на автолюбителей). Кроме того, интересным отличием яв-

ляется то, что в РАС достаточно хорошо представлена идентификационная зона, в ЕВРАС она отсутствует.

В заключение хочется отметить, что при составлении темпоральных словарей лексикограф должен учитывать сопряженность временного фактора с социокультурным, а также с возрастным, гендерным и иными факторами. Несмотря на это, сопоставительные темпоральные словари могут быть ин-

тересны как ученым, так и рядовым носителям языка, так как имеют прагматическую ценность – включают как сугубо лингвистическую, так и экстралингвистическую информацию о слове, связанную с определенной эпохой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рудакова А. В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии: монография / А. В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2014. – 180 с.
2. Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.
3. Колесникова Е.И. Опыт выявления гендерных особенностей семантики слова (на примере слов бабушка, дети) / Е. И. Колесникова // Язык и национальное сознание: сб. науч. тр. / Науч. ред. И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2016. – Вып. 22. – С.129–133.
4. Стернин И. А. Динамика развития значения слова в возрастном языковом сознании / И. А. Стернин // Культура общения и ее формирование: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2016. – Вып. 32. – С. 63–67.
5. Бутакова Л. О. Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска / Л. О. Бутакова. – ОМСК : ВАРИАНТ-ОМСК, 2012. – 128 с.
6. БАРЕКСИС – Банк результатов экспериментальных исследований Центра коммуникативных исследований ВГУ. Руководство пользователя (с приложением CD-ROM) // Сост. и науч. ред. И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Воронеж : ЦКИ ВГУ: Истоки, 2015. – 24 с.
7. Уфимцева Н. В. Актуальные проблемы проведения и интерпретации результатов психолингвистических экспериментов (материалы круглого стола) / Н. В. Уфимцева, А. В. Рудакова, И. А. Стернин и др. // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А. В. Рудакова. – Воронеж : Истоки, 2016. – Вып. 3. – С. 4–19.
8. РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М. : ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – Т. 1. – 784 с.
9. ЕВРАС – Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС: в 2 т.: [Электронный текст] / Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева. – М., 2014. – Т. 1. От стимула к реакции. – Режим доступа: http://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf

*Воронежский государственный университет
Рудакова А. В., доцент кафедры общего языкознания
и стилистики
E-mail: a-rudakova@list.ru*

*Voronezh State University
Rudakova A. V., Associate Professor of the of General
linguistics and Stylistics Department
E-mail: a-rudakova@list.ru*

ЧЕЛОВЕК БЕЗ БИОГРАФИИ: ЛИНИЯ ЖИЗНИ ГРИГОРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ПЕЧОРИНА¹

С. В. Савинков, Е. В. Соколова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 февраля 2017 г.

Аннотация: в настоящей статье представлены разные подходы к объяснению того, почему у героя романа Лермонтова нет связной жизненной истории, и предложена попытка рассмотреть это странное обстоятельство, исходя из общей логики лермонтовского мира.

Ключевые слова: биография, прошедшее, власть, предчувствие, предубеждение, действительность

Abstract: this article presents different approaches to the explanation of why in Lermontov's novel the hero has no coherent life story, and it is offered an attempt to examine this strange circumstance, based on the general logic of the world of Lermontov.

Keywords: biography, past, power, presentiment, prejudice, reality

В свое время еще В. И. Левин обратил внимание на то, что печоринские монологи весьма противоречивы [1, 276 – 282]. Одним герой говорит одно, а другим или самому себе может сказать прямо противоположное: каждый раз он как бы заново и по-новому выстраивает свою биографию. В результате Печорин не дает возможности свести в отношении себя концы с концами ни жертвам своих обманных словесных манипуляций (по ловкости, видимо, не уступающих фокуснику Апфельбауму), ни многоопытным критикам и литературоведам.

Одну из попыток найти объяснение такой печоринской «лживости» читатель найдет в статье Вольфа Шмида, подошедшего к решению этой задачи не столько со стороны строения личности героя, сколько со стороны исторической нарратологии, указывающей на то, что Лермонтов так и не преодолел «романтического моноперспективизма и разложения сознания на шаблонную двойственность». С точки зрения ученого, не вмещающаяся в «одном человеческом сознании» противоречивость Печорина во многом объясняется тем, что роман Лермонтова еще не наделен той нарративной структурой, с помощью которой реалистическая литература будет выражать психологическое состояние персонажа. У Лермонтова «предмет самоанализа является не замкнутым субъектом, выдвигаемым при всей раздвоенности героев, например, поэтикой Достоевского, а точкой пересечения разных байронических исповедей», проникнутых идеей романтического эстетизма. И потому, как полагает В. Шмид, в ис-

поведи Печорина нет и не может быть «прямого, довлеющего своему предмету слова, которое бы его лишило эффектности и импрессиивности». Поэтому герой не живет, а играет, меняя роли и маски и – в духе романтического нигилизма – подменяя этику эстетикой: «такая игра – самая постоянная черта Печорина» [2, 478].

Интересную попытку объяснения отсутствия у Печорина единой, связной и непротиворечивой биографии предпринял Мирослав Дрозда, посмотрев на это странное явление с точки зрения не менее странной повествовательной структуры романа. М. Дрозда попытался найти содержательное объяснение такой структуре. Прежде всего он увидел в сюжете романа не только цепь событий, но и «определенный смысл, заключающийся в соотношении происходящего с системой жизненных норм, действующих для рассказчика или для слушателя, соответственно». Дело в том, что одно и то же событие может обретать разный смысл в зависимости от того, с чьей точки зрения оно увидено и рассказано. И дело в том, что, как правило, на события смотрят сквозь как бы уже определенную, заранее заданную призму. Максим Максимыч смотрит на историю Бэлы сквозь призму, заданную его кругозором, а странствующий офицер – своего, и видят они, соответственно, разные истории с разными главными персонажами. Если для Максим Максимыча это история о Печорине как о представителе «необъяснимой чуждой силы», которая вторгается в тот мир, которому принадлежит Бэла (и который вполне обычен и понятен штабс-капитану), то для путешественника эта история о кровавой мести в ореоле кавказской экзотики (дикими обычаями, кровной мстью и т. д.), привлекательной, но чуждой его культуре, и поэтому на первом плане его истории у него оказывается

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ № 15– 04 – 00498

не Печорин, а экзотичный Казбич. Но нарратологический «фокус» лермонтовского романа состоит в том, что помимо воли и желания и Максим Максимыча, и путешественника шаблонные контуры их историй разрушаются вторжением в них чужеродных ей элементов (на уровне жанровой системы – вторжением в нефиктивные литературные жанровые модели беллетристических элементов). Так, «в «Максими Максимыче» шаблонному мышлению рассказчика противоречат самые факты, появляющиеся как будто произвольно и неожиданно, помимо его воли и ожидания» [3, 329].

Нечто подобное наблюдается и в «журнале Печорина». Обусловленное определенными идеологическими и эстетическими шаблонами отношение Печорина к реальности тоже построено по беллетристическим шаблонам. Сама же реальность построена по-другому, и это другое все время демонстрирует противоречащие шаблонным взглядам героя факты, показывая тем самым его неполную компетентность по отношению к предмету повествования.

Впечатление произвольности, впечатление, что роман возникает как бы помимо авторского замысла, как бы по воле самой реальности, порождается общей для всех нарративных голосов, по слову М. Дрозды, «ситуированностью» повествования: «этим общим принципом является противоречие между горизонтом рассказчика и пространством “реальности”, т. е. между закрепленным в сознании рассказчика миропорядком и внесистемными фактами, которые попадают в его поле зрения, принимают участие в действии и формируют его в известном расхождении с ожиданием повествователя» [3, 346].

Совпадение реальности и взгляда на эту реальность могло бы стать основой для обретения героем «связной последовательной деятельной биографии», которой как раз у Печорина нет. Повествовательная структура «Героя нашего времени», как полагает М. Дрозда, в конечном счете и нацелена на то, чтобы четко обозначить противоречие между необходимостью и невозможностью такой биографии для героя, жизнь которого «протекает в несоединимо контрастирующих пространствах, на полях бездеятельного наблюдательства и смертельно-азартного поступка» [3, 345].

Несколько иной подход к вопросу о биографии Печорина находим у Н. Д. Тамарченко. Н. Д. Тамарченко заметил, что отсутствие сюжетных связей между разными печоринскими историями (фактор, отрицающий возможность биографии) «выражается еще и в том, что в каждой из них у героя особое прошлое, соответствующее особому настоящему. Так, если отношения Печорина с Бэлой выглядят попыткой разочарованного героя обрести гармонию с миром в любви, то ее неудача подготовлена цепью

аналогичных попыток и неудач в прошлом. В «Княжне Мери» отношения Печорина с женщинами строятся в настоящем совершенно иначе – на стремлении полностью подчинить другого человека своей воле. И этому настоящему соответствует совсем иное прошлое, в частности, роман с Верой» [4, 139].

Если предпринять попытку подойти к изучению вопроса о печоринской биографии (а точнее, о ее отсутствии) изнутри лермонтовского мира, то, безусловно, особого истолкования потребуют три вещи: странная особенность печоринского устройства (на которую герой времени указал в своем дневнике: «...я глупо создан: ничего не забываю, ничего» [5, 273], а также – его фатальная зависимость от прошедшего и таинственная способность к визионерству.

Пожалуй, наиболее яркое (и наиболее, с точки зрения смысла, «темное») высказывание о визионерской способности Печорина принадлежит А. М. Евлахову: «Он (Печорин) наперед уже знает все то, что с ним случится, ибо душа его, непосредственно общаясь со стихией, которой составляет часть, проникает по ту сторону вещественной действительности. У него тысячи духовных глаз, и этими глазами он проникает через завесу Неизвестного». И далее: «Он не только сохраняет неразрывную связь со своим прошедшим, которое для него никогда не перестает существовать, но имеет какую-то странную власть над своим будущим» [6, 15]. Попробуем разобраться в существе дела.

В журнале от 13 мая Печорин напишет: «Мои предчувствия меня никогда не обманывали» [5, 273]. И это действительно так: *предчувствия* «героя времени» никогда не обманывают. Печорин заранее «знает» и о том, что торжествовать Грушницкому в любовных делах придется недолго, и о том, что ему непременно суждено будет с ним встретиться на узкой тропинке. Предчувствие не обманывает Печорина и в любовных делах: знакомясь с женщиной, он всегда безошибочно отгадывает, будет она любить его или нет. Например, о том, что обрисованная доктором Вернером женщина – Вера, Печорин догадывается сразу, и сам поражается своей в этом уверенности: «Зачем она здесь? И она ли? И почему я думаю, что это она? И почему я даже так в этом уверен? Мало ли женщин с родинками на щеках?» [5, 277]. Но не только предчувствием обладает герой: есть еще одно слово с приставкой – «пред», которое имеет к нему непосредственное отношение. Это слово «предубеждение» («Я часто склонен к предубеждениям» [5, 251]). Печоринские сентенции (в духе максим Ларошфуко) о невозможности истинной дружбы и постоянства в любви формулируют его стойкие предубеждения («...Я к дружбе неспособен. Из двух друзей всегда один раб другого...» [5, 269] и др.).

Однако вернемся к дневниковой записи от 13 мая, у которой есть продолжение. За размышлением

о необманиваемых предчувствиях последует другое: Печорин станет говорить о власти над собой прошедшего. «Нет в мире человека, над которым прошедшее приобретало бы такую власть, как над мной: всякое напоминание о минувшей печали или радости болезненно ударяет мне в душу и извлекает из нее все те же звуки; я глупо создан: ничего не забываю, ничего» [5, 273]. «Предчувствия» и «власть прошедшего», соединяясь между собой в одном синтагматическом ряду, оказываются таким образом и в одном семантическом поле.

Давно уже было замечено, что между лермонтовскими героями есть несомненная «генетическая» связь, что, по сути, в разных произведениях мы имеем дело не с разными персонажами, а с одним и тем же, но представленным в разные периоды своей жизни [7, 229–253]. Причем, оказываясь в пространстве другого произведения и, соответственно, – на новом этапе, герой как бы сохраняет в себе память о своем былом состоянии, подобно тому, как каждое последующее звено в развитии природы или человека (если провести аналогию с популярными в 30-е годы гердеровско-шеллингианскими идеями) повторяет («помнит») все предыдущие. К примеру, прошлое, от которого Евгений Александрович Арбенин захочет освободиться, все же удержит его в своей власти: оно подозрением в обмане как бы напугает его о гибельной участи его предшественника и однофамильца (в определенном смысле – его самого), преданного и любимой, и другом. Тем не менее в этом герое до определенного момента еще живет (тоже, видимо, переданная ему по наследству от Владимира Арбенина) детская вера в возможность обновления: она и позволяет ему, пусть и на короткое время, забыть и отдалиться надежде. Даже в Демоне еще живет способность забываться. А вот у Александра, одного из «двух братьев» (от которого многое передастся «герою времени» – Печорину), такой возможности уже нет: «Отчего я никогда не могу забыть? Отчего я читаю в душе своей, как в открытой книге? Отчего чувства у меня так мертвы? Отчего в самую решительную минуту моей жизни сердце мое неподвижно, ум свеж, голова холодна...» [5, 428].

В «Фаталисте» Печорин произнесет фразу, которая при внимательном ее прочтении обнаруживает парадоксальную двусмысленность: «...я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает» [5, 347]. Что значит, «когда не знаю»? Выходит, можно идти вперед и зная, что тебя ожидает? Не этим ли «когда не знаю» определяется печоринская установка идти вперед не оглядываясь: «Надо только не смотреть, а идти прямо; – мало-помалу чудеса исчезают... зато беда, если на первых шагах сердце дрогнет и обернешься назад» [5, 309] (слова, произнесенные доктором Вернером по другому поводу, но имеющие прямое отношение и к судьбе Печорина).

Близкие мотивы звучат и в лермонтовской лирике («И, полный чувствами живыми, Страшуся поглядеть назад, – Чтоб бытия земного звуки Не замесались в песнь мою, Чтоб лучшей жизни на краю Не вспомнил я людей и муки...» [6, 175]. Обернуться назад и означает узнать, «вспомнить» о том, что тебя ожидает. Но и безоглядное движение героя вперед так или иначе сопровождается имеющими таинственную связь с его памятью о прошлом предчувствиями.

И хотя дар предчувствия принадлежит не только Печорину (им обладает, к примеру, и Владимир Арбенин: «Я чувствую присутствие сверхъестественной силы, и неизвестный голос шепчет мне: «Не старайся избежать судьбы своей! Так должно быть!» [8, 213], он единственный среди других лермонтовских персонажей герой, который «провидит» свое будущее в прошлом и, провидя его, старается избежать предвещающей гибель судьбы. (Ср. мотивы раннего стихотворения: «Есть грозный дух: он чужд уму. Любовь, надежда, скорбь и месть – Все, все подвержено ему. Он основал жилище там, Где можем память сохранять. И предвещает гибель нам, Когда уж поздно избежать» [9, 113].)

И это «знание-предчувствие», по всей видимости, и обуславливает логику выстраиваемого «от противного» антигеройского поведения Печорина: чтобы не томиться по родине, лучше ее не иметь; чтобы не разочароваться в любимой, лучше никого не любить; чтобы не быть обманутым, лучше обманывать самому; чтобы не испытать горечь разлуки, лучше и не встречаться. Но оно же, знание-предчувствие, ограничивает его жизненный горизонт, его свободу и, в конечном счете, возможность быть включенным в действительную жизнь и обрести собственную биографию.

Пытаясь изменить уготованную ему судьбу, герой тем не менее выстраивает свое «антиповедение», ориентируясь в настоящем времени на запечатленный в его памяти «ландшафт» давно известной ему «книги». А между тем реальное изменение в его бытии могло бы наступить в том случае, если бы герой нашел в себе силы на то, чтобы признать, что действительная жизнь может располагать совсем иными возможными конфигурациями. Что ни говори, а Печорина ожидает не смерть, согласно предсказанию, от «злой жены», а совсем иной финал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левин В. И. Об истинном смысле монолога Печорина / В. И. Левин // Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814 – 1964. – М., 1964.
2. Шмид В. О новаторстве лермонтовского психологизма / В. Шмид // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Антология. – СПб., 2014. – Т.2.
3. Дрозда М. Повествовательная структура «Героя нашего времени» / М. Дрозда // М. Ю. Лермонтов: pro et

contra. Антология. – СПб., 2014. – Т.2.

4. Тамарченко Н. Д. Русский классический роман XIX века. Проблемы поэтики и типологии жанра / Н. Д. Тамарченко. – М., 1997.

5. Лермонтов М. Ю. Сочинения : В 6 т. / М. Ю. Лермонтов. – М.; Л., 1954–1957. – Т. 6.

6. Евлахов А. М. Надорванная душа (к апологии Печорина) / А. М. Евлахов. – Ейск, 1914.

7. Галахов А. Д. Однородность характеров Арбенина, Измаила, Печорина и родственное их отношение к поэту / А. Д. Галахов // М. Ю. Лермонтов. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей. – М., 1916.

8. Лермонтов М. Ю. Сочинения : В 6 т. / М. Ю. Лермонтов. – М.; Л., 1954–1957. – Т. 5.

9. Лермонтов М. Ю. Сочинения : В 6 т. / М. Ю. Лермонтов. – М.; Л., 1954–1957. – Т. 1.

Воронежский государственный университет

Савинков С. В., профессор кафедры истории журналистики и литературы

E-mail: svspoint@yandex.ru

Voronezh State University

Savinkov S.V., Professor of the History of Journalism and Literature Department

E-mail: svspoint@yandex.ru

Воронежский государственный педагогический университет

Соколова Е. В., старший преподаватель кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

Voronezh State Pedagogical University

Sokolova E.V., Senior Lecturer of the Theory, History and Technique to Teach Russian Language and Literature Department

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЕКТ Д. ГЛУХОВСКОГО «ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033» В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЕТЕВОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Лина Сарин

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2016 г.

Аннотация: в представленной статье на примере произведений Дмитрия Глуховского анализируется взаимосвязь сетевой и несетевой литературы. В центре внимания автора статьи – рассмотрение механизмов и возможности перехода одного вида литературного творчества в другой, особенности сетевой литературы и ее точки соприкосновения с привычными формами существования литературных произведений. В статье показано, что писательские стратегии, использованные Д. Глуховским, учитывали особенности сетературы и ее специфические требования к формату и контенту публикуемых произведений, что позволило автору добиться успеха как в сфере сетературы, так и в области традиционной «книжной» словесности.

Ключевые слова: сетелитература, современная литература, писательские стратегии, авторское право, Д. Глуховский.

Abstract: the submitted article is about the works of Dmitry Glukhovky in which the relationship between online and tradition form of literature is analyzed. The focus of the author – the approach of mechanisms and transition possibilities of one type of literary creativity into other one, especially features of online literature and its usual existing forms of literary works. The article shows that the literary strategies used by Dmitry Glukhovsky, taken into account the peculiarities of online literature and its specific requirements for the format and content of published works that allowed the author to succeed both in online literature and in traditional form "book" of literature.

Keywords: online literature, modern literature, literary strategies, copyright, Dmitry Glukhovsky.

В современном обществе Интернет становится не просто способом передачи информации, но центром формирования качественно новой культуры. В частности, этот процесс затронул и сферу литературы. В последнее время все чаще в научном дискурсе возникает понятие сетевой литературы. Журналист Дмитрий Глуховский стал широко известен в литературном мире после выхода в свет его романов-антиутопий из серии «Вселенная метро 2033». Своим успехом Глуховский во многом обязан Интернету. В то время как другие авторы стремятся сохранить свои авторские права, как щитом прикрываясь «антипиратскими» законами, Глуховский выложил свою интеллектуальную собственность в общий доступ в интернет, что дало толчок для дальнейшего тиражирования его произведений уже на бумажных носителях.

СЕТЕВАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА

Сетевая литература (сетература) – это относительно новое и пока мало изученное явление современной культуры. Наиболее подробно на данный момент этот социокультурный феномен осмыслен авторами электронного издания «Сетевая словесность» [1], среди которых такие известные критики

и теоретики литературы, как А. Генис, Вячеслав (Слава) Курицын, Дмитрий Кузьмин и др.

Под сетературой мы, вслед за авторами журнала, понимаем не весь корпус литературных текстов, размещенных в сети Интернет, но литературу, специально созданную для публикации на сетевых порталах с учетом тех технических и визуальных возможностей, которые предоставляет сеть своим литераторам. Сетевая литература как относительно новое явление потребовала нового осмысления, которое лежит в рамках объектов исследования многих дисциплин, в частности литературоведения, лингвистики, социологии, юриспруденции.

С точки зрения юриспруденции сетература порождает новые требования к соблюдению авторского права. С 1 августа 2013 года в России действует «антипиратский» закон, позволяющий владельцам прав на кино- и ТВ-продукцию через суд добиваться блокировки доступа к тем ресурсам, где их интеллектуальная собственность размещена без их согласия. С 1 мая 2015 года вступила в силу расширенная версия «антипиратского» закона, наделяющая аналогичными возможностями владельцев прав на другие объекты интеллектуальной собственности (книги, музыку, софт и др). В рамках нового законодательства владельцами прав на книжные произведения уже был подан целый ряд исков. Под блокировку со стороны Роскомнадзора уже попадали

библиотеки Knigian.net и Litmir.me., Flibusta.ru. Книги, размещённые на этих ресурсах, находились в свободном доступе, что противоречит законодательству об авторском праве.

Одна из принципиальных черт сетературы состоит в своего рода вторичности и виртуальности контента, когда исследователи имеют дело с литературным процессом, который фактически не производит нового содержания, а переосмысливает известное. Если мы обратимся к сетературе с позиции литературоведения, то мы вынуждены будем констатировать, что авторы сознательно используют приемы интертекстуальности и литературной игры, но при этом эстетическая состоятельность сетевой литературы и ее значимость для литературоведческих изысканий до сих пор не обоснована. Это объясняется, с нашей точки зрения, двумя причинами – во-первых, недостаточной проработанностью категориального аппарата для изучения сетевой литературы как таковой, с ее виртуальными и интерактивными свойствами. И, во-вторых, по-настоящему ценных Интернет-авторов не так много, сетература пока остается в массе своей приютом графоманов и массовой культуры, адаптирующим и нивелирующим любые эстетические поиски.

В рамках этой проблемы есть три основных аспекта, имеющих отношение к сетевой литературе. Во-первых, это смена бумажного носителя (традиционной книги) электронным (экран компьютера и электронная книга) и связанные с этим изменения в читательском восприятии. Во-вторых, особенности бытования литературы в Интернете, история становления русского литературного Интернета, анализ литературных ресурсов, взаимоотношений сетевой и бумажной литературы. Третья проблема – это трансформации в поэтике художественного текста, возникающие вследствие его «столкновения» с языком и виртуальными возможностями интернета [2].

В нашем исследовании мы рассмотрим творчество одного из известных сетевых прозаиков – Д. Глуховского, которое, на наш взгляд, наглядно иллюстрирует все указанные выше тенденции и раскрывает эстетические предпочтения сетевой аудитории и социокультурные возможности сетевых площадок для продвижения современной художественной литературы.

Сетература в силу своего интерактивного образа существования способствует возникновению новых сообществ. В контексте рассматриваемой темы укажем, что произведения Глуховского породили целое писательское объединение, разрабатывающее тематику его литературного проекта «Вселенная Метро 2033». С 2009 года и до сих пор издаются новые книги в рамках серии. Жанр проекта определяется как постапокалиптическая антиутопия. Авторство в рамках серии принадлежит писа-

телям стран СНГ, Польши, Великобритании и Италии. География событий в книгах также вышла на международный уровень – во «Вселенной Метро 2033» описываются как Москва, так и другие регионы мира, причём значительная часть событий происходит в метрополитенах, где выжившие укрылись во время ядерной войны, но по прошествии времени не могут вернуться на поверхность из-за постоянного радиационного фона на ней.

Коммьюнити модерируется самим Дмитрием Глуховским: «Я стараюсь не брать в проект профессиональных авторов-наемников, которым все равно, про что писать, надо про космос серию – я напишу про космос, надо про эльфов – про эльфов. Мне очень хочется, чтобы те люди, которые, действительно, прониклись атмосферой, прониклись идеей этого мира, принимали участие в проекте. И, что намного более интересно, мы издаем в этой серии авторов, которые, вообще, не профессиональные писатели, которые на портал «Метро 2033.ru», официальный сайт этого проекта, присылают свои истории, публикуют свои романы. Другие читатели голосуют «за» или «против», в зависимости от этого они поднимаются в лучшей сотне, те, кто попадает в пятерку, получают шанс издаться на бумаге» [3]. Можно сказать, что сформировалась новая литературная традиция. Само по себе это явление не ново. Подобные литературные авторские сообщества уже образовывались (например, «Миры Ктулху» по произведениям Лавкрафта). Однако, когда в их основу легли возможности Интернета, такие сообщества получили импульс для более быстрого развития. Подчеркнем, что подобное расширение литературного контента отвечает одному из принципов сетевой словесности – возможности бесконечного продолжения текста, его дополнения так называемым «коллективным» сетевым автором, реализуемым в виртуальном пространстве. Заслуга и новаторство Глуховского состоит в том, что ему удалось сохранить за собой контроль за процессом, получить права модерирования, что было бы невозможно без предварительного опыта работы с сетевой словесностью и знания специфики ее функционирования.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО КАК СИНТЕЗ СЕТЕВОЙ И НЕСЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Историю издания первого романа «Метро 2033» можно с уверенностью назвать «феноменом Глуховского». Впервые заявив о себе как интернет-автор, Дмитрий Глуховский стал одним из именитых писателей современности. По данным портала livelib.ru окончательное издание трилогии «Метро» Дмитрия Глуховского переведено на 37 языков мира и издано двухмиллионным тиражом. Попробуем разобраться, каким образом стал возможен его выход за пределы Интернет-пространства и переход в большую литературу.

Прежде всего, проанализируем особенности творческого подхода Глуховского в части продвижения своих произведений через Интернет. Во-первых, необходимо отметить уникальность размещенного им контента. Ранее мы уже отмечали, что в сетевой литературе подавляющее большинство текстов не генерируют нового, они перерабатывают уже имеющийся материал, работают по принципу подражания. Вот как описывают эту проблему исследователи: «Главная проблема остаётся той же, что и в предшествующее десятилетие: литература перестаёт быть повествовательной, начинает напоминать эссе, репортаж, хронику. Отсутствует и писательская идея... что приводит к стандартизации текста, исчезновению авторской картины мира, что означает отсутствие собственных приёмов выражения» [4]. Глуховский же впервые создал постапокалиптический мир, существующий в рамках замкнутого пространства московского метрополитена, одного из самых узнаваемых историко-культурных объектов в современной России. Это отмечается в критической литературе к роману: «До Д. Глуховского никто не предпринимал попыток создания фантастического произведения антиутопического характера на примере московского метрополитена как оплота человечества при ядерном апокалипсисе» [5].

Возможно, уникальность содержания произведений связана еще и с тем, что выход в пространство сетевой литературы был для него не изначальной стратегией, а лишь реакцией на нежелание к сотрудничеству со стороны книжных издательств. Не помогла даже журналистская принадлежность (его приближенность к околотитературной среде) автора. Сам Глуховский честно признался, почему выбрал такой способ публикации книги – издательства отказались ее печатать: «Она попала в Интернет благодаря мне и благодаря всем издателям, которые отказались её печатать. По поводу «Метро 2033» четыре издателя из десяти возможных написали мне, что это неформат, и что у них уже перегруз с такой литературой, остальные шесть не ответили ничего. Я звонил, мне говорили: позвоните через две недели, потом – ещё через две, потом – ещё через две... Ну и так далее. При этом, вы понимаете, что перед каждым звонком ты волнуешься – решается судьба... Сердце стучало, пульс учащался. Однако везде я получил категоричный отлуп либо нежелание вообще общаться. Я подозреваю, что большинство издателей книгу вообще не читало – текучка, в крупных издательствах по десять рукописей в день «падает» в почту» [6].

Во-вторых, значимыми оказались каналы продвижения в сети. Глуховский не остановил свой выбор на сайтах, выступающих стандартными площадками для Интернет-авторов (например, Самиздат (<http://samlib.ru/>)). Изначально Глуховский создал свой собственный сайт, а затем уже занялся его про-

движением на различных форумах и прочих интернет-площадках. Кроме того, текст романа был размещен в нескольких крупных сетевых библиотеках, а также в живом журнале автора (<http://dglu.livejournal.com/>). Прежде чем произведения Глуховского дошли до читателя, ему пришлось поработать не только автором, но и создателем своего сайта, и собственным PR-агентом.

После нескольких лет интернет-жизни произведения Глуховского его первый роман, получивший в окончательной редакции название «Метро 2033», был опубликован в издательстве «Эксмо», а в 2007 году переиздан издательством «Популярная литература». Цель Дмитрия Глуховского была достигнута.

Глуховский и для продолжений своего романа – «Метро 2034» и «Метро 2035» выбрал стратегию распространения книги, когда одновременно с появлением книги на книжных полках она размещается на сайте в свободном доступе. Причем такую тактику он применил как на отечественном рынке, так и в Германии, когда книга была переведена на немецкий язык [7]. Сам автор отмечает, что по статистике «один из шести читателей книги в Интернете потом покупает её бумажный вариант, из благодарности к автору или потому, что неудобно читать с экрана, или ещё по какой-то причине». Причиной, в частности, может выступать желание сразу прочитать произведение – в интернет выкладываются отдельные главы через определенный промежуток времени. В то же время на полках книжных магазинов книга появляется раньше и, естественно, сразу вся.

На основании проведенного анализа можно сказать, что Дмитрий Глуховский является нетипичным представителем среды сетевой литературы. Скорее, он стал новатором в этой области, сумев превратить Интернет в ступень для продвижения своего литературного творчества. Сетевая литература стала для него промежуточным этапом для вхождения в несетевую литературу. Можно сказать, что в «иерархии Глуховского» сетевая литература – это менее престижный способ публикации работ, нежели чем на бумажном носителе. При этом мы должны отметить, что Глуховским не при написании, но при выборе стратегии публикации текста были использованы такие дифференциальные черты сетевой литературы, как фрагментарность – обнародование последовательных отрывков текста, процессуальность – растянутость публикации во времени, оставляющее также у читателя возможности для интерактивной реакции: обсуждения прочитанного, его тиражирования по медиаканалам и т. д.

Мы выделим следующие составляющие стратегии продвижения через интернет, выбранной Дм. Глуховским:

1. Уникальность содержания его произведений. В своих романах Глуховский не копирует чужой контент, а создает свое оригиналь-

ное произведение, обладающие самостоятельной эстетической ценностью в рамках литературы фантастического направления. Он разработал «новый мир», который уже в свою очередь стал объектом для подражателей.

2. Небольшой объем произведений. Даже те представители интернет-сообщества, которые приучены к чтению, стремятся к потреблению текстов небольших объемов. Роман, разбитый на небольшие главы, – это формат, подходящий интернет-читателю.
3. Создание собственного сайта для продвижения литературного творчества. Он не воспользовался массовыми площадками для интернет-авторов, за счет чего его работа не утонула в общем объеме интернет-литературы.

Безусловно, немалую роль в реализации задумки писателя сыграло его понимание, чего он хочет добиться в конечном итоге. Расставленные приоритеты, нацеленность на выход своих произведений на бумажных носителях не дали произведениям Дмитрия Глуховского утонуть в море сетературы.

Успешный опыт Глуховского был востребован не только начинающими авторами, но и издательствами. Так, издательство «Популярная литература» с 2008 года выложило в открытый доступ целый ряд своих изданий. «Я бы не стал ставить знак равенства между появлением текста в Сети и потерей статьи доходов. Публикация текста в Сети – это один из мощных маркетинговых инструментов» [8], – прокомментировал сложившуюся ситуацию литературный эксперт Александр Гаврилов. Само издательство объяснило свой поступок тем, что в настоящее время в сети можно найти практически любой текст, но во многих случаях это связано с нарушением авторского права. «Если беспредел нельзя остановить, его необходимо возглавить», – видимо, этим принципом руководствовалось издательство, выкладывая литературу в открытый доступ. С самими авторами при этом проблем не возникло, поскольку все авторские права были выкуплены самим издательством. Правильность выбора стратегии подтверждается реальными цифрами – всего за 1 год издательство достигло рекордного объема продаж, продавая книги рекордным начальным тиражом в 100 тысяч экземпляров.

Пример Дмитрия Глуховского демонстрирует ту эволюцию, которую претерпевают современные писательские стратегии и собственно популярная

массовая литература: сфера сетевой словесности предоставляет начинающим авторам возможности для публикации своих произведений, но эти публикации должны учитывать формальные и технические особенности сетературы: фрагментарность, процессуальность и обновляемость в режиме реального времени, интерактивность и установку на диалог с автором. При этом произведения, обладающие самостоятельной эстетической ценностью и близкие по своей проблематике и жанровой специфике массовому читателю (фантастическая антиутопия), обладают явным преимуществом перед остальным контентом сетературы и, соответственно, более востребованы сетевым читателем. Таким образом, творчество Дм. Глуховского доказывает, что между сетевой и несетевой литературой нет непроходимой формально-содержательной и эстетической границы – наоборот, художественная литература расширяет свою читательскую аудиторию и, одновременно, обогащает сетевую словесность.

ЛИТЕРАТУРА

4. Лаборатория Сетевой Литературы «Сетевая словесность» // Режим доступа: <http://www.netslova.ru> (Основана 3 марта 1997 г.).
5. Олесина Е. П. Сетература – новая форма или новый смысл? / Е. П. Олесина // Мир психологии. – 2014. – № 4. – С. 183–190.
6. Дмитрий Глуховский в гостях у Владимира Авенина и Никиты Белоголовцева // Маяк. – Режим доступа: <http://radiomayak.ru/shows/episode/id/1105308/>. Дата обращения 12.02.2016 г.
7. Колядич Т. От Аксенова до Глуховского. Русский эксперимент. Экстремальный путеводитель по современной русской литературе / Т. Колядич. – М.: Олимп, 2010. – 352 с.
8. Ловицкий Н. Хронотоп романа Д. Глуховского «Метро 2033» // Международный журнал экспериментального образования. 2014. №6-2. – С. 117–118.
9. Дмитрий Глуховский: «Я не считаю себя писателем» // Моя Удмуртия. – Режим доступа: <http://www.myudm.ru/interview-gluhovsky.html>. Дата обращения 10.02.2017 г.
10. Феоктистова С. Возвращение Глуховского // Взгляд. – Режим доступа: <http://www.vz.ru/culture/2008/11/28/229951.print.html>. Дата обращения 10.02.2017 г.
11. Революция на книжном рынке // Взгляд. – Режим доступа: <http://vz.ru/society/2008/6/16/176212.print.html>. Дата обращения 16.02.2017 г.

Московский педагогический государственный университет

Сарин Лина, аспирант кафедры русской литературы
E-mail: leenasareen1@gmail.com

Moscow State Pedagogical University
Sareen Leena, Post-graduate Student of the Russian Literature Department
E-mail: leenasareen1@gmail.com

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА В. В. ОРЛОВА «АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ»

Е. А. Сафрон

Петрозаводский государственный университет

Поступила в редакцию 22 августа 2016 г.

Аннотация: в статье рассматриваются жанровые особенности романа В. В. Орлова «Альтист Данилов», позволяющие идентифицировать его принадлежность к сатирической городской фэнтези. В поэтике романа последовательно вычленяются фольклорно-мифологические элементы, элементы куртуазного романа, раскрывается его игровая природа, как на уровне языка, так и на уровне сюжета.

Ключевые слова: городская фэнтези, сатира, жанр, демон, мифология, фантастический реализм.

Abstract: the article examines genre's features of the novel "The Violist Danilov" by V. V. Orlov, which allow identifying it as the satirical urban fantasy. The author singles in the poetics of the novel folklore and mythological elements, elements of the courtly novel, reveals the nature of the game, both on the level of language, and on the plot level.

Keywords: urban fantasy, satire, a genre, a demon, mythology, fantastic realism.

Владимир Викторович Орлов (1936–2014) – профессор кафедры литературного мастерства Литературного института им. Горького, член союза писателей России, вошел в историю отечественной литературы, прежде всего, как автор фэнтезийного романа «Альтист Данилов» – первой книги из трилогии «Останкинские истории» (Второй роман «Аптекарь» (1988), третий – «Шеврикука, или Любовь к привидению» (1997)).

Опубликованный в 1980 г. роман вызвал в советском обществе амбивалентную реакцию: моментально влюбил в себя читателей, но породил массу негативных отзывов со стороны критиков. Показательным в этом отношении может быть высказывание Г. В. Якушевой, обвинявшей роман в «наивной искусственности сюжета и святочности концовки» [1, 20]. Отрицательное отношение к «сказочной» природе романа отчасти может быть обусловлено тем, что литературоведение того времени вообще не разводило фэнтези и сказку, а, в свою очередь, «советскую сказку» (тогда определение «фэнтези» еще не существовало) отделяло от «серьезной» фантастики, причислив к разряду литературы для детей [2].

Жанровая принадлежность произведения у литературоведов также вызвала повод для дискуссии. Так, по мнению К. Милова, «для сказки «Альтист Данилов» слишком будничен, для бытового романа слишком насыщен сверхъестественными элементами» [3, 3]. Не ограничиваясь только лишь выделе-

нием «слабых» сторон романа, В. Г. Бондаренко предлагает идентифицировать жанр «Альтиста Данилова» как 'фантастический реализм' [4, 66] (или магический, магреализм [5]) и отнести его к категории игровой прозы. Первая часть данного высказывания кажется нам в высокой степени дискуссионной, т.к. на сегодняшний день литературоведы не выявили конкретных критериев, позволяющих выделять фантастический реализм в кругу других жанров. Принято считать, что прерогатива называться магическими реалистами принадлежит южноамериканским писателям: М. А. Астуриасу, А. Карпентьеру, Х. Кортасару, Х. Л. Борхесу и др. В их творчестве фигурируют коренные латиноамериканцы, носители живого мифологического мировоззрения, вступающего в конфликт с восприятием действительности «индивидуалиста-европейца». Словами Г. Г. Маркеса, «магический реализм – то чудо, каким является реальность, точнее реальность Латинской Америки» [5].

Советское литературоведение имело по этому поводу свою собственную точку зрения. Так, по словам Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого, фантастический реализм – особый тип реализма, который сформировался еще в творчестве Н. В. Гоголя и тяготеет к гротескному изображению действительности [6, 360]. В свою очередь, согласно Вяч. Вс. Иванову, фантастический реализм подразумевает под собой предельно возможное правдоподобие изображения невероятных событий, создающее у читателя впечатление реальности происходящего [7, 131]. Очевидно, что указанные позиции противоречат друг другу, т.к. там, где присутствует гротеск, потребность в правдоподобию отпадает в принципе. Вместе с тем, к правдоподобию стремятся и другие фантастические жанры. В ряду них и фэнтези. Также

¹ Работа выполнена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 годы по проекту «Scandica: культурные конвергенции».

необходимо отметить, что фантастический реализм в интерпретации упомянутого В. Г. Бондаренко, а также А. Г. Бочарова, Г. А. Белой – жанр, использующий фантастическую условность исключительно как «вспомогательное средство для решения задач реалистического искусства» [8, 3], тогда как в поэтике «Альтиста Данилова» вторичная художественная условность, как и в любом другом фэнтезийном произведении, квалифицирующемся как самоценная фантастика, играет ведущую роль.

Вместе с тем, полностью согласимся с утверждением В. Г. Бондаренко о том, что анализируемый роман относится к категории игровой прозы. Термин *игровая проза* подразумевает присутствие в произведении игровой эстетики, а игровой природой, опять же, характеризуется такой жанр, как фэнтези [9, 112]. Поддержку обозначенной точки зрения находим и в работе «Художественная условность в русском романе 1970-х – 1980-х годов» В. Ю. Грушевой, которая, характеризуя «Альтиста Данилова», пишет: «Деление на «человеческое» и «сверхъестественное» носит <...> игровой характер. Ироническое обыгрывание демонологических мотивов и сюжетов позволяет <...> создать сатирический образ бессмысленно-огромной бюрократизированной системы» [8, 6].

Отдельные замечания рассказчика, вынесенные в сноски, вовлекают читателя в своеобразную постмодернистскую игру и вводят в заблуждение относительно природы художественного вымысла романа: с одной стороны, повествователь настаивает на личном знакомстве с Даниловым и на том, что тот лично рассказал ему историю своей жизни, с другой стороны, делает замечания, позволяющие сделать вывод о том, что история эта – плод фантазии: «Тут я должен заметить, что рассказываю о событиях, какие происходили, а скорее всего не происходили (курсив мой. – Е. С.), в 1972 году. Тогда еще можно было париться в Марьинских банях, а теперь нет Марьинских бань <...> И острова Сан-Томе и Принсипи находились тогда во владении Португалии, еще не подозревавшей о апреле 1974 года. Прошу принять это во внимание (Прим. автора.)» [10, 122].

Игровая природа романа также выражается и на уровне языка. Традиция языковой игры, по мнению О. А. Колмаковой, берет свое начало еще в древнерусском стиле «плетения словес» [11, 123], который, как пишет Д. С. Лихачев, «воздействует на читателя не столько своей логической стороной, сколько общим напряжением таинственной многозначительности, завораживающими созвучиями и ритмическими повторениями» [12, 237]. Признанным продолжателем этого стиля стал Н. В. Гоголь, чьи тексты считаются примером «совершенной художественной организации, хитроумного механизма пародии, игры слов, иносказаний, бурлеска» [13, 257].

В романе В. В. Орлова игровая языковая традиция находит свое воплощение в стилистике речи

рассказчика, в которой преобладают нетривиальные сравнения: «Он ей годился лишь как вспомогательное средство, как багор палубному матросу или банка для червей невискому рыболову!» [10, 95] «Но сейчас же возникла красивая, бисквитная с шоколадом и цукатами, Клавдия». Проезжая Сретенку на троллейбусе, Данилов заметил, что по тротуару со скоростью машины, но и не спеша, за ним идет румяный Ростовцев» [10, 251].

Подобная произвольная расстановка слов и умеренное нарушение логических связей используется В. В. Орловым для актуализации «народного» разговорного стиля. По этой же причине семантика некоторых его сравнений нередко отсылает читателя к фольклорно-мифологической традиции: «Тихо стало на Аргуновской <...> будто грустный удушливый начал к ним ходить» [10, 8], «Смотрела она на Данилова удивленно, с трепетом, как Садко на рыбу Золотое перо» [10, 54].

Предполагается, что образность такого рода позволяет «дать слово» и самому миру сверхъестественного, что дает читателю возможность не только увидеть происходящее глазами фантастических персонажей, но и стать на позицию их мышления. Позволительно сделать вывод о том, что речь рассказчика служит, с одной стороны, для демонстрации индивидуально-авторского начала, а с другой стороны, отражает общую тенденцию советской литературы, начавшуюся еще в 1960-х гг., которая выражалась в отказе от клишированных фраз «нейтрального стиля», противопоставленных народной речи [14, 69]. По словам Г. А. Белой, данный процесс отражал «возросшее доверие литературы к суверенности человека, внимание к неповторимости его индивидуального бытия, к складу его мышления» [14, 70]. Эту тенденцию можно было наблюдать и на примере рассказов В. М. Шукшина и Ю. Казакова, повестях С. Залыгина «На Иртыше», «Деньги для Марии» В. Распутина, в которых точка зрения персонажей проецируется «на все конструктивные элементы произведения» [15, 13].

Снова возвращаясь к дискуссии по поводу жанровой идентификации «Альтиста Данилова», вспомним еще одну исследовательницу – Е. Н. Ковтун. Е. Н. Ковтун пишет, что анализируемый роман представляет собой фэнтези, «скрытую под маской научной фантастики» [16, 346]. Данный вывод делается на основании того, что изображаемая В. В. Орловым «цивилизация демонов подчеркнута современна и снабжена тщательно выписанным научно-фантастическим «антуражем»» [16, 346]. Согласимся с обозначенной точкой зрения лишь отчасти: действительно, перед нами фэнтези. Научная фантастика же подразумевает, что автор произведения становится на позиции научного мировоззрения, а в «Альтисте Данилове» мы имеем дело с пародией на науку, а явленная картина мира с точки зрения рационального

мышления никак не мотивирована. Приведем конкретный пример: «Данилов <...> потихоньку стал отсылать в Управление Умственных Развлечений земные шутки, очень ценимые в Девяти Слоях. Шутки передавали в Канцелярию от Наслаждений. Однажды он забыл отправить в Управление очередной ящик с шутками и немедленно получил выговор вкрутую. От Данилова потребовали и объяснительную записку. Данилов сообщил, что земные шутки, оказывается, следует с терпением отмачивать в специальном растворе, тогда они становятся особенно хороши <...> и действительно начал отмачивать шутки с анекдотами в ванне и вскоре получил из управления теплое письмо, в нем Данилова хвалили <...>. Тогда Данилов осмелел, написал о жалких условиях, в каких он отмачивает шутки, и попросил изготовить ему специальный аппарат – рисунок его тут же приложил. Попросил Данилов и горчицы – для особой крепости раствора (он ждал Муравлевых на пельмени). Горчицу он шиш получил, у них и у самих не было, но Данилову посоветовали купить за наличный расчет горчичников в аптеках, их и пустить в дело. Зато аппарат умельцы изготовили Данилову славный, чудо какое-то явилось ему, сверкающее и прозрачное, с ракушками и камнями, с батареейками для подогрева воды» [10, 39].

Еще одним аргументом в пользу того, что «Альтиста Данилова» необходимо расценивать как фэнтези, является тот факт, что картина мира в романе носит ярко выраженный фольклорно-мифологический характер. Обоснуем нашу позицию: большинство персонажей романа – это представители низшей мифологии: домовые, демоны, единорог, русалки. Мир романа имеет два плана – земной – Москва, Мадрид и Анды 1972 г. и сверхъестественный – мир Девяти Слоев, хрустальная сфера, покоящаяся на спине Синего Быка. Как структура, так и название обозначенного мира заставляет нас вспомнить 9 кругов ада из «Божественной комедии» Данте, однако у В. В. Орлова отрицательная коннотация этого понятия снижена: Девять Слоев представляют собой подобие некоего научного института, жителей которого писатель называет «работниками» [10, 391]. Делает он это отнюдь не случайно: деятельность демонов направлена на расшатывание общественных устоев существующих цивилизаций, т. е. они выполняют свою традиционную фольклорную функцию – вредят. Еще раз подчеркнем, что существование указанного мира также никак не может быть объяснено с позиции научного мировоззрения (несмотря на то, что его жители пользуются благами технических достижений), и даже разговоры на эту тему среди демонов крайне нежелательны.

Весомым аргументом в пользу того, что «Альтист Данилов» – фэнтези, является и его близость к традиции средневекового куртуазного романа [17, 416]. Как в произведении В. В. Орлова, так и в рыцарском

романе тема любви всегда является доминирующей, при этом, по словам Е. М. Мелетинского, «любовь и подвиги часто выступают в амбивалентных отношениях, ибо любовь может отвлекать от подвигов, но может и должна вдохновлять их» [18, 30]. Герой В. В. Орлова также совершает «подвиги»: один на музыкальном поприще – играет новаторскую симфонию композитора Переслегина, а потом выступает и с собственным сочинением, и в этой связи любовь к Наташе скорее мешает ему, отвлекая от музыки; другой – когда вступает из-за Наташи в поединок со своим лицейским приятелем демоном Кармадоном: «Дольше всего обсуждали вид оружия. Поединок мог быть словесный, на шпагах, на кулаках, на пистолетах, на картах, на карабинах, случались поединки, когда противники швыряли друг в друга камни, овощи. <...> Данилов с Кармадоном уговорились вести поединок из ракетных установок средней мощности с радиусом действия до шестисот километров. Огневые рубежи секунденты обязаны были начертить мелом в пустынном месте, подальше от Земли» [10, 226–227]. Очевидно, что перед нами модификация мотива поединка за сердце прекрасной дамы, зародившегося еще в рамках мифа (Речь идет о концепции так называемого «основного мифа» [19, 21].) и получившего особенно широкое распространение именно в эпоху бытования куртуазной литературы.

Композиция рыцарских романов обычно ориентирована на авантюру, приключение: «В самой аванюре реализуются определенные общие коллизии и проблемы романа, интегрируется героическая доблесть, забота о защите слабых, верность даме, рыцарское великодушие и т. д.» [18, 31]. Аналогично и Владимир Данилов: несмотря на мечты о тихой жизни со своей возлюбленной, он сам постоянно оказывается вовлеченным в чужие авантюры (выступает с симфонией ранее никому неизвестного композитора Переслегина, отмечается вместо своей бывшей жены Клавдии в очереди к «хлопобудам», а потом помогает ей красть лаву вулкана Шивелуч), так и организует свои собственные (вызывает бывшего приятеля на дуэль, отправляется, несмотря на запрет, навестить отца на Юпитер, подглядывает за Синим Быком, держащим на себе Девять Слоев, и даже чешет ему спину).

Вместе с тем Данилов не просто соблюдает своеобразный рыцарский кодекс чести: он, как типичный фэнтезийный герой, настоящий гуманист. Данный факт очевиден даже самым суровым критикам: несмотря на то, что демонические силы похищают у Данилова уникальный альт работы Альбани, «обостренный любовью и милосердием талант Данилова <...> исторгает и из обычного инструмента небывалые доселе магические звуки» [1, 20].

По словам Л. А. Аннинского, «альтист Данилов – один из добрейших героев современной литерату-

ры» [20, 153]. Действительно, «чувство ненависти к человечеству то и дело вызывало у Данилова колики в желудке и возле желчного пузыря. Однако Данилов не требовал у лекарей справок об освобождении, а хотел преодолеть себя и, выполняя курсовые работы, со рвением стажировался в группах, готовивших землетрясение, стихийные бедствия и ограбления банков. Кое-чему научился, но в животе кололо все сильнее и к горлу что-то подступало. <...> В ограблениях он был еще хорош, а вот из кра-теров в окружающую среду мало выбрасывал пеплу и камней. А преподаватель труда даже пригрозил Данилову отправить его на практику в столовые города Саранска вместе с юными тугоухими демонами портить там салаты и вторые блюда» [10, 33].

В финале романа человеческое начало в Данилове, заключенное в творческий порыв, вносит хаос в привычную для демонов картину мира, и они отступаются от героя. С этого угла зрения вполне логичной становится и концовка произведения, кажущаяся Г. К. Якушевой «святочной»: фэнтези, наследуя поэтику фольклорной волшебной сказки, провозглашает победу Добра над Злом.

Сюжет романа хроникальный с экскурсами в прошлое, к которым относятся: история рождения самого Данилова, воспоминания о его университетских годах, история любви Наташи и Миши Коренева и т.д. Такой тип сюжета традиционен для фэнтези, т. к. сказка, определяющая жанровую структуру фэнтези, всегда имеет линейный сюжет.

Сатира на современное общественно-политическое устройство позволяет утверждать, что роману характерны и черты сатирической фэнтези. Так, в сатирическом ключе описана демоническая цивилизация, к которой принадлежит Данилов. Фольклорный демонический мир – это крошечный мир «наизнанку». По словам Д. С. Лихачева, «крошечный мир активен, идет в наступление на мир действительный и демонстрирует неупорядоченность его системы, отсутствие в нем смысла, справедливости и устроенности» [21, 393], поэтому обитатели Девяти Слов, копируя поведение, моду, уклад жизни жителей Земли, обнажают нелепость отдельных сторон человеческого существования. В этом отношении В. В. Орлов является наследником древнерусской сатирической традиции, своеобразие которой, как замечает Д. С. Лихачев, заключается в том, что «создаваемый ею «антимир», изнаночный мир неожиданно оказывался близко напоминающим реальный мир. В изнаночном мире читатель «вдруг» узнавал тот мир, в котором он живет сам» [21, 396–397], поэтому герои В. В. Орлова, несмотря на свои сверхъестественные способности, постоянно оказываются «в плену» социалистических реалий. Так, прибывший к Данилову университетский приятель демон Кармадон материализует на ужин «бутылку ликера «Северное сияние» – по мнению Данилова,

подкрашенного глицерина с сахаром, давно уже за-сохшую и в черных критических точках корейку из железнодорожного буфета и из того же, видно, буфета две порции шпрот на блюде с локомотивами» [10, 114], сам же Данилов, находясь в ожидании приговора за преступления против Девяти Слов, оказывается «на кровати с металлической сеткой, какие встречаются в гостиницах районных городов» с бельем, имевшим, «где следовало, овальные отметки инвентарных резиновых печатей» [10, 383].

Вместе с тем и изображаемый В. В. Орловым мир людей не лишен отдельных черт «крошечного» мира. Трудно не согласиться с В. Ю. Грушевой, обращающей внимание на то, что свойственная поведению героев «обыденного» плана карнавализация (похищение лавы вулкана Шивелуч, беззвучный концерт Земского, пошив чалмы Клавдией для гипотетического визита к королеве Великобритании) «юмористическим пафосом смягчает жесткость сатирической оценки» [8, 17]. Приведем конкретный пример: «Круглыми глазами из-под очков Ростовцев поглядывал на Данилова, будто исследователь-натуралист. На голове его был черный котелок, каких уже лет восемьдесят не видели на Сретенке, в руке Ростовцев держал дорогую трость с желтой костяной ручкой, увенчанной фигуркой двугорбого верблюда-бактриана, а на левом боку его, там, где военные люди должны были бы иметь кобуру с пистолетом Макарова, прямо поверх пальто висел на ремне метровый турецкий кальян» [10, 251].

Основная особенность, позволяющая выделять городскую фэнтези среди прочих разновидностей жанра, заключается в локализации большей части событий в городском пространстве. «Альтист Данилов» не является исключением. Однако даже лирические пейзажи проникнуты острым сатирическим духом, направленным на обличение реалий советской жизни: «В Москве было тепло, мальчишки липкими снежками выводили из себя барышень-ровесниц, переросших их на голову, колеса трамваев выбрызгивали из стальных желобов бурю воду, крики протеста звучали вослед нахамившим таксистам, обдававшим мокрой грязью публику из очередей за галстуками и зеленым горошком» [10, 19–20].

Владимир Данилов – типичный герой городской фэнтези – представитель мира искусства, музыкант, который, однако, не стремится стать ни человеком незаурядным, ни романтическим борцом против обстоятельств. Согласимся с Г. К. Якушевой, что перед нами антифаустовский герой, который обладает сверхъестественными возможностями, но использует их только чтобы достать голландское пиво или закуски из железнодорожного буфета. Данилов есть некая модификация образа гоголевского маленького человека – типичного персонажа произведений, реализующих принципы поэтики городской фэнтези (таков Лугин из повести М. Ю. Лермонтова

«Штосс», безымянный герой «Крысолова» А. Грина и «Белки» А. Кима).

Еще одна характерная для городской фэнтези черта – использование вставных жанров городского и современного фольклора. В анализируемом романе указанные жанры представлены городской и современной легендой. В качестве примера городской легенды можно упомянуть легенду о Якове Брюсе: «... где-то возле Колхозной площади. А там был дом Брюса. Генерал-фельдмаршал Петра Великого Брюс Яков Вилимович числился же, как известно, чернокнижником и алхимиком, у него в июльскую жару гости катались на коньках, а запахи и флюиды от Брюсовых тиглей и посуды могли протушить на долгие века ближайшие к его дому кварталы» [10, 14].

В московских легендах Джеймс Дэниэл Брюс, названный в России Яковом Вилимовичем, «колдуном с Сухаревой башни» [22], считался первым русским масоном [23, 460]. Известно, что упомянутая В. В. Орловым Колхозная площадь ранее называлась Сухаревской, в честь расположенной на этом месте башни. Башня была построена Петром I, и именно в ней Я. В. Брюс организовал «Школу навигационных и математических наук». Москвичи верили, что перед смертью он замуровал в стене башни некий гримуар, «Черную книгу», поэтому коммунисты в 1934 г. не взорвали предназначенную для сноса башню, а разобрали ее вручную, однако книга так найдена и не была [22].

Современная легенда представлена в романе В. В. Орлова комплексом сюжетов о происхождении геоглифов Наска. Согласно одной из самых распространенных версий (Данная тема систематически освещается в эфире телевизионных каналов «ТВ 3» и «РЕН ТВ»), указанный комплекс изображений использовался в качестве ориентиров для посадки на землю инопланетных космических кораблей [24, 60]. В. В. Орлов предлагает читателям собственную версию происхождения данных рисунков: его демон Данилов любил прилетать в Анды на отдых, а «плато вокруг изрисовал всякими диковинными фигурами и мордами, да еще и оплел их орнаментом дорожек, нравились тогда Данилову индейские примитивы (курсив мой. – Е. С.). Вскоре явились на плато ученые и открыли работы инков. Другие же ученые с ними не согласились и доказали, что полосу с рисунками создали пришельцы. Данилов с увлечением читал их исследования, страницы с жадностью перелистывал, до того было интересно» [10, 29].

Однако, несмотря на демоническое могущество Данилова, его привлекают к суду за доброту по отношению к смертным и за то, что он сам начинает вести себя, как человек, ему грозит смертная казнь.

Финал романа традиционен для городской фэнтези: мир сверхъестественных существ снова демон-

стрирует свое могущество даже над себе подобными. Данилову даруют жизнь, но над ним крепят невидимую люстру, которая, в случае обнаружения его дальнейшей деятельности в пользу человечества, рухнет и раздавит героя. Поведение героя также характерно для городской фэнтези: человек оказывается игрушкой в руках высших сил, а его победа может носить только временный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якушева Г. В. Образ и мотивы Гете в отечественной словесности XX века / Гете в русской культуре XX века / Под ред. Г. В. Якушевой; Науч. совет «История мировой культуры» РАН. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2004. – С. 11–44.
2. Первушин А. В СССР не было жанра фэнтези / А. Первушин // Клуб «Лоцман фантастики». – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/locmanfantastiki/uchastniki/slava/anton-pervusin-v-sssr-ne-bylo-zanra-fentezi> (Дата обращения 15.08.2016)
3. Милов К. «Альтист Данилов»: люди и демоны / К. Милов // Молодость Сибири (Новосибирск). – 1980. – 4 сент. – (107 (7574)). – С. 3.
4. Бондаренко В. Г. «Московская школа», или эпоха безвременья / В. Г. Бондаренко. – М.: Столица, 1990. – 269 с.
5. Невский Б. Иллюзорный камуфляж. Магический реализм / Б. Невский // Мир фантастики. – № 39. – Ноябрь 2006. – Режим доступа: <http://old.mirf.ru/Articles/art1591.htm> (Дата обращения 1.08.2016).
6. Лейдерман Н. Л. Фантастический реализм» Абрама Терца и Николая Аржака / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий // Современная русская литература: 1950–1990-гг.; пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. — Т. 1968. – М.: Издательский центр «Академия», – 2003. – С. 359–375.
7. Иванов Вяч. Вс. «Поэма без героя», поэтика поздней Ахматовой и фантастический реализм / Вяч. Вс. Иванов // Ахматовский сборник. – Париж: Институт славяноведения, 1989. – С. 131–135.
8. Грушевская В. Ю. Художественная условность в русском романе 1970-х – 1980-х годов / В. Ю. Грушевская. – Автореф. дис. ... к. филол. н. – Екатеринбург, 2007. – 23 с.
9. Чернышева Т. А. Природа фантастики / Т. А. Чернышева. – Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1984. – 330 с.
10. Орлов В. В. Альтист Данилов / В. В. Орлов. – М.: ТЕРРА, 1994. – 560 с. – (Серия «Четвертое измерение»).
11. Колмакова О. А. Игровая поэтика русской прозы рубежа XX – XXI веков / О. А. Колмакова // Вестник Бурятского государственного университета. – № 10 (3). – 2014. – С. 122–129.
12. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. – СПб.: Алетейя, 2001. – 566 с.
13. Уэллек Р. Теория литературы / Р. Уэллек, О. Уоррен. – М.: Прогресс, 1978. – 328 с.
14. Белая Г. А. Художественный мир современной прозы / Г. А. Белая. – М.: Наука, 1983. – 191 с.
15. Кожевникова Н. А. О соотношении речи автора и персонажа / Н. А. Кожевникова, Т. Г. Винокур, В. В. Один-

цов [и др.] // Языковые процессы современной русской художественной литературы. – М. : Наука, 1977. – С. 7–98.

16. Ковтун Е. Н. Художественный вымысел в литературе XX века: Учебное пособие / Е. Н. Ковтун. – М. : Высшая школа, 2008. – 484 с.

17. Сапковский А. Вареник, или Нет золота в Серых Горах / А. Сапковский // Дорога без возврата: Повести, рассказы, эссе. – М. : АСТ, 1999. – С.408–446.

18. Мелетинский Е. М. Средневековый рыцарский роман: Происхождение и классические формы. – М. : Наука, 1983. – 188 с.

19. Иванов Вяч. Вс. Славянские языковые моделирующие системы: (Древний период) / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. – М. : Наука, 1965. – 246 с.

20. Аннинский Л. А. Над грешною землей. «Альтит

Данилов» Владимира Орлова / Л. А. Аннинский // Локти и крылья: Литература 80-х: надежды, реальность, парадоксы. – М. : Советский писатель, 1989. – С. 148–160.

21. Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев // Избранные работы: в 3 т. – Т. 2. – Л. : Худож. лит., 1987. – С. 343–417.

22. Архарова Ю. Легенды Старой Москвы. Хранилище Черной книги / Ю. Архарова // Самиздат. – Режим доступа: http://samlib.ru/a/arharowa_j/suharewka.shtml (Дата обращения 19.08.2016).

23. Павленко Н. И. Соратники Петра / Н. И. Павленко. – М. : Мол. гвардия, 2001 – 494 с.

24. Shah T. Trail of Feathers: in search of the birdmen in Peru / T. Shah. – New York : Arcade Publishing Inc., 2002. – 275 p.

Петрозаводский государственный университет

*Сафрон Е. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры скандинавской филологии филологического факультета*

E-mail: 00inane@gmail.com

Petrozavodsk State University

*Safron E. A., Candidate of Philology, Associate Professor of
the Scandinavian Philology Department*

E-mail: 00inane@gmail.com

ОРНИТОМОРФНАЯ СИМВОЛИКА ТОПОНИМА СКВОРЕШНИКИ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

С. А. Скуридина

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Поступила в редакцию 13 июля 2016 г.

Аннотация: в статье раскрывается семантика топонима Сквиreshники, отмечается обусловленность названия родового имени Ставрогиных мотивом крыленности, а также бесовской символикой романа.

Ключевые слова: ономастика, топоним, Ф. М. Достоевский, «Бесы», Сквиreshники.

Abstract: the article deals with the semantics of Skvoreshniki toponym and Stavrogin's family estate name that is defined by the motif of winged and demonic symbolism of the novel.

Keywords: onomastics, toponym, Dostoevsky, «Devils», Skvoreshniki.

События в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» происходят в провинции. «В провинции никуда не спрячешься», – пишет Ф. М. Достоевский своему брату во время пребывания в провинциальной Твери [1, 341], которая для Ф. М. Достоевского представляет собой пространство, лишенное жизни: «Теперь я заперт в Твери, и это хуже Семипалатинска. Хотя Семипалатинск в последнее время изменился совершенно (не осталось ни одной симпатичной личности, ни одного светлого воспоминания), но Тверь в тысячу раз гаже. Сумрачно, холодно, каменные дома, никакого движения, никаких интересов, – даже библиотеки нет порядочной. Настоящая тюрьма! Намереваюсь как можно скорее выбраться отсюда...» [1, 337].

Именно Тверь, по мнению исследователей, в том числе М. С. Альтмана, скрывается в романе «Бесы» за топонимом Т, о чем свидетельствуют следующие факты: «1) точная и обстоятельная топография города «Бесов», 2) действующие в романе лица связаны с Тверью, 3) дополнительные указания и намеки. Топография» [2, 443].

Кроме упомянутого города Т, жизнь многих героев романа связана с родовым имением Ставрогиных, название которого вписывается в орнитоморфную символику романа – Сквиreshники.

Как известно, скворечник – это домик, сколачиваемый человеком для скворцов. В. И. Даль указывает, что *скворечник* – это «любитель певчих птиц, скворцов», а птичий домик называет скворечней или скворечницей [3, 195]. Таким образом, скворечники – это группа людей, объединенных одинаковым образом деятельности – ловлей птиц. Известно, что в России встреча скворцов была узаконена специальным указом Петра Первого, «дабы приятный свист увеселял слух человеческий».

Не исключено, что для Ф. М. Достоевского важен был известный ему факт обучаемости скворцов звукам человеческой речи, отраженный в его повести «Ползунков»: «Я домой со всех ног: «Пропали мы, бабушка!» – взывала она, сердечная; а тут, смотрим, бежит казачок от Федосея Николаича, с запиской и с клеткой, а в клетке скворец сидит; это я ей от избытка чувств скворца подарил говорящего» [4, 15]. Для Ф. М. Достоевского скворец является олицетворением человеческой ведомости, легкой внушаемости и бестолкового подражания: «Учат, батюшка, на старости лет, как скворца», – печально отвечал Гаврила в повести «Село Степанчиково и его обитатели» [5, 31]. Возможность обучения скворцов подражать разным звукам отражена в поговорке *скворечьим напевом петь* «подделываться, поддакивать» [1, 195].

Думается, что для Ф. М. Достоевского выбор топонима Сквиreshники был мотивирован и особым пространственным статусом домика для скворцов, который обычно располагают на большом расстоянии от земли. Во многих романах герои Ф. М. Достоевского также обитают высоко над землей: «наверху, в каморке» обитает Алексей Иванович («Игрок») [6, 230]; «под самой кровлей, в шестиэтажном, огромнейшем доме» живет с семьей Неточка Незванова [4, 159]; Мармеладовы проживают «в конце лестницы, на самом вершине» [7, 22]; каморка Раскольникова «приходилась под самой кровлею высокого пятиэтажного дома» [7, 5]; в «светелке под крышей» живет Аркадий Долгорукий [8, 82]. Для Ф. М. Достоевского обитание на самом вершине – особый знак. Неслучайно Ставрогин в «Бесах» подвешивает себя на самом вершине своего дома: куда подниматься пришлось «чуть не под крышу по деревянной, длинной очень узенькой и ужасно крутой лестнице» [9, 515]. Мотив проживания в птичьем домике найдет свое

место в романе «Подросток», где квартира Татьяны Павловны в две комнаты – «точь-в-точь две канаречные клетки» [8, 126]. По мнению В. А. Подороги, «все персонажи, на которых возложена миссия «преступать», сплошь и рядом пребывают внутри сплюсченного, деформированного пространства, в неких выжидательных, кумулятивных пунктах, это – «углы», «каюты», «гробы», «шкафы», «комнатенки», «норы», – сравнения, часто используемые Достоевским для описания пристанищ его героев [10, 143].

На наш взгляд, топоним *Скворешники* создан Ф. М. Достоевским для обозначения тесного пространства, которое, воздействуя исподволь, может исказить нормальное сознание героя. Название *Скворешники* одного метафорического ряда, что и конура Раскольникова («Ты ведь была в моей конуре, видела... А знаешь ли, Соня, что низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят! О, как ненавидел я эту конуру!» [7, 112]. Нехватка пространства, узость и теснота – коннотации, объединяющие лексемы *скворечник* и *конура*. И в скворечнике, и в конуре возникает необходимость «пролезать» через «щелочку»: Шатов «до двери дошел осторожно, ни за что не зацепив и ничего не опрокинув, дверь же приотворил на маленькую щелочку, так что пролез в отверстие почти боком. Когда пролезал, то вихор его волос, стоявший торчком на затылке, был особенно заметен» [9, 166]; «он [Разумихин. – С. С.] отодвинул свой стул от стола, высвободил немного пространства между столом и своими коленями и ждал несколько в напряженном положении, чтобы гость [Лужин. – С. С.] «пролез» в эту щелочку. Минута была так выбрана, что никак нельзя было отказать, и гость полез через узкое пространство, топясь и спотыкаясь» [7, 112].

По мнению Г. С. Сырицы, название имени *Скворешники* ассоциативно связано с доминантой *опаленные крылья*: «крылья призваны указать на «изначальную ангельскую природу», опаленные крылья – на бунт, гордыню, неповиновение Богу», «на отвержение от Царствия Божия» [11; 298, 288].

Возникающий в тексте мотив окрыленности поддерживает семантику названия романа «Бесы». Общеизвестно, что в древнеславянских языческих представлениях бесами назывались злые духи. Это же значение слова перешло и в христианскую религию, где было использовано для перевода греческого понятия *демоны*. Когда-то бесы были ангелами, но изменили Богу и стали его противниками. От своего ангельского прошлого бесы, изображенные на картинках, сохранили «ангельские» крылья, и приобрели уродливую, демоническую внешность. Неслучайно в последнем романе Ф. М. Достоевского Черт оправдывается перед Иваном в отсутствии крыльев за своей спиной: «Воистину ты злишься на меня за то, что я не явился тебе как-нибудь в красном сиянии, «гремя и блистая», с опаленными крыльями,

а предстал в таком скромном виде» [12, 81], а Иван понимает, что перед ним «просто черт, а не сатана с опаленными крыльями, в громе и блеске» [12, 86].

Скворешники – это не что иное, как бесовское гнездо: Шатов «с год тому назад вернулся к нам в родное гнездо и поселился со старухой теткой, которую и схоронил через месяц» [9, 27]. В связи с этим неслучайно то, что Николай Всеволодович Ставрогин и Петр Степанович Верховенский называются в романе птенцами. О взаимоотношениях Степана Петровича Верховенского и Николая Всеволодовича Ставрогина Хроникер сообщает: «хорошо было, что птенца и наставника, хоть и поздно, а развели в разные стороны» [9, 35]. «Птенца еще с самого начала переслали в Россию, где он и воспитывался всё время на руках каких-то отдаленных теток, где-то в глуши» [9, 11], – так описывается детство Петра Степановича Верховенского, а к моменту начала действия в романе «птенец оперился» [9, 62]. Как видим, с образами Ставрогина и младшего Верховенского вводится мотив подмены (родной сын подменяется воспитанником), а также снова возникает «птичий» мотив: Степан Трофимович Верховенский соотносится с мифопоэтическим образом кукушки, не принимающей участия в высиживании и вскармливании своего потомства, а Петр Степанович – с образом птенца-подкидыша.

Изначально Скворешники – это родовая усадьба, где размеренно протекает жизнь героев романа, относящихся к старшему поколению – Варвары Петровны Ставрогиной и Степана Трофимовича Верховенского. Но с наступлением нового времени в усадьбе Ставрогиных все меняется. Вместо тишины слышится постоянный шум, как будто стоит птичий гвалт: «шум поднялся ужаснейший», когда Ставрогин протянул за нос Гаганова [9, 38], «поднялся шум» при появлении Петра Степановича Верховенского в гостиной Варвары Петровны [9, 163], «о шуме и речах в городе в этот вечер не упоминаю» (после объявления Ставрогина о том, что Лебядкина – его жена) [9, 353]. Даже в природе, так редко описываемой Ф. М. Достоевским, царит шум: «Ветер шумел и качал вершинами полуобнаженных деревьев», когда Ставрогин шел через сад к маленькой калитке, чтобы нанести визит Кириллову [9, 183], перед дуэлью Гаганова и Ставрогина «деревья густо и перекатно шумели вершинами и скрипели на корнях своих» [9, 223]. Вероятно, непогода, разгул стихии является характерным признаком присутствия бесов, так как, по поверьям, бесам подвластны стихии. Мотив непогоды, сопровождающий перемещение Ставрогина в пространстве, аллегорично соотносится со стихотворением А. С. Пушкина «Бесы», которое вынесено в эпиграф к роману.

Орнитоморфная семантика топонима *Скворешники*, поддерживаемая в романе не только многократным использованием лексемы *лететь* в отно-

шении практически всех персонажей, но и «птичьими» фамилиями (Лебядкины, Дроздовы, Гагановы) помогает отразить противоестественность происходящего в романе. Как указывает Л. Сараскина, «основное сюжетное время «Бесов» – это 30 дней, протекающих от первого дня хроники, 12 сентября, когда приезжает ее главный герой, Николай Ставрогин, до его смерти, датируемой 11 октября» [13, 23]. По мнению большинства исследователей, обращавшихся к проблеме времени в произведениях Ф. М. Достоевского, неоспоримым является факт особой важности для интерпретации текста не только определенного дня, часа, но даже минуты (например, глава в последнем романе названа писателем «Такая минутка»): «Начальный момент всегда известен. Календарь событий составлен необыкновенно тщательно и часы выверены» [14, 164]. В связи с этим напрашивается мысль о намеренно искаженном ходе времени с точки зрения орнитоморфной символики, ведь осень – это период отлета птиц из России в теплые края, и в первой половине сентября – начале октября начинается осенняя миграция скворцов, а герои романа, наоборот, «слетаются» в окрестности родового гнезда Ставрогина с семантически значимым «птичьим» названием *Скворешники*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. / Ф. М. Достоевский. – Т. 28. Кн. 1. – Л. : Наука, 1985. – 552 с.
2. Альтман М. С. Этюды о романе Достоевского «Бесы» / М. С. Альтман // Прометей. – М., 1975. – № 5. – С. 442–447.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – Т. 4. – М. : Терра, 1995. – 688 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. / Ф. М. Достоевский. – Т. 2. – Л. : Наука, 1972. – 556 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. / Ф. М. Достоевский. – Т. 3. – Л. : Наука, 1972. – 542 с.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. / Ф. М. Достоевский. – Т. 5. – Л. : Наука, 1973. – 407 с.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. / Ф. М. Достоевский. – Т. 6. – Л. : Наука, 1973. – 423 с.
8. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. / Ф. М. Достоевский. – Т. 13. – Л. : Наука, 1975. – 456 с.
9. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. / Ф. М. Достоевский. – Т. 10. – Л. : Наука, 1975. – 519 с.
10. Подорога В. А. Человек без кожи (материалы к исследованию Достоевского) / В. А. Подорога // Социальная философия и философская антропология: Труды и исследования. – М. : ИФ РАН, 1995. – С. 126–160.
11. Сырица Г. С. Поэтика портрета в романах Ф. М. Достоевского: Монография / Г. С. Сырица. – М. : Гнозис, 2007. – 407 с.
12. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. / Ф. М. Достоевский. – Т. 10. – Л. : Наука, 1976. – 512 с.
13. Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение / Л. И. Сараскина. – М. : Советский писатель, 1990. – 480 с.
14. Волошин Г. Пространство и время у Достоевского / Г. Волошин // «Slavia», 1933. №1-2.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Скуридина С. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации

E-mail: saskuridina@yandex.ru

Voronezh state university of architecture and Civil Engineering
Skuridina S. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Cross-cultural Communication Department

E-mail: saskuridina@ya.ru

ВИДЫ И МЕТОДЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛЕКСИКИ

И. А. Стернин, М. А. Стернина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье проводится теоретическое разграничение видов и методов сопоставительных исследований и предлагаются алгоритмы применения методов сопоставления.

Ключевые слова: сопоставление, виды сопоставления, методы сопоставления, алгоритм применения методов сопоставления.

Abstract: the paper presents theoretical differentiation between types and methods of comparative studies and proposes algorithms of using methods of comparison.

Keywords: comparison, types of comparison, matching techniques, algorithms of using methods of comparison.

Данная статья продолжает и развивает теоретические положения, высказанные в работе [3].

На современном этапе развития сопоставительной лингвистики принципиально важно разграничить **виды и методы** сопоставительных исследований.

Виды сопоставительных исследований определяются *общей направленностью* сопоставления:

1. на явления одного языка – внутриязыковой сопоставительный анализ;
2. на сходные явления двух или нескольких языков – межъязыковой сопоставительный анализ;
3. на лексические микрогруппы, отдельные единицы, отдельные языковые явления как внутри языка, так и между языками – линейный сопоставительный анализ;
4. на сравнение отдельных единиц, явлений одного языка со всеми возможными соответствиями этой единицы или явления в другом языке – векторный сопоставительный анализ.

Чистых видов сопоставления в практике межъязыковых сопоставительных исследований сопоставительных исследований практически не бывает – в линейном сопоставлении присутствуют элементы векторного сопоставления, в контрастивном описании есть элементы линейного сопоставления отдельных единиц, но направленность сопоставления в обоих случаях принципиально разная – на отдельные единицы или явления или на отдельную единицу и все варианты ее передачи в другом языке.

Методы сопоставления определяются поставленной целью и установкой на получение определенного результата описания.

Сопоставительно-семантический метод определяется задачей получения семантического описа-

ния сравниваемых единиц или явлений и выявления конкретных сходств и различий в их семантике. Он реализуется с помощью терминологического аппарата семемной и семной семасиологии [1, 34].

При внутриязыковом сопоставлении этим методом обычно описывается семантика сравниваемых единиц, определяется степень их семантического сходства или различия. При межъязыковом описании этим методом описывается семантика каждой отдельной единицы, устанавливаются семантические различия сравниваемых единиц и на базе выявленных различий описывается национальная специфика семантики сравниваемых единиц двух языков в ее разных видах [2].

Методика применения сопоставительно-семантического метода может быть представлена следующим образом:

Линейный сопоставительный анализ на уровне лексических микросистем предполагает следующие основные этапы:

1. Определение лексической микросистемы (ЛСГ, синонимического ряда, ЛСП, тематического поля), которые будут исследоваться в сопоставительном аспекте.
2. Обоснование необходимости сопоставительного изучения данной микрогруппы в конкретных языках.
3. Описание состава лексической группировки в одном языке – составление списка единиц.
4. Установление системных отношений этих единиц в составе микрогруппы в данном языке (деление на подгруппы, иерархия группировок).
5. Определение ядра и периферии группировки.
6. Описание семантики единиц микрогруппы в одном языке (многозначность, вхождение/

невхождение разных значений в исследуемую микрогруппу, денотативная семантика, стилистическая характеристика, оценочность единиц).

7. Описание употребления единиц группировки в текстах.
8. Пункты 3-7 повторяются применительно к другому языку или языкам, которые участвуют в сопоставлении.
9. Описание доминирующих сходств и различий изученных лексических группировок и единиц разных языков в формате выводов.

Линейный сопоставительный анализ как внутриязыковой, так и межъязыковой, на уровне отдельных языковых единиц (например, лексем, фразеологизмов) предполагает следующие этапы:

1. Выбор уровня семантического анализа: семемный анализ, семный анализ.
2. Семантическое описание материала выбранным методом (формулирование семем, формулирование сем).
3. Описание ядерно-периферийной организации семантемы лексической единицы.
4. Сопоставление семантем по составу семем, выявление совпадающих и несовпадающих семем.
5. Сопоставление семем по составу сем и выявление совпадающих и несовпадающих сем.
6. Описание семного состава каждой семемы в форме связной дефиниции.
7. Описание выявленных сходств и различий семем и сем сопоставляемых единиц в формате выводов.

Подобный метод соответствует научной специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание и научной специальности 10.02.19 – теория языка – в зависимости от избранного направления исследования – фактологическое сопоставление (10.02.20) или решение теоретической проблемы на материале сопоставления языков (10.02.19).

Сопоставительно-параметрический метод определяется задачей получения обобщенной характеристики выявляемых различий языковых единиц и явлений путем характеристики обнаруживающихся различий в рамках определенного набора обобщенных параметров, установлении на основе формализованных критериев количественных характеристик проявления этих различий и качественной характеристики степени выявляемых различий (см. [4]).

Метод предлагает две принципиальные исследовательские описательные процедуры – **индексализация** параметров и аспектов и **шкалирование** выявленных различий.

Алгоритм применения сопоставительно-параметрического метода может быть представлен следующим образом:

1. Определение направления сопоставления: межъязыковое или внутриязыковое.
2. Определение типа сопоставления: линейное сопоставление или векторное (контрастивное) исследование (для межъязыкового сопоставления).
3. Установление списка единиц сравниваемых лексических группировок внутри языка или в двух языках при линейном сопоставлении, списка единиц лексической группировки в исходном языке и списка межъязыковых соответствий каждой единицы в языке сопоставления при векторном (контрастивном) исследовании.
4. Выбор уровня семантического анализа: семный анализ, семемный анализ.
5. Семантическое описание материала выбранным методом.
6. Определение аспектов и параметров для сопоставления и формализованного описания результатов семантического описания.
7. Индексализация результатов исследования по выделенным параметрам.
8. Сопоставление (внутриязыковое или межъязыковое) результатов исследования по выделенным параметрам в опоре на полученные индексы.
9. Применение формализованных шкал для обобщенного описания и оценки результатов индексализации параметров.
10. Качественная интерпретация полученных параметрических описаний методом шкалирования.

Таковы основные черты сопоставительно-параметрического метода исследования языка.

Таким образом, при использовании сопоставительно-семантического метода результаты сопоставления представляются в виде семно-семемного описания различий языковых явлений, а при использовании сопоставительно-параметрического метода результаты представляются в виде описания уровней проявления различий сравниваемых явлений на базе индексализации и шкалирования.

Важно подчеркнуть, что различные виды сопоставительных исследований могут проводиться разными методами. В сопоставительно-параметрических исследованиях «каждый из индексов был разработан соответственно либо для сопоставительных, либо для контрастивных исследований, либо для семантических исследований внутриязыкового характера и применялся исключительно для соответствующих целей» [4, 80]. Однако исследовательская практика показала возможность более широкого использования предложенных индексов. Так, например, целый ряд параметров, разработанных для контрастивных исследований, с успехом могут

быть применены и в сопоставительных исследованиях. В свою очередь многие разработанные для сопоставительных исследований параметры могут найти применение и при контрастивных исследованиях. Точно так же индексы, разработанные для сопоставительных исследований... могут быть эффективно использованы и для исследований внутри одного языка и наоборот [4, 81].

Таким образом, различные виды сопоставительного анализа явлений языка могут использовать различные методы сопоставления в зависимости от поставленных в конкретном исследовании задач, а также их комбинации.

Воронежский государственный университет

Стернин И. А., профессор кафедры общего языкознания и стилистики

E-mail: sterninia@mail.ru

Стернина М. А., зав. кафедрой английского языка естественно-научных факультетов

E-mail: sternina@vmail.ru

ЛИТЕРАТУРА

11. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж, 1985. – 170 с.
12. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика / И. А. Стернин. – М. : Восток-Запад, 2007. – 282 с.
13. Стернин И. А. Сопоставление как лингвистическая методология / И. А. Стернин, М. А. Стернина // Сопоставительные исследования 2015. – Воронеж : Истоки, 2015. – С. 3–11.
14. Стернина М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований / М. А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2014. – 114 с.

Voronezh State University

Sternin I. A., Professor of the General Linguistics and Stylistics Department

E-mail: sterninia@mail.ru

Sternina M. A., Head of the English Language for Natural Sciences Department

E-mail: sternina@vmail.ru

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ НАЧАЛО СБОРНИКА УКРАИНСКОГО ИМАЖИНИСТА Л. ЧЕРНОВА «ПРОФСОЮЗ СУМАСШЕДШИХ»

Т. А. Тернова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье исследуются интертекстуальные отсылки в сборнике Л. Чернова «Профсоюз сумасшедших», соотносящие его творчество не столько с имажинистским, сколько общевангардным литературным контекстом, что позволяет говорить специфике его литературного поиска.

Ключевые слова: имажинизм, авангард, Л. Чернов.

Abstract: the article researchers the intertextual references in the book by L. Chernova "Union crazy" that relate his work not only with literary context imagism and avant-garde, which suggests the specifics of its literature search.

Keywords: imagism, avant-garde, L. Chernov.

Русский имажинизм занимает особое место в ряду многочисленных литературных течений 1920-х гг. XX века. Теоретическим центром имажинизма являлся московский «Орден имажинистов», в состав которого входили В. Шершеневич, А. Мариенгоф, С. Есенин и др. Будучи эстетическим ориентиром для ряда факультативных групп авангардного характера [1], имажинизм имел множество приверженцев в российских городах: Петрограде (Воинствующий орден имажинистов), Саранске, Казани. Поэтике имажинизма следовали представители белорусской [2, 8], еврейской [2, 20], украинской литератур.

Литературная деятельность представителей второго ряда имажинистов изучена недостаточно, что определяет актуальность предпринимаемого исследования. Так, литературная практика имажиниста из украинского города Александрия Леонида Чернова (1899–1933) не удостоивалась персонального внимания. Его имя можно увидеть лишь в комментариях к отдельным стихотворениям в изданиях, посвященных имажинизму как литературному течению 1920-х гг. [3, 438–439]. Биографические справки о Л. Чернове содержат сборник «Поэты-имажинисты» [3, 526–527], статьи Р. Мельникова [4], А. Белых [5].

Поэты-имажинисты второго ряда выстраивают свое творчество между тремя определяющими зонами влияния, связанными с именами лидеров – теоретиков имажинизма Вадима Шершеневича, Анатолия Мариенгофа, Сергея Есенина. Творчеству Леонида Чернова эта тенденция свойственна лишь отчасти. Специфика литературного пути украинского имажиниста не позволяет однозначно соотносить его с имажинистским кругом, несмотря на его инте-

рес к деятельности московских имажинистов и долгое членство в петроградском «Воинствующем ордене имажинистов». Литературная деятельность Л. Чернова представляет собой характерный пример творчества провинциального автора, испытывающего интерес к авангарду в целом. Известно, что в Одессе (1923 г.) он сблизился с футуристами, в том же году встречался с В. Шершеневичем и петербургскими имажинистами, планировал участие в не вышедшей в свет «Малой антологии имажинистов», впоследствии, по возвращении на Украину, поддерживал контакты с группой «Новая генерация», возглавляемой футуристом Михаилом Семенко, был членом группы «Авангард» (лидер – Виктор Прошук), исповедовавшей принципы «пролетарского конструктивного динамизма» (См. [3], [4], [5]).

Наиболее показательным примером авангардно ориентированной творческой деятельности Л. Чернова является сборник «Профсоюз сумасшедших» (1924 г.), объединивший стихотворения 1921–23 гг.

Несмотря на то, что сборник посвящен «друзьям-имажинистам» (Виктории Белановской, Сергею Гончарову, Иосифу Кричевскому, Георгию Филианскому), его мотивно-образную систему можно соотнести с русским литературным авангардом в целом. Эту особенность текстов Л. Чернова отмечает, в частности, Г. Синило: «При всей зависимости от поэтики Шершеневича, поэзия Чернова имеет и свое оригинальное лицо: в ней гораздо больше судорожной экзатичности, глобальности образов, и порой эти черты напоминают опыты экспрессионистов и футуристов» [6].

Апелляция Л. Чернова к имажинистской поэтике очевидна. Обозначим наиболее показательные ракурсы этого соотношения:

1. Автопрезентация. Акцентирование внимания на творческом субъекте вообще характерно для

литературной практики имажинистов. Вспомним, например, название поэмы А. Мариенгофа «Анатолеград». К формам вербально выраженной автопрезентации прибегает и Л. Чернов, соотнося свое индивидуальное творчество с деятельностью имажинистов: «Мы – бродяги в счастье, мы – имажинисты» [7, 21]. Автопрезентации Л. Чернова нередко выстраиваются с учетом имажинистской образности. Например, автометаописательное стихотворение «Леонид Чернов» переключается с «Квartetом тем» В. Шершеневича: строка «Но никто не знает меня» присутствует в обоих текстах [7, 21], [8]. Лирический герой Л. Чернова называет себя одним из «жонглеров тел и пасхальных сердец» [7, 21], что также напоминает о литературных опытах В. Шершеневича и других имажинистов, настаивавших на том, что искусство есть не что иное, как смена масок, и отношения между жизнью и искусством выстраиваются в игровой парадигме.

Вывравнивание поэтического текста по правому краю. Графический прием, используемый В. Шершеневичем для обозначения его текстов имажинистского периода, системно применяется в сборнике «Профсоюз сумасшедших» Л. Чернова. В тексте украинского имажиниста этот прием содержательно обыгран: он подчеркивает инакость героев стихотворения – людей, сценарий жизни которых явно не соответствует нормам и представлениям обывателей.

3. Цитатные заголовочные комплексы. Не составляющие магистральную тенденцию в имажинистском текстостроении, цитатные заголовки становятся приметой поэтики Л. Чернова. Многие из них соотносятся с заголовками или фрагментами текстов представителей имажинистского центра. Ср.: «Эквилибристика образа» Л. Чернова – «Принцип звука минус образ», «Инструментовка образом», «Ритмическая образность» и др. В. Шершеневича; «Золотой кипяткок» – сборник «Золотой кипяткок» (С. Есенин, А. Мариенгоф, В. Шершеневич, 1921 г.); «Самосожжение» – сборники «Самосожжение» Рюрика Ивнева (книги стихов) 1913, 1914, 1916, 1917 гг.; «Стрелы бури» – сборник «Конница бурь» (А. Ганин, С. Есенин, А. Мариенгоф, 1920), а также подзаголовки: «Опыт динамической статики», «Опыт динамизма скульптуры» у Л. Чернова – заголовки «Динамическая статики», «Динамизм темы» у В. Шершеневича и др.

Апеллятивное поле сборника Л. Чернова составляют не только произведения имажинистов. В его художественном арсенале также поэма кубофутуриста В. Маяковского «Облако в штанах», нередко становившаяся предметом внимания имажинистов [10] [11]. Подзаголовок стихотворения Л. Чернова «Профсоюз сумасшедших (Второй крик)» – апелляция к «Облаку в штанах» («Четыре крика четырех частей»). Обращался Л. Чернов и к литературной периферии русского авангарда: в «Метрополитенах

улыбок» Л. Чернова слышится реминисценция строки «Метрополитена улыбки садистические» эгофутуриста И. Игнатьева («OPUS: – 55¹⁵» И. Игнатьева) [13, 2].

4. Переключки лирических сюжетов и образов текстов Л. Чернова и московских имажинистов. Так, к сюжету «Песни песней» обращались, помимо украинского имажиниста, В. Шершеневич, А. Кусиков, М. Ройзман, сохраняя название пратекста в заголовках своих произведений. Обращение к «Песни Песней» в рамках имажинизма не было случайным. Стиль «Песни Песней» они воспринимали как начало имажинизма (см. у В. Шершеневича: «Соломону – первому имажинисту»). Типично для лирики имажинистов также использование образов Голгофы (сравним: «Пятилетняя Голгофа. Поэмы» Л. Чернова – «Голгофа Мариенгофа» (строка В. Хлебникова)) и Магдалины, нередко выносимых в заголовки текстов, (см. стихотворение Л. Чернова [9, 53] – и поэму «Магдалина» А. Мариенгофа).

Восприятие поэзии как цепочки образов. Иллюстрировать эту важную для имажинистской поэтики мысль можно случайным отрывком из стихотворений Л. Чернова:

И среди тех, что колбасами в буднях висели,
Чтоб валюту, вагоны и кожу ловить —
Мы в огненных розах
Свистим в карусели
Веселой, бушующей, пьяной Любви [13, 7].

Специфическое понимание характера взаимоотношений поэта и толпы. Поэт-циник, гаер, шут, арлекин – сквозной персонаж лирики имажинистов – цинически выстраивает взаимоотношения с представителями толпы, эпатуруя их вкусы, выстраивая с ними отношения торга. Так в «Ярмарке мечтателей» Л. Чернова [13, 21] и «Кооперативах веселья» В. Шершеневича [14].

Отказ от трагического. Значимая для имажинизма идея просматривается в заголовках стихотворений Л. Чернова «Факультеты радости», «Ярмарка мечтателей» и В. Шершеневича «Кооперативы веселья».

Тем не менее, как мы уже отмечали, наряду с цитатным и аллюзийным обращением к имажинистскому творчеству, в литературной работе Л. Чернова есть и иные, показательные для авангарда в целом или отдельных авангардных направлений моменты. В их числе:

Сюжетообразующая антитеза 'я' – 'вы', фиксируемая во всех без исключения произведениях Л. Чернова из сборника «Профсоюз сумасшедших». Ее реализация оказывается значимей для автора, нежели обозначение формальных признаков текста, размышление над структурой образа. Базовая характеристика 'я' – динамизм. Отсюда строки: «Эй, – все, кому нудно в вонючей квартире...» [15, 7], «Где в плесени дней – невозможная вонь» [15, 8].

2. Религиозные построения, соотносимые с футуристическими, отрицание канонической религиозной доктрины: «Мы обратно вышвырнем богу / и Евангелие и Коран» (мотив не характерен для петербургского имажинизма), построение новой: «Мы напишем новую Библию / Пером из хвостов комет» [15, 9]. «Евангелие от Чернова» (сб. 1920 г.) – ср. с текстом В. Маяковского («Тринадцатый апостол» – первый вариант названия поэмы «Облако в штанах»).

3. Общеавангардные проявления эпатажа, эстетика «плевка» (ср. В. Маяковский «Нате!», А. Мариенгоф «Кровью плюем зазорно...»): «Плевком – на огни из дешевого воска...» [15, 8], стихотворение «Плунуть в лицо» [15, 16].

4. Мотив сумасшествия в соотнесении с мотивом телесности (см. также, например, стихотворение И. Северянина «В березовом котэдже» [16, 14–15], в котором безумие понимается как погружение в пучину страстей, удовлетворение своих желаний, в том числе физического порядка). Сумасшествие в интерпретации Л. Чернова предполагает физиологичность, которая воспринимается как антитеза рациональности и духовности. Поэт нарочито различает веселье тела и вещизм, который явно ассоциируется с миром обывателей:

И средь тех, кто колбасами в буднях висели,
Чтоб валюту, вагоны и кожу ловить, –
Мы в огневых розах
Свистим в карусели

Веселой, бушующей, пьяной Любви [17, 8].

Неприятие обывательского быта также в целом характерно для футуристической линии развития русского авангарда.

5. Представление о безумии. Обозначение эмоционального компонента сумасшествия. В сборнике Л. Чернова эмоция безумия – радость, что характерно для лирики авангарда: ср. «Срываю / Тоску с сумасшедшего сердца. / И кружусь / И пьянею / На базарных каруселях веселья» (Г. Сидоров [18, 100]). Восприятие безумия как способа преодоления всевозможных границ, беспредельного раскрепощения. Ср. у Л. Чернова:

Так давайте же к солнцу прямо чрез тучи,
Чтобы радугой в небо железные плечи,
Давайте откроем – веселый, могучий –
Профсоюз Сумасшедших! [19, 8]

и у И. Игнатьева: «И тогда я услышу всю звучь и увижу весь спектр» [20, 6].

6. Привычная для футуристической традиции антитеза «статика» / «динамика». Ассоциируемые со статикой «чадить», «нудно», «воск», «вонь» получают в сборнике Л. Чернова следующие противопоставления: «рев», «громовое Проснись», «веселая... Любовь». В тексте присутствует также антитеза малое vs большое, поддерживающая основную: так, с одной стороны, появляются образы «грошковые

свечи», «блоха», с другой – во фрагментах текста используются заглавные буквы, иллюстрирующие ценности новых людей, которым открыта полнота чувств: «Любовь», «Проснись», «Профсоюз Сумасшедших», полнота восприятия мира, в котором есть цвет (розы) и звук (рев).

7. Использование глаголов повелительного наклонения, которые иллюстрируют футуристическую проективность, идею преобразования настоящего:

Так давайте же к солнцу прямо чрез тучи,
Чтобы радугой в небо железные плечи,
Давайте откроем – веселый, могучий –
Профсоюз Сумасшедших! [19, 8]

8. Радостное, а не безоценочно-констатационное, как в лирике имажинистов, восприятие революции: «Колосом Радости в солнечных нивах / Зреет для нас Революция» [19, 10].

9. Использование поэтических приемов, не востребованных имажинистами, например каламбурной рифмы:

Шептал хихи-
Кая ехи-
Дно – тих-
Ий труп» [19, 27].

Таким образом, сборник Л. Чернова «Профсоюз сумасшедших» содержит интертекстуальные отсылки как к имажинистскому, так и общеавангардному литературному контексту, что позволяет говорить о специфике направления его литературного поиска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тернова Т. А. Авангард футуристической линии развития как целостное эстетическое явление / Т. А. Тернова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2011. – № 4. – С. 200–206.
2. Ройзман М. Белорусские имажинисты. Еврейские имажинисты / М. Ройзман // Гостиница для путешествующих в прекрасном. – 1924. – № 1 (3). – С. 8, 20.
3. Поэты-имажинисты / сост. Э. М. Шнейдерман. – СПб.: Петерб. писатель, 1997. – 536 с.
4. Мельників Р. На Розі Бур Театру Бунтів / Р. Мельників // Кур'єр Кривбасу. – 2007. – листопад-грудень. – С. 148–159.
5. Белых А. «Профсоюз сумасшедших» / А. Белых // Сетевая словесность. – Режим доступа [http://www.netslova.ru/belyh/chernov.html]
6. Синило Г. В. Танах и мировая поэзия / Г. В. Синило. – Минск: Экономпресс, 2009. – 880 с. Режим доступа [http://zinki.ru/book/tanah-i-mirovaya-poesiya/pesn-pesnej-i-russkij-imaghinizm/29].
7. Чернов Л. Профсоюз сумасшедших. Лирика / Л. Чернов. – Владивосток: Промкомпомгол, «Красное знамя», 1924. – 80 с.
8. Шершеневич В. Лошадь как лошадь. – 3-я книга лирики / В. Шершеневич. – М.: Кн-во Плеяда, 1920. – Б. п.

9. Чернов Л. Профсоюз сумасшедших. Лирика / Л. Чернов. – Владивосток : Промкомпомгол, «Красное знамя», 1924. – 80 с.
10. Прилепин З. Великолепный Мариенгоф / З. Прилепин // Сура (Пенза). – 2014. -- № 1. – С. 155–166.
11. Тернова Т. А. «Облако в штанах» В. Маяковского как прецедентный текст в поэзии А. Мариенгофа имажинистского периода / Т. А. Тернова // Труды молодых ученых ВГУ. – Воронеж : ВГУ, 2007. – Вып. 1-2. – С. 180–183.
12. Игнатьев И. Эшафот. Эго-Футуры / И. Игнатьев. – СПб. : Петербургский глашатай; 1914. – 16 с.
13. Чернов Л. Профсоюз сумасшедших. Лирика / Л. Чернов. – Владивосток : Промкомпомгол, «Красное знамя», 1924. – 80 с.
14. Шершеневич В. Лошадь как лошадь. – 3-я книга лирики / В. Шершеневич. – М. : Кн-во Плеяда, 1920. – Б. п.
15. Чернов Л. Профсоюз сумасшедших. Лирика / Л. Чернов. – Владивосток : Промкомпомгол, «Красное знамя», 1924. – 80 с.
16. Северянин И. Собр. соч. : В 5 т. / И. Северянин. – Т. 1 – М. : Книжный клуб ТЕРРА, 2008.
17. Чернов Л. Профсоюз сумасшедших. Лирика / Л. Чернов. – Владивосток : Промкомпомгол, «Красное знамя», 1924. – С. 7.
18. Русский экспрессионизм / сост. В.Н. Терехиной. – М. : ИМЛИ РАН, 2005. – С. 100.
19. Чернов Л. Профсоюз сумасшедших. Лирика / Л. Чернов. – Владивосток : Промкомпомгол, «Красное знамя», 1924. – С. 8.
20. Игнатьев И. Эшафот. Эго-Футуры / И. Игнатьев. – СПб. : Петербургский глашатай; 1914. – 16 с.
21. Экспрессионисты / Е. Габрилович, Б. Лапин, С. Спасский, И. Соколов. – М. : Сад академа, 1921. – 16 с.

Воронежский государственный университет

*Тернова Т. А., доктор филологических наук, доцент
кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории ли-
тературы и фольклора*

E-mail: ternova@phil.vsu.ru

Voronezh State University

*Ternova T. A., Doctor of Philology, Associate Professor of the
Russian Literature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature
and Folklore Department*

E-mail: ternova@phil.vsu.ru

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ РОМАНА «ТИХИЙ ДОН» В НОВЕЙШЕМ КУЛЬТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А. Б. Удодов

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2016 г.

Аннотация: рассмотрены новейшие артефакты кинематографических и театрально-сценических интерпретаций романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» в контексте проблемы социально-эстетического функционирования произведений отечественной классики в большом историческом времени.

Ключевые слова: русская литературная классика, социально-эстетическое функционирование, культурно-эстетический дискурс, динамика общественного восприятия.

Abstract: the article deals with the new artifacts of the cinema and theatrical interpretation of the M. A. Sholokhov's novel «The Quiet Don» in the context of the problem of socio-aesthetical of the functioning of the Russian classical novels in a large historical time.

Keywords: Russian literary classics, socio-aesthetical functions, cultural-aesthetic discourse, dynamics of the social reception.

На исходе прошлого столетия в первых попытках очертить XX век как особую литературную эпоху для отечественной литературоведческой мысли актуализировалось определение «века-волкодава» и как «века-мифотворца» [1, 3]. Указанная тенденция была акцентирована в том числе и при обращении к проблеме осмысления феномена русской литературной классики XX столетия, статус которой представлял достаточно зыбким и изменчивым в процессах «разоблачений» / «реабилитаций» перестроечной эпохи по отношению к разным писательским персоналиям. При поисках новых ориентиров проблема соотношения «мифов и реалий» представляла как в процессах разрушения традиционных мифов советской эпохи, так и в скоропалительных попытках неомифотворчества [1, 4–6]. Такая своеобразная «живучесть» мифопорождающих тенденций являла не только знамение времени, но и имела основу во всём культурно-историческом опыте мирового искусства, отражая стремление человека к поиску универсальных решений в ответах на смысложизненные вопросы бытия. В российской национальной специфике стремление (и писателя, и читателя) «дойти до самой сути» акцентировано, как известно, и на глубинном ментальном уровне. Тем самым мифологемы образно-смыслового плана представляли по-своему неотъемлемым атрибутом как художественной практики литературного процесса, так и форм его общественного восприятия.

Вместе с тем обращение к литературному наследию XX века высвечивало и иную (во многом противоположную) тенденцию общекультурного

плана, где «искусство... – не просто, не прямолинейно – шло дорогой от мифа о человеке к «человеку просто» (Выделено нами. – А. У.), поскольку для общественного восприятия актуализировались «образы, которые не отодвинуты от... людей своей могучестью, своими сказочными возможностями, а, напротив, сближены с их обыкновенностью, с их подлинностью <...> Такие образы будет непременно отличать доверительность – чрезвычайно важная категория в сумме явлений, складывающих художественность» [2, 3–4].

Такой разнонаправленной и в то же время интегративно-диалогический процесс «нахождения в человеке человека» по-своему ярко маркирует пути развития отечественной литературы как художественной антропологии, – где «целостному родовому человеку как представителю человеческого рода всегда в той или иной мере противостоит видовой, частичный человек как представитель сословия, касты, профессии, конкретного исторического времени...» [3, 14].

Если обратиться к формуле «жизни в веках», по-своему маркирующей процесс социально-эстетического функционирования литературных произведений в большом историческом времени, то здесь диалогическая взаимокорректировка мифологемы Человека с большой буквы и образных реалий «человека просто» демонстрирует своеобразный алгоритм генерации корпуса отечественной литературной классики и форм её общественного восприятия, – как в XIX, так и в XX, и в XXI столетиях.

При этом данный процесс (с попеременной периодической актуализацией указанных аспектов)

проецируется, как правило, и в широкое поле художественной культуры, – где интерпретация литературной первоосновы произведения иными видами искусства являет порой синхронию сосуществования разнонаправленных тенденций.

Одним из показательных примеров такого плана видятся две новейшие интерпретации романа «Тихий Дон» – в кинематографе и на театральной сцене (2015 г.), где в указанных областях имеется достаточно обширная художественная традиция со своей «историей изучения вопроса» [4, 85–94]. Внесение в такую историю современных дополнений представляется насущной задачей сегодняшнего дня.

Последняя (четвёртая по счёту) экранизация «Тихого Дона» (режиссёр С. Урсуляк), пришедшая к зрителю на российском телевидении в конце 2015 года, предстаёт в известной мере полемичной по отношению к предшествующим опытам такого рода и, прежде всего, к фильму С. Герасимова (1957), претендовавшему в своё время на создание кинематографического эпоса – своеобразную мифологию «гигантского конфликта, лежащего в недрах самой истории» [5, 46]. Для понимания же и оценки образно-смыслового содержания, поэтики и эстетики фильма С. Урсуляка отправной точкой видятся некоторые высказывания режиссёра, предварявшие премьерный показ (интервью в телепередаче «Тихий Дон»: съёмки на фоне эпохи»; ТК «Россия1», 29.XI.2015, ведущий С. Брилёв). Главный предмет изображения в свете режиссёрского замысла – это *семья* как ценностная доминанта; драматизм повествования – «в распадае семьи» (и в традиционном значении, и в более масштабном видении: «хутор Татарский – это тоже своего рода семья»; «люди жили просто, а им навязали сложность»).

Действительно, именно семья – Мелеховых, но и не только (и хутор Татарский в целом как расширенный контекст этой семьи, где присутствует тесное переплетение родственных связей), – находится на авансцене киноповествования. При этом сделан акцент на межличностные отношения и коллизии, в которых сюжетная драматургия предстаёт часто как *борьба страстей*, – не слишком отягощённых идеологическим наполнением или смысловым поиском. Главное же – «мысль семейная» предопределяет художественный ракурс изображения картины мира в фильме: мы видим этот мир только глазами героев, ограниченных реалиями их собственной жизненной судьбы. В этом весьма существенное отличие от литературной первоосновы романа, где, как помним, постоянно присутствует всеобъемлющее мировидение *автора* в пространстве / времени: авторские исторические экскурсы и реминисценции, «родословные» героев, пространственно-географические обобщения и ассоциации, лирические отступления и т. п.

Такой широко понимаемый «авторский комментарий» во многом и создаёт эпические масштабы романного повествования. В кинематографе подобного рода функцию может осуществлять «закадровый» текст. Но в фильме С. Урсуляка такой текст (воплощающий, по сути, культурно-исторический контекст повествования) не звучит; более того, присутствует, на наш взгляд, его сознательная редукция. В фильме почти нет исторических фигур, достаточно ярко представленных в романе. Не нашлось места и «героям-идеологам» революционного переустройства жизни (Штокман, Гаранжа, Бунчук).

Во всём этом видится установка авторов фильма на ослабление идеологической составляющей повествования и его своеобразную «деэпизацию», что, безусловно, увеличивает дистанцию киноверсии от литературной первоосновы. Но вопрос о том, следует ли считать такой подход издержками трактовки шолоховского романа, думается, не во всём корректен. Здесь, на наш взгляд, присутствует не просто субъективное стремление режиссёра «рассказать эту историю своими словами» [6, 12], но попытка высветить определённую ипостась этой «истории», которая объективно заложена в содержании «Тихого Дона» и по-своему актуализируется на современном этапе.

При этом повествование о «человеке просто» отнюдь не является каким-то откровением или открытием ранее неотрефлексированного содержания романа. В качестве доказательства стоит привести высказывание одного из классиков советского кинематографа, режиссера А. Довженко из далёкого 1940-го года, когда роман только-только был завершён. Для А. Довженко «впечатления» о «Тихом Доне» «суммируются... таким образом: жил веками тихий Дон, жили казаки и казачки, ездили верхом, выпивали, пели... был какой-то сочный, пахучий, устоявшийся, тёплый быт. Пришла революция, советская власть, большевики, – разорили тихий Дон, разогнали, натравили брата на брата, сына на отца, мужа на жену; довели до оскудения страну... заразили триппером, сифилисом, посеяли грязь, злобу... погнали сильных, с темпераментом людей в бандиты... и на этом дело кончилось» [7, 163].

Такого рода картина расценивалась тогда А. Довженко (по вполне понятным сегодня причинам) как «огромная ошибка в замысле автора» [7, 163]. Нам же здесь важно подчеркнуть что увиденное некогда острым глазом одного талантливого режиссёра – оказывается по смыслу фактически тождественно формуле другого – нашего современника: «люди жили просто, а им навязали сложность». «Простота» здесь выступает естественной *нормой* человеческого существования, а «сложность» (экстремальность, трагедийность) – нарушением такой нормы. И XX «век-волкодав», до предела насыщенный для российского социума подобными нарушениями, являет,

тем не менее, моменты апелляции «от мифа о человеке – к «человеку просто».

Вместе с тем мощнейшая образно-смысловая энергетика романа, давно переросшего статус собственно литературного явления и обретающего всё более явственно значение *феномена культуры*, вновь и вновь генерирует, в том числе и на современном этапе, апелляцию к Человеку «родовому», – где в глобальных коллизиях культурно-цивилизационного масштаба актуализируются проблемы смыслового поиска человеческого предназначения в своеобразном «мифопоэтическом» ключе.

В этом плане по-своему знаменательна другая премьера 2015 года – вокально-хореографический спектакль «Донская легенда» по мотивам романа «Тихий Дон», созданный Липецким государственным театром танца «Казачьи России» (режиссёр Т. Ковтун). В последние два года спектакль был представлен на разных театральных сценах страны (премьерный показ в Воронежском театре оперы и балета – 18.11.2016 г.), став заметным явлением в культурной жизни России и породив достаточно широкий общественный резонанс (отклики и рецензии в «Литературной газете», журнале «Балет» и др.).

Для определения образно-смысловой и жанровой специфики данной интерпретации «Тихого Дона» показательно уже название спектакля – «Донская легенда». Мотив «легендарности», как известно, по-своему родственен традиционной модели мифотворчества – в установке на изображение явлений, событий, сюжетов ярких, неординарных, порою фантастических, но претендующих вместе с тем на достоверность. При этом образно-событийная конкретика повествовательных и изобразительно-выразительных форм явно или опосредованно поднимается до широких обобщений, концептов и символов. Здесь могут присутствовать как своеобразные «объяснения» сущности мира и человека, так и декларирование определённых ценностных ориентиров для их существования.

При том, что в «Донской легенде» целенаправленно акцентирован «казачий колорит» (в костюмах, декорациях, песнях и пр.), исторические реалии представлены в подчёркнуто условных, порою фантастически преображённых формах. История (и конкретный сюжет о судьбе главного героя) здесь – некая «стартовая площадка» для развёртывания своеобразной *мистерии*, воплощающей борьбу сил

Добра и Зла (коллективный танец актёров, персонафицирующих эти силы, – одна из кульминационных сцен спектакля). Центральным же символическим образом-персонажем, проходящим через всё действие, предстаёт образ Смерти, – который находится в постоянном сценическом контакте-сопутничестве с персонажами шолоховских героев (воплощающими, надо полагать, совокупный образ Жизни).

В такой трактовке «Донская легенда» предстаёт и как своего рода *притча* (где, в соответствии с природой жанра, осуществляется поиск ответов на явно или опосредованно поставленные вопросы). Одним из таких вопросов видится «вызов истории» в её национальной специфике; а в качестве ответов – поиск путей *спасения* и сохранения в человеке Человека – его родовой глубинной сущности.

Если исходить из определения «русской картины мира» как «очной ставки» земного человека с Миром и Вечностью [4, 148], можно видеть, что идентификационные коды такой модели, заложенные в текстовой первооснове «Тихого Дона», по-своему разноаспектно акцентированы в рассмотренных артефактах отечественного искусства. Такой культурно-эстетический дискурс высвечивает на современном этапе процессы «жизни в веках» шолоховского романа как произведения русской литературной классики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская литература XX века: поиск ориентиров. Часть I. Мифы и реалии / под ред. А. Б. Удодова. – Воронеж: ВГПУ, 1995. – 172 с.
2. Абрамов А. М. Горький. От мифа от человека к «человеку просто» / А. М. Абрамов // Революция. Жизнь. Писатель. – Воронеж: ВГУ, 1980. – С. 3–9.
3. Удодов Б. Т. Пушкин: Художественная антропология / Б. Т. Удодов. – Воронеж: ВГУ, 1999. – 304 с.
4. Удодов А. Б. Роман «Тихий Дон» как эстетическая реальность: феномены самоорганизации: монография / А. Б. Удодов. – Воронеж: ВГПУ, 2015. – 182 с.
5. С. Герасимов о своём творческом пути / С. Герасимов. – М.: Бюро пропаганды советского искусства, 1965. – 62 с.
6. Урсуляк С. Казачество – это отсутствие рабства в душе / С. Урсуляк // Собеседник. – 2015. – № 46. – С. 12–13.
7. Дворяшин Ю. А. М. Шолохов: Грани судьбы и творчества / Ю. А. Дворяшин. – М.: Изд. дом Синергия, 2015. – 224 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Удодов А. Б., профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: kaf214@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University

Udodov A. B., Professor of the Russian language, Russian and Foreign Literature Department

E-mail: kaf214@yandex.ru

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА: СУБЖАНР ЛИЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В. А. Черванёва

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 22 сентября 2016 г.

Аннотация: статья посвящена проблеме экспликации мифологической информации в форме различных речевых жанров в ситуации исследовательского интервью. Рассматривается еще не описанный в науке речевой жанр мифологического текста, занимающий пограничное положение между быличкой и поверьем, – личная интерпретация мифологических представлений.

Ключевые слова: мифологический текст, речевой жанр, коммуникативная ситуация, структура текста.

Abstract: the article is devoted to the explication of the mythological information in the form of different speech genres in the situation of the research interview. The paper describes the speech genre of mythological text, which occupies a borderline position between belief legends and beliefs – a personal interpretation of mythological concepts.

Keywords: mythological text, speech genre, the communicative situation, the structure of the text

Одной из обсуждаемых проблем в исследованиях мифологической прозы является проблема ее жанровой организации. Дискутируются такие вопросы, как границы жанров (например, вопрос о принадлежности поверий к фольклорным или этнографическим фактам [1, 13; 2, 7; 3; 4]), состав жанров мифологической прозы, их характер и вообще релевантность использования жанрового критерия для научного описания данных текстов народной культуры. Сложность и дискуссионность обозначенной проблемы во многом обусловлена характером материала: мифологический текст не обладает четкой структурой и не существует «сам по себе», вне речевого контекста – он всегда интегрирован в повседневную коммуникацию, в диалог и, по сути, представляет собой особый тип речевого акта – высказывание на мифологическую тему.

При описании жанровой дифференциации фольклорных текстов, имеющих достаточно четкую структуру и форму (сказок, песен, былин), критериями отнесения текста к той или иной жанровой разновидности выступают как формальные признаки, так и содержательные – тематика, круг мотивов, типичные персонажи и образы. В мифологических же текстах содержание не является жанровым маркером: содержательно сходные тексты могут демонстрировать значительное различие формы и структуры.

На эту особенность обратила внимание Е. Е. Левкиевская, предложив для описания мифологического текста концепцию системы речевых жанров, в которых константное мифологическое содержание

получает конкретную речевую реализацию в различных жанровых формах – быличке, поверье, дидактическом высказывании, обращении к мифологическому персонажу [5]. Исследовательница сделала акцент на речевом статусе этих форм, поскольку жанровая принадлежность мифологического текста обуславливается языковыми факторами, а также внеязыковыми, но связанными с контекстом экспликации текста.

Речевые жанры мифологического текста представляют собой систему с четко противопоставленными дифференциальными признаками: тип речевого акта (информатив / директив), характер информации (личный / коллективный опыт), соотношение статусов говорящего и слушающего, форма выражения информации – степень эмоциональности / логизированности изложения (см. табл. 1). Данная система жанровых критериев может быть дополнена, на наш взгляд, еще одной характеристикой – характером диалога (степенью формализованности), которая находится в связи с параметром соотношения статусов участников коммуникации.

При рассмотрении всего текстового массива интервью обнаруживаются примеры, которые являются жанром, не соответствующим ни одному из описанных Е. Е. Левкиевской. Ср. следующие записи¹:

<Инф.>: Ну-у... Я верю в то, что возможно это бывает, но как бы зависит, может быть, от психологического настроя человека, как человек сам воспринимает. Как... как бы человек сам воспринимает уход близкого и, может быть, желание видеть его, желание общаться с ним... Не знаю. Но в то, что душа как-то появляется, я все-таки верю.

(ЛАА, инф. У. М. Н., 2015 г., Воронеж)

<Соб.>: К чему снятся умершие родственники?

<Инф.>: Ну, говорят к перемене погоды, но я не уверена. Не знаю, мне кажется, просто, наверное, в подсознании человек все равно помнит своих родных и как-то, может быть, когда-то что-то срабатывает <...> Кстати, вот по РенТВ передачи такие идут всякие, я частично слышу, частично нет... и вот буквально вчера была о том, что, что как бы ученые уже начали доказывать, что существует какая-то вот... ну что-то, какая-то жизнь, не то что вот такая же, нет, вот тело наше, оно может быть типа скафандр какой-то там или, может быть, оно плохое уже становится, уходит...

(ЛАА, инф. Г. Г. Н., 2015 г., Воронеж)

[КВН:] Хозяйка не должна на неё [корову] ругаться, когда в поле выпускает или ещё там куда-то.

[КЮА:] Я так понимаю: если просто так обругали, без зла, пускай там любым: «Понеси тебя леший», – и прочее, и прочее. Но если со злом человек сказал.

[КВН:] Энергию отрицательную послал, комок энергии.

[КЮА:] Добавляют в эти слова – тут уже да.

[КВН:] Мама говорила раньше, что нельзя такие слова говорить.

(АЛФ РГГУ, инф. КВН, КЮА, 1996 г., Ухта-Песок)

При многочисленности и типичности подобных примеров очевидно, что они представляют переходные случаи – некий субжанр, который тем не менее находится в рамках одной системы, поскольку для его характеристики релевантны те же самые параметры описания. Тексты этого речевого жанра обладают следующими дифференциальными признаками.

1. По типу речевого акта – это информатив, содержательно близкий к поверью.

2. По характеру информации рассматриваемый тип текста занимает промежуточное положение на шкале коллективности / индивидуальности содержания. Для текстов этого жанра характерна передача коллективных, по сути, идей, мнений, оценок, но в форме личного мнения говорящего. Этот параметр текста получает выражение посредством лексических маркеров субъективной модальности (*наверное, мне кажется, я думаю, это мое мнение* и др.).

Характерной особенностью содержания данных текстов являются элементы рационализации верований (Ср.: «энергия», «подсознание» и проч.), свидетельствующие о стремлении информанта включить необъяснимые факты в поле позитивного знания. Чаще всего это осуществляется в виде рассуждений околонучного характера, представляющих собой личные, собственные интерпретации ситуации или явления, однако в этих «личных», на первый взгляд, текстах прослеживаются общие для традиции мифологические модели интерпретации и мифологические механизмы представления информации, поэтому вполне правомерным будет отнесение данных текстов к сфере фольклорных фактов.

3. По соотношению статусов говорящего и слушающего текст рассматриваемого жанра предполагает неодинаковый статус собеседников, поскольку трансляция своего мнения сопряжена с восприятием говорящим себя как имеющего более высокий статус по сравнению со слушающим. Таким образом, сама ситуация интервью, в которой происходит экспликация текста, ставит говорящего (информанта) в положение высокостатусного собеседника. В то же время говорящий стремится поддерживать этот статус в глазах слушателя, поэтому осуществляет тактику «заигрывания» с собеседником, у которого предполагает наличие рационального типа мышления, как у человека образованного и городского.

4. Тексты данного типа появляются в ситуации формально организованного диалога – интервью, более того, они спровоцированы вопросами собирателя.

5. Рассматриваемые тексты существуют в форме умственных суждений, что сближает их с поверьями, однако, в отличие от поверий, в данных текстах представлен сам процесс рассуждения, а не только результат.

Описанный речевой жанр мифологического текста уместно, на наш взгляд, обозначить как «личную интерпретацию», что отражает основную отличительную характеристику содержания этого типа текстов.

Представим дифференциальные признаки речевых жанров мифологической прозы в виде таблицы.

Таблица 1.

Дифференциальные признаки речевых жанров мифологического текста

Речевой жанр мифологического текста	Тип речевого акта	Характер информации	Соотношение статусов говорящего и слушающего	Характер диалога	Степень эмоциональности / логизированности
быличка	информатив	личный опыт столкновения с мифологическим явлением	примерно равный статус обоих собеседников	ситуации неформального, бытового или слабо ритуализованного диалога	в форме эмоционального переживания

поверье	информатив	обобщенное коллективное знание о мифологическом явлении	разный статус собеседников (высокий → низкий)	ситуации формально организованного диалога	в форме умственных суждений, содержащих дефиницию
дидактическое высказывание	директив	обобщенное коллективное знание о мифологическом явлении	разный статус собеседников (высокий → низкий)	ситуация бытового обучения	в смешанной форме умственных сентенций и эмоционального переживания
обращение к мифологическому персонажу	директив	личное обращение к потустороннему явлению	разный статус собеседников (низкий → высокий)	формальная ситуация строго ритуализованного диалога	в эмоционально окрашенной форме
личная интерпретация	информатив	коллективное знание, позиционируемое как личное	разный статус собеседников (высокий → низкий)	ситуации формально организованного диалога	в форме умственных суждений

Дальнейшие перспективы изучения высказываний на мифологическую тему в свете теории речевых жанров связаны с решением вопроса о детерминированности структурных и содержательных особенностей жанровых моделей параметрами коммуникативной ситуации экспликации текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова Л. Н. Былички и демонологические поверья: границы фольклорного текста / Л. Н. Виноградова // Живая старина. – 2004. – № 1. – С. 10–14.
2. Разумова И. А. Сказка и быличка / И. А. Разумова. – Петрозаводск : Карельский науч. центр РАН, 1993. – 112 с.

3. Неклюдов С. Ю. «Этнографический факт» и его фольклорные экспликации / С. Ю. Неклюдов // Фольклор и этнография. К 90-летию со дня рождения К. В. Чистова / Отв. ред. А. К. Байбурун, Т. Б. Щепанская. – Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2011. С. 40–47.

4. Черванева В. А. Быличка и поверье как разные способы передачи информации / В. А. Черванева // Живая старина. – 2014. – №1 (81). – С. 33–35.

5. Левкиевская Е. Е. Прагматика мифологического текста / Е. Е. Левкиевская // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. [Вып. 10]. – Москва : Индрик, 2006. – С. 150–214.

Воронежский государственный педагогический университет

*Черванёва В. А., кандидат филологических наук, доцент
E-mail: viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

Voronezh State Pedagogical University

*Chervaneva V. A., Candidate of Philology, Associate Professor
E-mail: viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

МЕСТО И ЗАДАЧИ МЕДИАМОНИТОРИНГА В КОНТЕКСТЕ МЕДИАМЕНЕДЖМЕНТА

Р. М. Алгулиев, С. Р. Абдуллаева

Институт информационных технологий НАНА,

Бакинский государственный университет

Поступила в редакцию 6 января 2017 г.

Аннотация: статья посвящена определению места и задач медиамониторинга в управлении отношениями с клиентами и анализу применения CRM-систем (система управления отношениями с клиентами) в медиаресурсах.

Ключевые слова: управление отношениями с клиентами, медиамаркетинг, медиаменеджмент, медиамониторинг, CRM-системы, технология «клиент-сервер», социальный CRM.

Abstract: the paper clarifies location and tasks of media monitoring in customer relationship management in the media resources, and defining the application of CRM systems (Customer Relationship Management System). The merits of CRM-systems have been commented, features and benefits of CRM-technology analyzed, and proposals on effective implementation of CRM in the e-media resources have been put forward in the paper.

Keywords: costumer Relationship Management, media marketing, media management, media monitoring, CRM-systems, «client-server» texnology, social CRM.

В настоящее время невозможно представить организации и структуры, в том числе медиаструктуры без персонального веб-сайта. Преимущества, созданные Интернетом для учреждений, можно расположить в нижеследующем порядке [1]: выгодное средство коммуникации; интересная информация; возможность сокращения технических и административных расходов внутри учреждений; целесообразность формирования информационных систем, позволяющих создать привлекательный имидж компании в Интернете; значительная экономия времени, затрачиваемого на поиск информации.

ОСНОВЫ ЭФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИАМЕНЕДЖМЕНТА

В общем виде менеджмент – это определенная наука, основанная на умении добиваться поставленных целей, используя труд, мотивы поведения, талант и интеллект разных людей [2]. Как и во многих других областях, в настоящее время медиаструктуры также в своих учреждениях стремятся усовершенствовать систему управления информацией с целью эффективной организации работы по менеджменту. Ниже перечислены основные факторы, придающие импульс этому процессу [3]: перманентное развитие информационных технологий и информационных систем; конкуренция; «неуправляемость» информа-

цией (потенциала предыдущих систем для управления и хранения информации, накопленной в течение дня в компании, недостаточно); рост доверия к информационному менеджменту.

В настоящее время в медиаструктурах проводятся мониторинги с целью изучения аудитории. Для определения удельного веса аудитории используются различные категории [4]:

- *тираж* (объем распространения): количество потенциальных людей, окруженных медиасредством;

- *аудитория*: количество потребителей, соприкасающихся с рекламными средствами;

- *эффективная аудитория*: количество людей, соприкасающихся с рекламными средствами и обладающих потенциальными характеристиками клиентов;

- *фактическая аудитория*: количество потенциальных потребителей, осведомленных о рекламной афише.

Фирмы ощущают пользу от эффективной организации медиаменеджмента [5]: создается надежная информационная база для устойчивого управления бизнесом; минимизируются ошибки, связанные с человеческим фактором (сокращаются затраты на рабочую силу; экономится время; сокращаются расходы; осуществляется оперативный контроль для менеджмента; улучшаются отношения с клиентами, что приводит к увеличению количества запросов

к сайту; ускоряются бизнес-процессы; становится возможным вести ценный статистический анализ на основе единой базы данных; упрощается процесс принятия решений, которые принимаются на основе более качественной информации; повышается информационная безопасность).

Медиамониторинг, являющийся одним из видов информационной деятельности, направленной на сбор и использование информации, выступает в качестве информационной основы принятия обоснованных управленческих решений.

На рис. 1 представлена структура менеджмента медиаресурсов в режиме онлайн.

В первую очередь отметим, что процесс управ-

ления онлайн медиа является периодическим процессом. Так, мониторинг визуализированных данных, которые будут отражены в медиаресурсах, проводится медиаменеджерами посредством мониторов, служащих различным целям. Затем проводится анализ данных и принимается решение о вещании фильтрованной информации в медиаресурсах. Информация отображается на веб-сайтах со стороны журналистов, которые участвуют в этом процессе. А качественные показатели отображенной информации, в свою очередь, могут вновь пройти мониторинг в периодическом процессе. В результате осуществляется процесс периодического управления онлайн медиаресурсами (рис. 1).

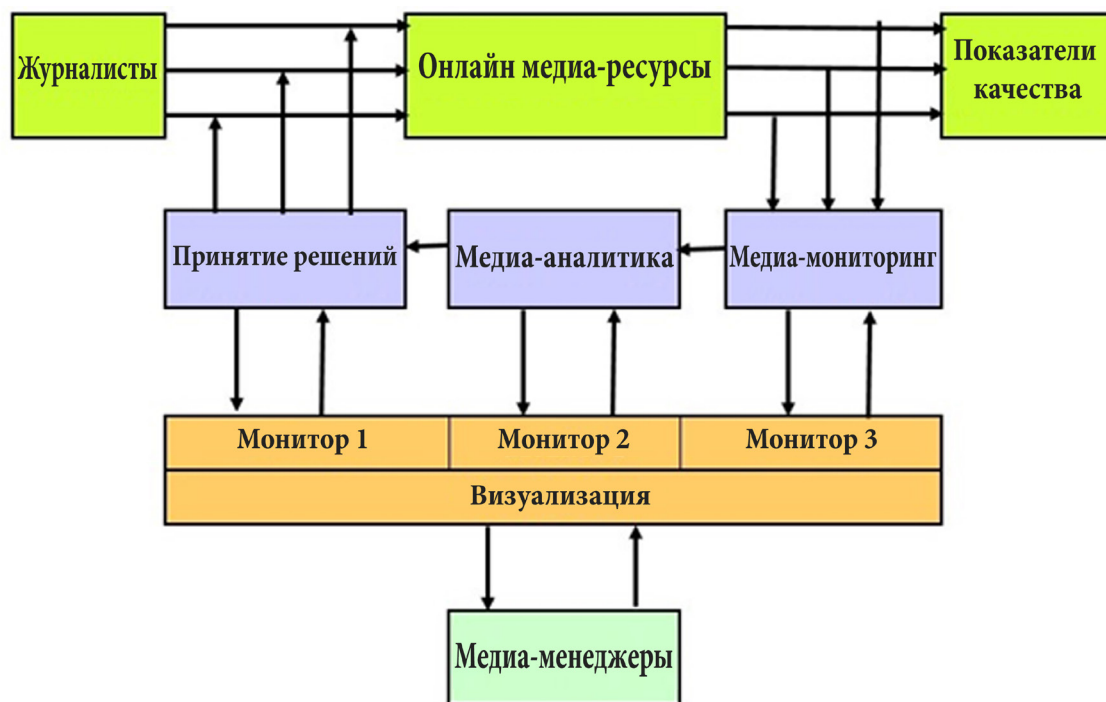

Рис. 1. Структура онлайн медиаменеджмента

Осуществление мониторинга деятельности сайта ставит перед медиаструктурой ряд задач [6]: от формирования экспертных групп (А и Б), проводящих мониторинг и утверждающих до расчета коэффициентов информационной доступности для каждого параметра по веб-сайту.

ПРИМЕНЕНИЕ CRM-ТЕХНОЛОГИЙ В МЕДИАРЕСУРСАХ

Для анализа общественного информационного пространства разрабатываются и осуществляются маркетинговые программы, основанные на знаниях о клиентах и информации, полученной относительно взаимной деятельности с клиентами. Данные низких уровней, обрабатываясь на уровне корпоративного управления посредством точной сегментации, доводятся до узких сегментов или полусегментов рынка, а также до топологических схем системы

управления взаимоотношениями с клиентами (Customer Relationship Management – система CRM). На основе результатов сегментации решается вопрос построения общей стратегии менеджмента, что в свою очередь выступает как вопрос создания системы уровня корпоративного управления [7].

CRM-системы – системы, которые используются при реализации медиамаркетинговой деятельности. CRM является системой анализа различных данных, которые связаны с клиентами и деятельностью компании. CRM-системы позволяют повысить эффективность управления взаимоотношениями с клиентами и решить различные вопросы. Эти системы позволяют отслеживать историю развития взаимоотношений с клиентами, скоординировать с ними регулярные, всесторонние связи, организовать централизованное управление посредством продаж и клиентоориентированного маркетинга,

в том числе Интернета. В настоящее время CRM-системы объединяют в себе возможности приложений, используемых для улучшения отношений с покупателями, и предлагают новые функции. Система для еще более эффективности продаж и оказываемых клиентам услуг осуществляет поиск закономерностей этих данных. В системе для решения этих вопросов требуется следующее: интеграция подсистем; разработанные статистические данные большого объема; эффективный комплекс аналитических инструментов; интеграция с другими системами, автоматизирующими деятельность учреждения.

На современном этапе одной из самых известных направлений CRM-систем является eCRM-системы. CRM-системы в той или иной форме пользуются интернет-технологиями, независимо от того, в какой сфере бизнеса применяются (например, для получения важной информации о клиенте). Эти системы полностью интегрируются с веб-сайтом компании.

CRM-системы включают несколько функциональных блоков [8]: SFA (Sales Force Automation) – автоматизация деятельности торговых представительств; MA (Marketing Automation) – автоматизация исследования рынка; CSS (Customer Service and Support) – автоматизация обслуживания клиентов.

SFA создает для компании условия для заключения более прибыльных договоров, повышения эффективности точности и доходности прогнозирования, сокращения дополнительных расходов путем автоматизации процесса. Наряду с повышением эффективности деятельности в направлении MA посредством Интернета, создаются новые информационные каналы для изучения рынка. А CSS позволяет улучшить обслуживание, сократить дополнительные расходы, повысить удовлетворенность клиентов, улучшить услугу после продажи.

Наряду с этим развитие информационных технологий, находясь в тесной связи с применением CRM-систем, привело к созданию нового направления – Database Marketing (деятельность, основанная на анализе базы данных), которая может рассматриваться как последовательность шагов, охватывающих технологический цикл [9]: идентификация клиентов; принятие решений относительно важности информации о клиенте; изучение источников информации; хранение в базе данных всей важной информации; анализ хранимых данных: построение модели; выбор маркетинговой стратегии, основанной на этой модели; непосредственное взаимодействие с избранными клиентами (реализация стратегии); анализ результатов.

Эти этапы могут повторяться в целях оптимизации полученных результатов.

Для принятия эффективных решений в медиаструктурах используется Маркетинговая информационная система (МИС), основными элементами которой являются: информационная система, реша-

ющая вопрос сбора и обработки первоначальной информации; система принятия решений, определяющая правила для принятия решений, основанных на информации, полученной касательно объекта исследования; система ввода-вывода запросов для предоставления необходимой информации пользователям.

Основная задача МИС – оценка развития информации о ситуации на рынке и создание из него нужной формы для разработки модели изменений. В этой системе над информацией производятся следующие операции:

- создание нужной формы для сбора, предварительной обработки (проверка достоверности и целостности), долгосрочного хранения информации на компьютере;
- реорганизация предварительной информации для оценки ситуации;
- реорганизация оценки ситуации (например, с использованием оценочной шкалы) для реального описания ситуации;
- на основе поставленных целей (целевых функций), существующих ресурсов (человек, материал, энергия, информация, финансы, время и т. д.) ведется поиск более эффективного решения;
- перевод отобранных решений на понятный со стороны человека язык (схемы и графики, тексты, комментарии, специализированные языки изображения);
- введение поправок на множество решений, предложенных ответственным лицом, изменение системы приоритетов, целевых функций.

При применении CRM-системы, в зависимости от цели, поставленной медиаструктурой, меняется анализ данных, параметры входа и методы обработки. В последние годы все современные CRM-системы в определенной степени охватывают все возможности и уровни обработки информации. Еще в 2008 г. рынок CRM составлял 10 миллиардов долларов [10].

Основная часть современных CRM-систем основывается на технологиях «клиент-сервер». Сторона, использующая ресурсы, называется клиентом, а обеспечивающая ресурсы – сервером. С точки зрения программного обеспечения преимуществом технологии «клиент-сервер» является наличие отдельных программ у клиентов и серверов [11].

Все данные CRM-системы обрабатываются и хранятся в единой базе данных. Клиентами подобных CRM-систем по отношению к предприятию могут быть как внутренние, так и внешние пользователи. Взаимоотношения между клиентом и сервером могут осуществляться посредством Интернета. Сервер системы, как правило, состоит из двух частей: системы управления базой данных для хранения и обработки данных (СУБД); OLAP (Online Analytical Processing – аналитическая обработка данных в ре-

жиге реального времени) и Data Mining (интеллектуальный анализ данных) для анализа.

При использовании этих технологий в CRM-системах все данные хранятся и обрабатываются в централизованной базе данных, а клиенты получают возможность дистанционного обращения.

Взаимные связи между клиентом и сервером могут осуществляться на основе Интернет / Интернет. В последнем случае для обращения в систему посредством Интернета клиент использует стандартный веб-браузер. При этом для поддержки возможностей технологий OLAP используется язык JAVA. «Сервер» обычно состоит из двух приложений – СУБД для хранения и обработки данных и система OLAP-сервер для анализа этих данных в режиме онлайн.

Результаты исследований показывают, что в настоящее время множество CRM-систем, представленных на российском рынке, являются продуктами западных компаний, приведенных в соответствие с российскими стандартами. Удельный вес CRM на российском рынке увеличился на 10 процентов [12; 13].

В целом модели реорганизации методов налаживания эффективных отношений с клиентами веб-сайтов путем усовершенствования процесса внедрения CRM-систем и разработка механизмов требуют исследования следующих вопросов [14]:

- эффективная организация, управление и оценка деятельности медиаструктур;
- разработка, особенности внедрения и исследование проблем CRM-систем;
- разработка механизмов использования источников дополнительной информации в CRM-системах;
- разработка направлений интеллектуализации отношений с клиентами в CRM-системах;
- эффективная организация маркетинга и бизнес-процессов и разработка менеджмента посредством CRM-систем;
- разработка предложений и рекомендаций по улучшению деятельности ресурсов интернет-медиа посредством CRM-систем и т. д.

ПРЕИМУЩЕСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО CRM

Социальный CRM помогает наладить контакт с потенциальными клиентами. Путем добавления канала социальных медиа в CRM-систему можно объединить сведения о каждом клиенте и выявить новые данные об их социальной деятельности, бы-

стро ответить на вопросы пользователей, которые устанавливают связи с медиаресурсами посредством социальных сетей Twitter или Facebook, изучить потребности клиентов. Социальный CRM используется для широкой пропаганды веб-сайта, еще большего углубления отношений с клиентами, повышения веб-трафика и достижения высокого поискового рейтинга, получения большого дохода с эффективным маркетинговым бюджетом, организации маркетинговых компаний, адресованных аудитории [15].

Использование CRM-платформы, интегрированной в социальные медиа, наряду с традиционными каналами, дает возможность пользоваться социальными инструментами для общения. Связь посредством социальных сетей создает условия для мониторинга, наблюдения и сравнения схожих инструментов, панелей и оценок. Используя мониторинг и инструменты наблюдения, посредством социального CRM можно определить постоянных клиентов и новую аудиторию веб-сайта [16].

CRM-система определена как модель для управления взаимоотношениями с настоящими и последующими клиентами компаний. Это предусматривает использование технологий для автоматизации, синхронизации продаж, обслуживания клиентов, маркетинга, технической поддержки. Социальные сети предлагают свои аналитические услуги и социальная CRM-система веб-сайта сводит их вместе для того, чтобы представить всю информацию [17].

Социальный CRM (см. рис. 2) необходим для установления взаимодействия с клиентами в режиме реального времени; установление индивидуального контакта с каждым из них для поддержки клиентов на высоком уровне; мониторинга социальных медиа и более быстрого решения проблем; определения и награждения партнеров компании и клиентов.

Данные вводятся в устройство слушания. Эти устройства представляют собой доски анализа (например, «Радиян 6», «Мы 360»). Здесь на основании ключевых слов или словосочетаний ведется поиск данных в социальных сетях, а результаты направляются ответственному лицу. Это лицо принимает решение относительно отправки результатов анализа в макро- или микроформе. Микро – это направление данных, полученных в результате анализа, одному лицу, а макро – группе лиц. На основании ответа с противоположной стороны данные могут быть повторно проанализированы.

Рис. 2. Процесс социального CRM [18].

Результаты исследований показывают, что для анализа отношения пользователей к новостям, нашедшим свое отражение в интернет-ресурсах, постепенно растет спрос к проведению их мониторинга. Решение существующих проблем в области проведения медиамониторинга в контексте медиаменеджмента требует концептуальных подходов. Применение CRM-технологий в ходе мониторинга, устранение разрозненности в проведении мониторинга и анализа – один из важных вопросов при эффективном налаживании деятельности медиаресурсов.

По сравнению с другими технологиями CRM-программы являются более простыми, но существует ряд проблем в этой области. С целью предотвращения возникновения проблем при использовании этой системы должно быть исследовано соответствие лиц, использующих CRM-программы, с существующими системами, в том числе CRM-программ с существующими системами компании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамедов А. Т. Основы маркетинга / А. Т. Мамедов. – Баку, 2007.
2. Кириллова Н. Б. Медиаменеджмент как феномен управленческой культуры информационной эпохи / А. Т. Мамедов // Известия Уральского федерального университета. – Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры,

2013. – № 4 (119). – URL: <http://hdl.handle.net/10995/22484> (дата обращения: 6.02.17).

3. Информационный менеджмент, информационные системы. – URL: m.facemark.az/mobile/news/informasiya-menecmenti-informasiya-sistemleri (дата обращения: 6.02.17).

4. Ашуров А. С. Коммуникационная система маркетинга / А. С. Ашуров. – Баку, 2008.

5. Media Management in the CIS. The European Institute for the Media. Duesseldorf, 1999.

6. Методика мониторинга сайтов некоммерческих организаций, Институт Развития. – Санкт-Петербург, 2011.

7. Aliyev A. G., Soltanmoradi A. T., Some features of Customer Relationship Management in financial institutions, "Problems of Information Society" journal, № 1, 2011. – Baku.

8. Грабауров В. А. Информационные технологии для менеджеров / В. А. Грабауров. – Москва, 2001.

9. Что такое CRM-системы и как их правильно выбирать? – URL: <https://habrahabr.ru/post/249633/> (дата обращения: 6.02.17).

10. Gavin C. Salesforce boots SAP from customer-wrangling software top slot. SaaS outsold on-premises in 2012, says Gartner. – URL: www.channelregister.co.uk/2013/04/30/salesforce_worlds_biggest_crm/ (дата обращения: 6.02.17).

11. Аверин В. Г. Компьютерные сети и телекоммуникации / В. Г. Аверин. – Екатеринбург, 2009.

12. Российский рынок CRM. – URL: www.tadviser.ru/index.php/CRM (дата обращения: 6.02.17).

13. Рейтинг CRM-систем. – URL: tagline.ru/crm-systems-rating/ (дата обращения: 6.02.17).

14. Bhaskar R., Zhang Y. CRM Systems Used for Targeting Market: A Case at Cisco Systems, E-Business Engineering, IEEE International Conference on, IEEE International Conference on e-Business Engineering (ICEBE'05), 2005.

15. Willis J., Willis W.J., Willis D.B. New Directions in Media Management. Boston, 1993.

16. What is Social CRM? – URL: www.salesforce.com/uk/

crm/social-crm/ (дата обращения: 6.02.17).

17. Social Media for Sales Prospecting: How to find the right people (without stalking them), "Salesforce", 2014.

18. Social CRM: Using Social to Gain New Business and Maintain the Old. – URL: www.mysmn.com/social-crm-using-social-to-gain-new-business-and-maintain-the-old/ (дата обращения: 6.02.17).

Институт информационных технологий НАНА

Алгулиев Р. М., доктор технических наук, профессор, академик-секретарь НАНА, директор Института информационных технологий НАНА

E-mail: Secretary@iit.ab.az

Бакинский государственный университет

Абдуллаева С. Р., аспирант, младший научный сотрудник Института информационных технологий НАНА

E-mail: sado.amea@gmail.com

Institute of Information technology of ANAS

Alguliyev R. M., Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician-Secretary of ANAS, Director of Institute of information technologies of ANAS

E-mail: Secretary@iit.ab.az

Baku state University

Abdullayeva S. R., Post-graduate Student, Junior Researcher of the Institute of Information Technology of ANAS

E-mail: sado.amea@gmail.com

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ И УДАРЕНИЯ В ОРФОЭПИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ: ТРУДНОСТИ ВЫБОРА БАЗОВОГО СЛОВАРЯ

Е. М. Бебчук, М. Я. Запрягаева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 февраля 2017 г.

Аннотация: материал представляет собой сопоставительный анализ лексем и грамматических форм, которые имеют как одинаковые, так и различающиеся пометы в двух современных орфоэпических словарях (Иванова Т.Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы, 2006 и Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы, 2015), с тем чтобы определить ориентиры при обучении студентов-журналистов правильному произношению и ударению.

Ключевые слова: орфоэпический словарь, произношение, ударение, нормативные и ненормативные варианты, запретительные пометы.

Abstract: the article represents the comparative analysis of lexemes and grammatical forms having identical or different labels in two contemporary orthoepic dictionaries (Ivanova T. F. New Orthoepic Dictionary of the Russian Language. Pronunciation. Accent. Grammatical forms, 2006 and Eskova N. A. Orthoepic Dictionary of the Russian language: Pronunciation, Accent, Grammatical Forms, 2015). The article is to act as a guide to be referred to while teaching undergraduate journalists to use correct pronunciation and accent.

Keywords: orthoepic dictionary, pronunciation, accent, normative and deviant options, prohibitory labels.

Профессия журналиста предполагает безупречное владение орфоэпическими нормами, несмотря на их активное обновление и расширение числа произносительных вариантов. Однако наши наблюдения за речью телеведущих центрального телевидения, телеведущих различных ток-шоу, лиц, озвучивающих рекламные объявления и слоганы, и др. показывают, что в речевой практике массперсон нередко отмечаются ошибки как в произношении, так и в ударении. Следует отметить, что чаще всего указанные ошибки возникают в тех случаях, когда в активном употреблении сосуществуют произносительные варианты, а словари не дают однозначных ответов, т. е. пометы в разных (и прежде всего в авторитетных!) словарях не совпадают. В практике преподавания на кафедре стилистики и литературного редактирования факультета журналистики Воронежского госуниверситета в течение пятидесяти пяти лет сложилась определенная методика работы над нарушениями нормы на разных уровнях, в том числе и на фонетическом (орфоэпическом). Мы убеждены, что при подготовке журналистов, в особенности тележурналистов и радиожурналистов, углубленные знания, представленные в современных орфоэпических словарях, будут крайне полезны для формирования необходимых произносительных навыков.

Цель данной статьи – дать сопоставительный анализ лексем и грамматических форм, которые имеют как одинаковые, так и различающиеся пометы в двух современных орфоэпических словарях, с тем чтобы определить ориентиры при обучении студентов-журналистов правильному произношению и ударению.

Обратимся к общей характеристике названных изданий. Словарь под редакцией Н. А. Еськовой – далее СЕ (Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы: свыше 70 000 слов / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова. – Москва: АСТ, 2015) является академическим изданием. Он рассчитан прежде всего на специалистов – «филологов, преподавателей русского языка и литературы, дикторов радио и телевидения и др.» (с. 2). В СЕ используется разработанная система нормативных рекомендаций (уже апробированная в 9-ти изданиях словаря под редакцией Р. И. Аванесова) и описываются ненормативные варианты произношения и ударения с их оценкой с нормативной позиции. Запретительные пометы имеют шкалу, состоящую из трех помет: «не рекомендуется» (*не рек.*), «неправильно» (*неправ.*) и «грубо неправильно» (*грубо неправ.*). Вызывает интерес объяснение авторов СЕ, каким образом они разграничивают неправильные и не рекомендуемые варианты: «...варианты, оцениваемые пометой *не рек.*, как правило, отражают явления, соответствующие

щие общим тенденциям языкового развития; нередко этой пометой оцениваются варианты, о которых можно предполагать, что в недалекой перспективе они станут нормативными. Но само содержание пометы этого не предполагает, так как прогнозирование не входит в задачи нормативного словаря. Пометы *не рек.* и *неправ.* должны восприниматься просто как «менее неправильно» и «более неправильно» (варианты, оцениваемые первой пометой, так сказать, менее компрометируют речь носителя языка, хотя, если он хочет, чтобы его речь считалась образцовой, он должен их избегать)» (с. 10).

Словарь Т. Ф. Ивановой – далее СИ (Иванова Т. Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы / Т. Ф. Иванова. – Москва, 2006) – авторский словарь, обращен к широкому кругу читателей, «заинтересованных в повышении уровня своей речевой культуры, но будет полезен специалистам в области лингвистики, а также всем, чья профессиональная деятельность связана с устной речью» (II). Первое издание данного словаря было осуществлено в 2004 г. К этому времени в реальной языковой практике появилось множество новых вариантов произношения и ударения, которые требовали определенной квалификации. Словарь под редакцией Р. И. Аванесова, к сожалению, не всегда давал нужные ориентиры, поэтому преподаватели кафедры стилистики и литературного редактирования обратились и к материалам СИ. Этот словарь предложил читателям новую систему рекомендательных помет; в него не включены запретительные пометы. Таким образом, в СИ не входят диалектные, просторечные, жаргонные слова и профессионализмы. Кроме этого, сюда вошла только та разговорная лексика, разговорные и устаревшие варианты произношения и ударения, которые в настоящее время отличаются широкой распространенностью. По нашему мнению, подобная лексика действительно является широко употребительной, а это значит, что она требует оценки с точки зрения нормативности. Естественно, в этом отношении СЕ по сравнению с СИ представляет собой более полное научное исследование, включающее свыше 70 000 слов, в рамках которого имеются не только литературные лексемы, но находящиеся за пределами нормы слова и формы.

Следует отметить, что СЕ и СИ характеризуются не только различиями при использовании помет; в указанных словарях представлена одинаковая шкала нормативности с незначительными изменениями в оформлении помет, а из этого следует, что в словари включено большое количество слов и грамматических форм, обнаруживающих практически одинаковые пометы. Исходя из этого, мы рассмотрим анализируемые словари с нескольких сторон: сначала отметим случаи произношения и ударения, которые совпадают по используемым

при них пометам в обоих словарях; затем опишем примеры, пометы которых не совпадают.

Сравним примеры с одинаковыми рекомендательными пометами:

- **равноправные варианты соединяются союзом «и»:** *андегра́унд* и *андергра́унд*, *антресо́ли* и *антресо́ль*, *бази́лика* и *базили́ка*, *балка́рцы* и *балка́ры*, *ба́рхотка* и *бархо́тка*, *гаста́рбайтер* и *гастарба́йтер*, *де́ревце* и *дере́вцо*, *диа́кон* и *дья́кон*, *за́сека* и *засе́ка*, *застла́ть* и *застели́ть*, *и́скристый* и *искри́стый*, *ка́мфара* и *камфа́ра*, *комба́йнер* и *комбайне́р*, *недо́питый* и *недопи́тый*, *пе́тля* и *петля́*, *проржа́веть* и *проржаве́ть*, *просто́нь* и *простыне́й*, *скирд* и *скирда́*, *ю́ркнуть* и *юркну́ть* и др.;
- **варианты нормы, один из которых признается основным, а менее желательный вариант оценивается пометой «допустимо»:** *безве́сельный* и допуст. *безвесё́льный*, *белё́сый* и допуст. *белёсый*, *до́бьяна* и допуст. *допья́на*, *ми́нусовый* и допуст. *минусо́вый*, *ка́мбала* и допуст. *камбала́*, *собра́лись* и допуст. *собрáлись*, *фо́бия* и допуст. *фобия́*, *ште́мпели*, *ште́мпелей...* и допуст. *штемпе́ля*, *штемпе́лей*, *што́рмы*, *што́рмов...* и допуст. *шторма́*, *штормо́в* и др.;
- **варианты нормы, один из которых признается основным, а менее желательный вариант оценивается пометой «допустимо устаревающее»:** *взя́точник* [допуст. устар. *шн*], *взя́точничество* [допуст. устар. *шн*], *го́рничная* и допуст. устар. *го́рни[шн]ная*, *зажда́лся* и допуст. устар. *заждался́*, *kozýрный* и допуст. устар. *козы́рный*, *сметли́вый* и допуст. устар. *сметли́вый*, *собра́лся* и допуст. устар. *собрался́* и др. Данные факты свидетельствуют о едином подходе авторов двух словарей к языковым явлениям.

Нами отмечено большое количество слов, при которых находятся запретительные пометы, которые в СИ не ранжируются и обозначаются одинаково в виде знака (!) перед нормативным словом или формой слова. Этот способ привлечения внимания к наличию неправильных произносительных вариантов без указания на них выбран в методических целях, чтобы не фиксировать внимание читателя на ненормативных явлениях; чтобы неправильный вариант не закреплялся в сознании обратившегося к словарю человека. Запретительный знак указывает на строгую нормативность и обязательность того или иного ударения и произношения. Нельзя не заметить, что авторы СЕ обратили внимание на важность знака (!), который выносится перед словом или формой, чтобы визуальнo эти случаи «бросались в глаза». Видимо, с этой целью авторы СЕ дают варианты, предваряемые знаком (!), отдельным абза-

цем. Здесь необходимо вспомнить, что в предыдущем орфоэпическом словаре под редакцией Р. И. Аванесова знак (!) также давался вместе со словом,

но только в одной строчке. Приведем несколько примеров (таблица 1).

Таблица 1

Примеры из СИ	Примеры из СЕ
! агéнт	агéнт ! <i>неправ.</i> агéнт
! алфавít	алфавít ! <i>не рек.</i> алфáвит
! апока́липсис	апока́липсис ! <i>неправ.</i> апокали́псис
! апостро́ф	апостро́ф ! <i>не рек.</i> апо́строф
! афе́ра	афе́ра ! <i>неправ.</i> афе́ра
! введённый	введённый ! <i>неправ.</i> ввёденный
! гала́ – первая часть сложных слов произносится с дополнительным ударением в словах: гала́-конце`рт, гала́-ма`тч, гала́-представле`ние, гала́-спекта`кль, гала́-шо`у; гала́-конце`рт	гала́ ! <i>не рек.</i> га́ла гала́-конце`рт ! <i>не рек.</i> га́ла-конце`рт
! танцо́вщик	танцо́вщик ! <i>не рек.</i> танцовщи́к, -и́ца
! украинский ! украинцы	украи́нский ! <i>не рек. устар.</i> укра́инский украи́нцы ! <i>не рек. устар.</i> укра́инцы
! ходата́йствовать	ходата́йствовать ! <i>грубо неправ.</i> ходата́йствовать
! шинéль	шинель, -и ! <i>грубо неправ.</i> ши[нэ]ль
! инструме́нт	инструме́нт ! <i>грубо неправ.</i> инстру́мент

Для адекватной передачи современного состояния произношения и ударения в русском литературном языке в СЕ добавлено еще две запретительные пометы (*не рек. профессиона; неправ. профессиона.*), которыми оцениваются варианты, характеризующие речь представителей определенных профессий. Такие варианты не могут быть оценены как своего рода профессиональная норма. Словарь характеризует их при помощи запретительных помет. И на первый взгляд это кажется вполне обоснованным:

лифт, -а, мн. -ы, -ов

! *неправ. профессиона.* мн. лифты́, -ов

осуждённый, -ого

! *неправ. профессиона.* осужденный

плави́льный, -ая, -ое

! *не рек. профессиона.* пла́вильный

возбу́дить, возбуждённый, -ён, -енá

! *неправ. профессиона.* возбу́жденный

вы́ход, -а, мн. -ы, -ов: количество полученной продукции

! *неправ. профессиона.* выхо́да

до́яр, -а

! *неправ. профессиона.* до́яр

добы́ча, -и

! *неправ. профессиона.* добы́ча

Однако аналогичные запретительные пометы не представлены при таких словах и формах, как компáс, рапо́рт, аммиака́, шприца́, флейто́вый и др.

Подобные лексемы имеют следующие пометы в СЕ:
 кóмпас, -а, мн. -ы, -ов // у моряков компáс; в 18-19 вв. компáс

ра́порт, -ы, -ов и *допуст.* Рапортá // у моряков рапóрт, в 18-19 вв. рапóрт

аммиáка // у химиков аммиакá

шпрíца // у медиков шприцá и т. д.

Но, например, термин *дóббыча*, который имеет запретительную помету (см. выше), так же, как и *рапóрт*, *компáс* употреблялся, например, в басне И. А. Крылова: *Ягненка видит он, на дóббычу стремится...* В СИ отмеченные слова характеризуются по-разному: при словах *кóмпас* и *ра́порт* нет помет, а при формах *дóббыча*, *аммиакá*, *шприцá* стоит запретительная помета. Видимо, Т. Ф. Иванова считает такие случаи употребления не профессионализмами, а широко распространенными неправильными формами.

Авторы СЕ оценивают данные варианты или как указывающие на «некоторые особые сферы функционирования литературного языка» – и тогда при словах стоят разнообразные пометы: *в стихах, в народно-поэтич. речи, в худож. текстах возм.*, или составители словаря относят эти формы к вариантам «профессиональной сферы употребления» – *у моряков, у химиков, у медиков, у музыкантов, в профессиональной речи* (с. 10), т. е. приведенные пометы не являются запретительными. Кстати сказать, выявить точную принадлежность некоторых слов к профессионализмам либо к «словам особой сферы употребления» иногда довольно затруднительно (ср.: / *Мы говорим не штóрмы, а штормá, Слова выходят коротки и смачны, Ветрá, не вéтры сводят нас с ума...* (В. Высоцкий о моряках).

Давая оценку различиям в использовании запретительных помет, можно заметить, что их шкалирование необходимо прежде всего в научных целях, поэтому является важным для научных работников, связанных с изучением вопросов лингвистики и литературы, для преподавателей (и учителей) русского языка. Что касается журналистов (особенно теле- и радиожурналистов) и специалистов в области рекламы и связей с общественностью, то для них, по нашим наблюдениям, важно знать, что является правильным, что – неправильным. Практика преподавания современной русской орфоэпии подтверждает, что студенты-журналисты не стараются запоминать шкалу запретительных помет, тем более что ранжирование вариантов (как показывают различные орфоэпические словари) все-таки относительно.

Соотношение различных помет при одинаковых словах и грамматических формах в анализируемых словарях имеет целый спектр вариантов. Мы рассмотрим основные из них в следующем порядке:

1. В СИ нет помет, в СЕ запретительная помета (таблица 2).
2. В СИ есть помета (равноправные варианты), в СЕ нет помет (таблица 3).
3. В СИ вариант имеет помету *допуст.*, в СЕ запретительная помета (таблица 4).
4. В СИ равноправные варианты, в СЕ один вариант основной, другой *допуст.* (таблица 5).
5. В СИ вариант имеет помету *допуст.*, в СЕ – *допуст. устар.* (таблица 6).

1. Прокомментируем отдельные примеры из СИ, при которых нет помет; в СЕ при аналогичных словах дается запретительная помета.

Таблица 2

Примеры из СИ	Примеры из СЕ
Бог [х] (и бог) [х]	бог, -а [х] ! <i>неправ.</i> бо[к]
брюнѐт	брюнѐт ! <i>не рек.</i> брю[нэ]т
вѐчера	вѐчера ! <i>неправ.</i> вѐчѐря
возрастнóй	возрастнóй, -ая, -ое ! <i>неправ.</i> вóзрастный
вѝборы	вѝборы, -ов ! <i>неправ.</i> выборá
вѝздороветь, -ею, -еет	вѝздороветь, -ею, -еет ! <i>не рек.</i> вѝздоровлю, вѝздоровит
герб, -á, мн. -ы, -óв	герб, -á, мн. -ы, -óв ! <i>неправ.</i> ед. гѐрба, мн. -ы, -ов

дирéктор, мн. -á, -óв	дирéктор, мн. -á, -óв ! не рек. устар. дирéкторы, -ов
-----------------------	--

Данная таблица демонстрирует, что в правом столбике представлены разные запретительные пометы, кроме «*грубо неправ.*». В произношении всех указанных слов и форм в живой речи, как правило, наблюдаются многочисленные ошибки. Из этого

следует, что на подобные слова и грамматические формы следует обращать внимание и в орфоэпических словарях, как это представлено в СЕ.

2. В СИ есть рекомендательная помета, в СЕ нет помет.

Таблица 3

Примеры из СИ	Примеры из СЕ
Агóра и агорá	агорá, -ы́, мн. -ы́, агóр, агорáм
Всéнощная допуст. [шн]	всéнощная[шн]

3. В СИ вариант имеет помету *допуст.*, в СЕ запретительная помета.

Таблица 4

Примеры из СИ	Примеры из СЕ
прав, правá, прáво, прáвы и допуст. правы́	прав, правá, прáво, прáвы ! не рек. правы́
óберег, -а и допуст. оберéг	óберег, -а ! не рек. оберéг
мáркетинг, -аи допуст. маркéтинг	мáркетинг, -а ! не рек. маркéтинг

4. В СИ равноправные варианты или нет помет, в СЕ помета *допуст.*

Таблица 5

Примеры из СИ	Примеры из СЕ
творóг и твóрог	творóг, творогá и допуст. твóрог
ездить, ежжу [жʲжʲ] и жж]	ездить, ежжу [жʲжʲ] и допуст. [жж]
жёлчный и жёлчный	Жёлчный и допуст. жёлчный
текстовóй и тэкстовый	текстовóй // у филологов тэкстовый
мышлéние, -я	мышлéние, -я и допуст. мышление
берёста и берестá	берёста и допуст. берестá
апартаменты	апартаменты и допуст. апартаменты

5. В СИ помета *допуст. устар.*, в СЕ – *допуст.*

Таблица 6

Примеры из СИ	Примеры из СЕ
экзальтированный и допуст. устар. экзальтированный	экзальтированный и допуст. экзальтированный
лóпасть, -и, мн. лопастéй и допуст. устар. лóпастей	лóпасть, -и, мн. лопастéй и допуст. лóпастей

Следует указать, что помета *допуст. устар.* не совпадает в анализируемых словарях редко. Как правило, это касается твердого или мягкого (ассимилятивного) произношения согласных.

Кроме классифицированных нами примеров, можно назвать и другие типовые случаи. Так, лексемы *биеннале* и *бьеннале* имеют вариантное написание в обоих словарях, но форма грамматического

рода разная: в СИ – среднего и женского рода, в СЕ мужского и женского рода; в СИ слово *кофе* принадлежит только мужскому роду, в СЕ лексема *кофе* может быть отнесена к среднему роду; в СИ лексемы *гуру́*, *августовский*, *йóгурт* не имеют помет, в СЕ же приводятся равноправные варианты *гуру́* и *гу́ру*, *йогурт* и *йóгурт*, а также допустимый вариант *августóвский*; в СИ равноправные варианты *óвен*

и *овён*, в СЕ дается лексема *овён*, а *овен* не рекомендуется. В СИ разрешается только одно ударение в слове *обеспечение*, в СЕ впервые появляется помета *допуст.* обеспечение; отметим также и аббревиатуру *НАТО* – «Организация Североатлантического договора», для которой в СИ указывается принадлежность к мужскому и среднему грамматическому роду. Однако в реальной практике лексема *НАТО* используется и как аббревиатура женского рода, так как главным словом является «организация»; СЕ не включает *НАТО* в список слов.

Вызывает сомнение включение в СЕ без каких-либо помет слова *елбзить*, *елбжу* (*несвоб.*), *елбзит*, *неправ.* *елбзию*, *елбзиет* (с. 221), которое в словаре под редакцией А. П. Евгеньевой оценивается как просторечное (т. I, с. 465).

Таким образом, сопоставляя варианты лексем и грамматических форм, выявленных нами в двух словарях, можно сделать следующие выводы.

1. Появившийся в конце 2014 г. академический словарь под редакцией Н. А. Еськовой, бесспорно, решает орфоэпические проблемы, которые возникают у носителей русского литературного языка: он представляет литературную норму во всем многообразии ее проявлений, а также даёт углублённые сведения о лексемах и грамматических формах,

имеющих запретительные пометы. В СЕ, кроме этого, общий объём словника почти в два раза превышает объём словника СИ и включает новую лексику, появившуюся в последние 30 лет. Это свидетельствует о целесообразности использования СЕ как в научных целях, так и в практике преподавания орфоэпии.

2. Словарь под редакцией Т. Ф. Ивановой предназначен для широкого круга читателей, прежде всего школьников и студентов нефилологического профиля. Система помет, разработанная автором, удобна тем, что фиксирует только литературный производный вариант, оставляя в стороне лексемы с нарушением нормы. В некоторых случаях Т. Ф. Иванова проявляет особую требовательность к сохранению традиции, например, в таких словах, как *обеспечение*, *йбгурт*, *кофе* мужского рода и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы: свыше 70 000 слов / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова. – Москва, 2015.
2. Иванова Т. Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы / Т. Ф. Иванова. – Москва, 2006.

Воронежский государственный университет

Бебчук Е. М., доцент кафедры стилистики и литературного редактирования

Воронежский государственный университет

Запругаева М. Я., доцент кафедры стилистики и литературного редактирования

E-mail: zfamily@inbox.ru

Voronezh state University

Bebchuk E. M., Associate Professor of the Stylistics and Literary Editing Department
E-mail: bepchuk52@yandex.ru

Voronezh State University

Zapryagaeva M. YA., Associate Professor of the Stylistics and Literary Editing Department

E-mail: zfamily@inbox.ru

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ТЕЛЕВИДЕНИЯ В СЕРОВЕ (1990-2014 ГГ.)

А. Н. Бойчук

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Поступила в редакцию 3 февраля 2017 г.

Аннотация: в статье на материалах прессы и авторских интервью рассматривается развитие телевидения в Серове с 1990-2014 гг.

Ключевые слова: Серов, «Канал-С», «День города», тележурналистика, история телевидения.

Abstract: the article studies the stages of the development of Serov's TV on 1990-2014 via print press and author's interwews.

Keyword: Serov, «Kanal-C», television journalism, the history of television, «Den' goroda».

Конец XX века для российского телевидения ознаменовался бурным ростом телевизионных каналов как на федеральном, так и на региональном уровнях. Гласность и Перестройка внесли вклад в этот процесс. Именно рыночная реформа 1987 г. способствовала тому, что она дала возникнуть новому слою деловых людей. 12 июня 1990 г. партийная цензура и монополия государства на средства массовой информации были отменены законом СССР «О печати» [1, с. 529]. Новейший этап в развитии регионального отечественного телевидения начался в 1989-1991 гг., когда стали появляться первые негосударственные телекомпании [2, с. 22]. Именно в этот период в Свердловской области появляются независимые телекомпании. Например, в Нижнем Тагиле ТМО Тагилстроевского исполкома приняло решение создать хозрасчетный центр кабельного телевидения «Телекон» [3, с. 2]; в 1990 г. в Каменске-Уральском уже существовало три крупных студии кабельного телевидения: совместное предприятие «ФАКТ» (ранее – центр КТВ МЖК); центр КТВ горкома ВЛКС и театра «Гонг» [4, с. 2]. Еще одним городом на Среднем Урале, где зарождалось телевидение, является Серов.

С 2007 г. в состав Серовского городского округа входят город Серов и 36 сельских населенных пунктов. Численность населения городского округа составляет 106,8 тыс. человек, из них 97,9 тыс. проживает в Серове. Основу экономики Серовского городского округа составляют предприятия металлургического комплекса [5]. Что касается телевидения, то в Серове существуют две телекомпании: «Канал-С» и «День города».

Исследованию процессов развития телевидения Серова не посвящено ни одной специальной работы, но одним из пластов источников, благодаря которым можно проследить не только историю серовского телевидения, но и отношения к нему, является прес-

са. Известный историк-источниковед И. Н. Данилевский в работе «Источниковедение: Теория. История. Метод» писал, что «наибольшее внимание историка привлекают документальные материалы. Эта группа включает в себя официальные документы и газетную информацию» [6, с. 631]. Нами были использованы материалы газет «Серовский рабочий», «Новой газеты» и «Глобус».

Кроме того, автор взял интервью у директора телеканал «День города» Анны Силенко. Это открытое интервью, которые используются не для количественного, а для качественного исследования.

Историю развития серовского телевидения уместно разделить на три этапа:

Первый этап: 1990–1992 гг.

После того как начала разрушаться монополия на государственные СМИ, в Серове в начале 1990-х гг. появляются несколько кабельных студий: «Канал-8», «Родина» и «Канал-5». Первые две кабельные телестудии просуществовали недолго. Местная пресса сообщала, что «Канал-8» выходил полупартизанскими методами, так и не сумев получить нужных документов и официального разрешения передатчика [7, с. 15]. Организатором эфирного «Канала-8» выступил А. Стригуцкий. На телеканале шел показ известных зарубежных фильмов. Отметим, что телеканал сразу начал пользоваться популярностью у горожан. Тем не менее канал перестал выходить в эфир после того как Народный суд наложил на А. Стригуцкого штраф с конфискацией изъятого оборудования [8, с. 3].

Пробные передачи «Канала-5» начались 13 марта 1991 г. для жителей домов № 130, 132 по ул. Ленина, № 3 по ул. Зеленой. Тем не менее на первом этапе у «Канала-5» возникают технические и материальные трудности: встал вопрос о приобретении оборудования для монтажа и прокладки кабеля в дома, так как кабель был на тот момент в дефиците. Учредителем студии являлся исполком городского совета, который помог «Каналу-5»

найти помещение, оборудование. Также была оплачена проектно-сметная документация для студии. Кроме того, помогли материально студии депутаты Ю. И. Корнилов и В. А. Бирюков, которые закупили магистральные кабели и студийное оборудование [9, с. 1].

Уже в феврале 1991 г. канал имел в штате четырех сотрудников: главный редактор, заместитель главного редактора по коммерческим вопросам, бухгалтер и главный инженер [9, с. 2].

Наполнение эфира осуществлялось следующим образом: местным программам выделялось три-четыре часа, которые состояли из нескольких блоков: первый блок – городские новости и репортажи, которые освещали работы городского Совета и его комиссий; второй блок – телевидение для детей, где показывали мультфильмы; третий блок – развлекательный, в который вошли концертные и спортивные программы, спектакли и фильмы [9, с. 2]. Пробные передачи начались в трех домах по улицам Ленина и Зеленой после 18 часов. Смотреть их могли в течение недели все абоненты, независимо от того, внесли ли они оплаты за кабельное телевидение [10, с. 1].

В феврале 1992 г. жители Серова, которые были настроены на санкт-петербургский канал, смогли посмотреть городские новости «Канала-5». Если изначально он был кабельным, то теперь стал эфирным. В первом выпуске новостей были интервью с руководителем коммерческой поликлиники и тренером Кости Цзю. В других программах освещались проблемы, которые волновали заводчан: зарплаты, поставки кокса, продовольственное снабжение. Этим проблемам уделялось большое внимание, так как Серов – промышленный город. Также в эфире было интервью с директором местного кинотеатра «Родина» о новых фильмах. Следует отметить, что главным редактором телеканала была Т. Д. Романова, редактор Л. Зайдулина, ведущий и диктор С. Змеев [11, с. 1].

Как и в других городах Свердловской области, первый этап развития телевидения в Серове характеризуется созданием небольших кабельных студий, которые транслируют зарубежные фильмы, мультфильмы, программы. Нехватка финансовых средств, кадров – все это сказывалось негативно на картинке. Зачастую на телевидение приходили те, кто до этого к нему никакого отношения не имел. Так, Т. Романова была журналистом из местной газеты, С. Змеев – фельдшер Скорой помощи. Главная причина – в городе не было профессиональных курсов, где бы готовили операторов, режиссеров, корреспондентов и телеведущих.

Важным моментом в развитии телевидения в Серове является то, что первоначально кабельная студия «Канал-5» стала работать под патронажем городских властей, что, на наш взгляд, является не-

гативной тенденцией в развитии городского телевидения, так как это ведет к сокращению критических сюжетов, снижению качества выпускаемого телевизионного продукта из-за отсутствия конкуренции.

Следует остановиться на программах, которые делали кабельные студии. Как уже было сказано выше, студии показывали нелегальную зарубежную кинопродукцию, что привлекло абонентов. Позже стали выходить в эфир собственные программы. Главной программой стали новости, соответственно, уже была сформирована редакция. Основная тематика новостей – социальные, городские проблемы, которые были показаны в жанре интервью и репортажа. Выходит и первая развлекательная программа «Любовь с первого взгляда», ведущим которой стал С. Змеев. Местная пресса сообщала, что «не в счет даже некоторые обидные технические шероховатости. Их полностью искупает искренность и стремление расширить диапазон местного телевизионного вещания» [12, с. 1]. Более того, «Канал-5» стал эфирным, что помогло ему увеличить аудиторию.

Второй этап: 1992–1995 гг.

1 апреля 1992 года кабельное телевидение «Канал-5» был преобразован в серовскую телекомпанию «Канал-С». 29 июня Серовским КМИ было выдано регистрационное удостоверение телекомпании «Канал-С», в состав учредителей вошли: городская администрация (КМИ), «СФЗ», метзавод, «БАЗ», «Уралдомнаремонт», трест «Серовмежрайгаз» и Серовский ЭТУС [13, с. 1].

В этом же году расширяется штат сотрудников: В. Юденков – исполнительный директор, Г. Харлов, А. Щербаков, В. Фомин, Ю. Савин – инженеры радиопередающих устройств, А. Стригуцкий, В. Торопов – видеоинженеры, В. Замятин – переводчик, который занимался переводами фильмов и инструкций к аппаратуре, Е. Шемелин – занимался созданием рисунков, по которым делали компьютерные образительные заставки, С. Кузнецова – кассир, Т. Романова – главный редактор, С. Змеев – редактор, А. Медведев – оператор и С. Зелютин – редактор по фильмам [14, с. 1]. Редакционный коллектив был самым большим по численности в компании подразделением. В него входили главный редактор, редактор по фильмам и две редакции, которые работали над выпусками новостей [15, с. 2].

Телеканал имел неплохое техническое оснащение. В 1994 году было закуплено японское оборудование компьютерного телепроизводства [16, с. 2]. У компании в распоряжении находились профессиональные передатчики, видеокамеры, видеомикшер, лазерный видеопроектор. Тем не менее в студийной части оборудования телекомпании было много аппаратов бытового уровня, профессиональные видеомagneтофоны [15, с. 2].

В 1994–1995 гг. телеканал «Канал-С» сделал рывок в авторском вещании. Наряду с такими программами, как «Вечер в театре», «Позвольте вам представить», появились новые программы: «ТЕТ-а-ТЕТ» Стаса Змеева, «Я+МЫ» Ольги Абакумовой, «Стадион» Сергея Якимова и Сергея Хлыстикова [13, с. 1]. Кроме того, телеканал стал ретранслировать программы «ТВ-6 Москва», что только добавило популярности серовскому телевидению. Появление «ТВ-6 Москва» в Серове стало возможным благодаря договоренности между руководителями телерадиокорпорации Э. М. Сагалаевым и В. А. Юденковым. «Канал-С» получил возможность наполнить свое эфирное время лицензионной продукцией [17, с. 2]. Самой рейтинговой программой были новости «ИКС», которую выпускали три редактора (Т. Романова, С. Змеев, Л. Зайдулина О. Абакумова и С. Якимова).

Отметим, что во всех вопросах развития телевидения в Серове участвовала городская администрация. В 1994 году между руководством администрации города и эксплуатационно-технического узла связи был подписан протокол о намерении по насыщению новейшей аппаратурой четвертого поколения передающего блока «Канала-С». Использование этого оборудования позволило улучшить качество как по звуку, так и по «картинке». Также часть эфирного времени приобрел и Серовский район [15, с. 2].

Кроме того, в 1995 г. «Канал С» начинает активно сотрудничать с российско-американской компанией «Интер-ньюс», что позволило сотрудникам телеканала получать и показывать от организации видеоматериалы культурного направления, а также участвовать работникам канала в творческих семинарах, которые проводили высококвалифицированные специалисты международного уровня. Помимо этого, планировалась совместная подготовка телепрограмм «Время местное», причем «Канал-С» доставлял свои материалы на «Интер-ньюс», где производился монтаж на новом оборудовании, затем сюжет отправлялся на «Канал-С» [17, с. 2].

Важной вехой в развитии Серовского телевидения в начале 1990-х гг. стал переход от кабельного телевидения к эфирному. Это привело к расширению аудитории. «Канал-С» становится сетевым партнером московского канала «ТВ-6». Кроме этого, расширяется редакционный штат сотрудников, улучшается техническая база телеканала, в результате чего стали выходить просветительские, развлекательные, спортивные программы в информационных жанрах. Эти программы были собственного производства, в отличие от первого этапа, где большую часть времени выходили зарубежные и художественные фильмы. Улучшается уровень подготовки журналистов и программ благодаря сотрудничеству с компанией «Интерньюс». Тем не менее на телеканале отсутствовала аналитика. Как правило,

аналитические программы узконаправленные, их сложно и дорого производить. Нужно найти спикеров, которые могли бы объяснить доступным для зрителей языком о закономерностях и явлениях определенных и сложных процессов, или самим пытаться возвращать специалистов. В маленьких городах это сделать сложно из-за их отсутствия.

На данном этапе для жителей Серова местное телевидение было новинкой. Благодаря ему горожане стали получать оперативную информацию. Если раньше преобладала пресса, то сейчас телевидение выходит на первый план. Бурное обсуждение и большой интерес к телевидению был вызван и политическими событиями, которые происходили в стране, в области, в городе. Жители, на наш взгляд, не обращали внимания на картинку, все внимание было сконцентрировано на журналистах, телеведущих, которые снимали репортажи, выходили в прямые эфиры, давая объективную оценку тому или иному событию. Если раньше в качестве ведущих на телевидении в СССР использовали «говорящих голов», то в 90-ых эта тенденция постепенно уходит. Отчетливо это прослеживается на серовском телевидении: в 1994–1995 гг. появляются авторские программы, где журналисты самостоятельно находили спикеров, ездили на съемки, выясняли причины событий, а также придумывали темы для программ. В связи с этим доверие к телеведущему растет со стороны аудитории.

Третий этап: 1995–2014 гг.

В 1995 г. на телеканале «Канал-С» наблюдается кризис. Учредитель ОАО «Уралтелеком» был недоволен финансовыми результатами работы компании и потребовал возврат уставного капитала имущества. Возникла реальная угроза развала серовского телевидения путем изъятия долей всеми учредителями. Только благодаря усилиям и большой организаторской работе «Серовского завода ферросплавов», администрации города и руководства телевидения, развала удалось избежать. ТОО «Канал-С» был преобразован в ЗАО «Серовские Теле-Радио Системы» (ЗАО «СТРС»). Завод ферросплавов выкупил пакет акций у «Уралтелекома». В середине 1997 года встал проблема технического переоснащения телевидения. В прессе сообщали, что техника изнашивалась и морально устарела. У телекомпании была задолженность по зарплате от 3 до 4 месяцев и составляла от 95 до 130 тыс. рублей, но финансовые вливания завода решили технические и финансовые трудности [18, с. 1]. Если в 1996 году новости выходили в урезанном варианте из-за кризиса в телекомпании [19, с. 1], то количество информационных программ «ИКС» увеличилось с 3х до 5-ти в неделю, благодаря закупке телевизионного оборудования в 1999 году [20, с. 1].

Тем не менее телекомпания в этот период начинает выходить на областной уровень. В 2002 г.

программа «Свободный вход» выигрывает сразу три диплома на областном конкурсе молодежных СМИ «Портрет поколения» [21, с. 18]. С этого времени телекомпания начинает выпускать тематические программы. Передачи были посвящены социальной проблематике, начинают выходить программы о здоровье и правоохранительной деятельности. Но из-за кризиса в 2008 году эти программы закрываются, так как большая их часть зависела от спонсоров.

В середине 2000-х гг. «Канал-С» меняет сетевого партнера. Ими становятся ТНТ и РЕН-ТВ, которые предоставляют полчаса эфирного времени для новостей. В эфир телекомпания выходит 5 раз в неделю с информационной программой «ИКС», два раза в неделю с итоговой информационной программой «Недельный запас». Новости «ИКС» выходят в 19.00 на обоих каналах с понедельника по пятницу. Программу «Недельный запас» работники телеканала подстраивают под сетки, которые предоставляют ТНТ и РЕН-ТВ. На одном телеканале передача выходит днем в 12.30, а на другом – в 19.00. Новости идут в записи. Утром идут повторы каждой программы. На РЕН-ТВ также выходят программы «Дни памяти» и «Дни поздравлений». Записывается программа «Актуальное интервью». Программа может выходить вместо новостей, иногда выходит до новостей, если позволяет сетка вещания, которую предоставляет сетевой партнер. Если нет технической возможности программу выпускать в эфире, то она выкладывается на сайте [22]. Ведущий новостей – Алексей Ильин. Всего в телекомпании четыре корреспондента: Людмила Зайдулина, Екатерина Ушакова, Ирина Виноградова, Татьяна Иксанов (координатор). Анна Бикмуллина – выпускающий редактор новостей. Операторы – Лев Юденков, Константин Перов, Николай и Вячеслав Соколовы. Телекомпания работает на аппаратуре «Sony», которую закупили в 2008 г. В таком виде телеканал существует до сегодняшних дней [23].

В 2014 г. в Серове появляется новый телеканал «День города». Идея создания телеканала появилась в 2012 г. Учредителями компании являются три физических лица. В феврале 2013 г. учредители начали искать сетевого партнера, которым стал один из влиятельных телеканалов на Среднем Урале ОТВ. Телеканал транслирует одну новостную передачу «День Города». Свердловская телекомпания предоставляет время с ПН-ПТ с 18.30-19.00, повторы новостей идут с 10.50-11.20 ежедневно, СБ-ВС – 16.30-17.00. В дальнейшем телекомпания планирует развивать программное наполнение, но из-за нехватки финансовых средств сделать это сейчас она не может. Отметим, что формат, который выбрали создатели телеканала, это народное телевидение. В штате телекомпании работает 6 человек, где директор и главный редактор – Анна Силенко,

менеджер по продажам, также два корреспондента (Кристина Петрова, Максим Белов) и два оператора (Илья Семашко, Максим Перов). Также операторы занимаются монтажом, и один оператор за дополнительную плату сводит эфиры. Телекомпания использует аппаратуру «Sony» для производства и монтажа материалов [23].

Нами также был проведен анализ содержания новостных телепрограмм, выходивших в Серове с 1 сентября по 31 декабря 2014 г. Анализ был направлен на выявление основных тем, которые совокупно освещали: «ИКС» (ТК «Канал-С»), «День города» (ТК «День города»). По итогам исследования мы выяснили, что социальная сфера в новостях занимает – 18 %, культура – 24 %, спорт – 3 %, реклама – 7 %, ЧП, криминал – 10 %, ЖКХ – 13 %, политика – 2 %, образование – 2 %, здравоохранение – 8 %, экономика – 2 %, промышленность – 11 %.

Завершая наш экскурс в историю телевидения Серова, отметим следующие тенденции:

- сокращение эфирного времени и зависимость от федеральных телеканалов (ТНТ и РЕН-ТВ) привело к закрытию многих авторских передач, которые выходили в середине 1990-х – начале 2000-х гг. Как правило, федеральные телеканалы предоставляют время для своих сетевых партнеров, но оно ограничено. В связи с этим телекомпания не может производить программы в большем объеме. С другой стороны, важную роль сыграла финансовая составляющая и кризис;
- коммерциализация эфира – это еще одна тенденция, которая привела к снижению качества телевизионного продукта. Вместо того чтобы вкладывать деньги в развитие собственных программ, наращивать аудиторию, телепередачи стали зависеть от рекламодателей. Как только спонсорство заканчивается, перестает выходить и передача. Это оправданно, так как телеканалам нужно выживать. На современном этапе наблюдается негативная тенденция: телекомпания не хочет вкладывать деньги, а гонятся за молниеносной прибылью. Поэтому, на наш взгляд, из эфиров исчезли аналитические и художественно-публицистические жанры. Преобладают информационные. Такие явления также характерны для Каменска-Уральского, Нижнего Тагила на современном этапе;
- несмотря на преобладание информационных жанров, к сожалению, падает оперативность в подготовке сюжетов и, как следствие, теряется интерес к местному телевидению. И здесь свою роль сыграл Интернет. Городские порталы предоставляют информацию намного быстрее телевидения. Тем не менее у телеканалов есть страницы в социальных

сетях. Вместо того чтобы развивать их, поддерживать диалог со своей аудиторией, серовские телеканалы ограничиваются выкладыванием сюжетов на свои интернет-каналы;

- серовское телевидение является хорошей стартовой площадкой для многих начинающих корреспондентов. В небольших городах профессиональных тележурналистов найти сложно. Поэтому руководители телевидения в муниципалитетах пытаются самостоятельно воспитывать собственные кадры, открывая курсы для начинающих корреспондентов. При «Канале-С» существует школа, где молодые люди могут получить азы профессии [22].

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубов А. Б. История России. XX век : 1939-2007 гг. / А. Б. Зубова, И. Н. Данилевский. – Москва, 2010.
2. Вырковский А. В. Региональное телевидение России на пороге цифровой эпохи / А. В. Вырковский. – Москва, 2014.
3. Гридин Г. Первые позывные : о проблемах создания в городе кабельного телевидения / Г. Гридин // Тагильский рабочий, 31 марта 1990 г.
4. Давыдов М. Видео, телевидео, телевидение / М. Давыдов // Каменский рабочий. – 27 июля. – 1990.
5. Администрация Серовского городского округа. – URL: http://www.adm-serov.ru/index.php?page_link=okrug_serov (дата обращения: 06.11.2016).
6. Данилевский И. Н. Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский. – Москва, 1998.
7. Ирлина И. Говорит и показывает Серов! / И. Ирлина // Глобус. – 17 нояб. – 2011.
8. Селиванов С. Г. Кому помешало любительское телевидение? / С. Г. Селиванов // Серовский рабочий. – 7 марта. – 1991.
9. Романова Т. Д. Что с кабельным телевидением / Т. Д. Романова // Серовский рабочий. – 1991. – № 44.
10. Романова Т. Студия «Канал-5» информирует! / Т. Романова // Серовский рабочий. – 1991. – № 66.
11. Верников С. «Канал-5» выходит в эфир / С. Верников // Серовский рабочий. – 1992. – № 34.
12. Лисовский В. Bravo, «Канал-5»! / В. Лисовский // Серовский рабочий. – 1992. – № 63.
13. Юденков В. «Канал-С» : вчера, сегодня, завтра / В. Юденков // Серовский рабочий. – 20 мая. – 1994.
14. Малинов С. «Канал-С» : прожит год / С. Малинов // Новая газета. – 6 июля. – 1993.
15. Аминников А. Есть прогресс у «Канала-С» / А. Аминникова // Серовский рабочий. – 16 окт. – 1993.
16. «Канал-С» обновляется // Серовский рабочий. – 2 нояб. – 1994.
17. Аминников А. «ТВ-6. Москва» – подарок приятный и не последний / А. Аминников // Серовский рабочий. – 20 авг. – 1994.
18. Сильченко А. С больной головы» на наши головы / А. Сильченко // Серовский рабочий. – 28 апр. – 1998.
19. Лисовский В. «Канал-С» не бастует. Пока... / В. Лисовский // Серовский рабочий. – 1996. – № 129.
20. Верников С. «ИКС» – теперь почти каждый день / С. Верников // Серовский рабочий. – 18 февр. – 1999.
21. Три диплома свободного входа // Сталь. – 22 мая. – 2002.
22. Интервью автора с выпускающим редактором «Канал-С» Анной Бикмуллиной, 18 января 2017 г.
23. Интервью автора с главным редактором телекомпания «День города» Анной Силенко, 4 апреля 2016 г.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Бойчук А. Н., аспирант кафедры телевидения, радиовещания и технических средств журналистики

E-mail: anton-boychuk@mail.ru

Ural Federal University named after first President of Russia B. N. Yeltsin

Boichuk A. N., Post-graduate Student of the Television, Radio and Technical Means of Journalism Department

E-mail: anton-boychuk@mail.ru

О ЖАНРОВОМ СВОЕОБРАЗИИ ДНЕВНИКОВ ХУДОЖНИКА

П. В. Буракова

Тюменский государственный университет

Поступила в редакцию 10 января 2017 г.

Аннотация: *расширив семантические рамки понятия «художник», мы условно сопоставляем дневники писателей и художников. Дневники писательские и неписательские имеют общую жанровую структуру, закономерности развития и связи с литературно-художественным творчеством. В статье рассматривается дневниковый текст художника с точки зрения его эстетической ценности, как полноценного литературного произведения, что открывает возможности сравнения с существующими классификационными подходами, актуальными для анализа дневников писателей.*
Ключевые слова: *дневниковая проза, жанр, дневник художника, нехудожественный, художественный.*

Abstract: *by expanding the scope of the semantic concept of 'artist', we conventionally compare writers' and artists' diaries, due to the fact that both of the diary types have a common genre structure, development patterns and links with literary and artistic creativity. The article deals with the artist's diary text in terms of its aesthetic value as a full-fledged literary work, which opens the possibility to compare it with existing classification approaches that are relevant to the analysis of the writers' diaries.*

Keywords: *diary prose, genre, artist diary, inartistic, artistic.*

Интерес к ведению и прочтению дневника, в том его «сыром» виде, «что в большинстве безымянных случаев пишется без расчета на аудиторию и не для потомков, но лишь для себя самого» [6, с. 4], существовал всегда. Независимо от авторства, дневник несет в себе отражение знаковых черт социокультурного пространства своей эпохи, ведь ведение дневника есть явление, достаточно распространенное не только в писательской среде, но и в кругах, далеких от профессиональной литературы. Формат дневниковой записи, фиксирующей моменты жизни, является довольно популярной формой самовыражения, самодисциплины и самоанализа как для представителей творческой интеллигенции – писателей, художников, музыкантов, режиссеров, так и для разного рода общественных деятелей и каждого отдельного заинтересованного в написании одного индивида.

Долгое время (и, отчасти, по сей день) между исследователями не было единства как во мнении об индивидуальности дневниковой прозы, так и в вопросе выделения дневников из состава мемуарной литературы в самостоятельный жанр. Так, Л. Л. Гинзбург относит дневник к «промежуточному» жанру, существующему на стыке литературных и внелитературных жанров, наряду с мемуарами, записными книжками и т. п. По убеждению Л. Г. Тартаковского, воспоминания и дневники составляют единый мемуарный жанр. Точку зрения А. Г. Тартаковского разделяет Т. М. Колядич, отмечая, что мемуары и дневник выступают как равноправные

разновидности мемуарного жанра, допуская в том числе, что современное развитие дневника позволяет считать его значимой и в ряде случаев даже самостоятельной художественной формой [8].

Уже к середине XX века появляются многочисленные исследования, посвященные дневниковому жанру, которые в большинстве своем носят дискуссионный характер, касаясь общих вопросов методологии, жанровых характеристик дневника, его функциональной направленности, подтверждая самостоятельность его как жанра и самоценность как объекта культуры [2].

Первыми фундаментальными работами в исследовании дневника как жанра можно считать монографии О. Г. Егорова «Дневники русских писателей XIX века» [4] и «Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра» [5], в которых автор на примере почти семидесяти текстов анализирует жанровую структуру, эволюцию и связь дневников с художественной прозой XIX века. Исследование же жанра дневника с лингвистической точки зрения, классификацию дневников по различным признакам, мы находим в объемном труде М. Ю. Михеева «Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX)» [6].

Следует отметить, что внимание к дневнику как к объекту исследования филологическими методами происходит уже в XIX в., когда рост его популярности выходит за рамки субъективно-интимного опыта повествователей и становится явлением полноценно литературным. Именно на этот временной промежуток (эпоху предромантизма – XIX в.) приходит-

ся расцвет жанра в рамках «большой» литературы. К созданию произведений целиком («Дневник лишнего человека» И. С. Тургенева, «Записки юного врача», «Записки покойника» М. А. Булгакова) или же отдельных их частей («Журнал Печорина» в романе Лермонтова, «Патриархальные нравы города Малинова» из «Записок одного молодого человека» А. И. Герцена) в жанре дневника прибегают многие известные классики. Не говоря уже о том, что изданные частично или полностью, в исконной или отредактированной до романа форме, дневники известных литературных и культурных деятелей издаются и становятся литературной классикой. Наличие явления дневникового повествования и обоснование его художественной ценности способствовало включению дневниковой прозы в полноценный литературный процесс и уравнило в правах с другими жанрами, закрепив за данными текстами само понятие жанр. Таким образом, «дневник – это литературно-бытовой жанр, в котором повествование ведется от первого лица в виде повседневных или периодических записей о событиях текущей жизни (личной, общественной, литературной)» [9, с. 149]

Наше исследование нацелено на изучение дневников представителей творческой интеллигенции частично входящих, но по определению отличных от писательской среды – художников, чьи рукописные работы эквивалентны по своей культурной значимости работам рукотворным и на выявление их художественной ценности с лингвистической позиции. Литературное, философское, критическое наследие Казимира Малевича – писателя, вызвавшее волну неприятия при его жизни, к примеру, не уступает по масштабности его художественному наследию; эпистолярное наследие Винсента Ван Гога, включающее переписку художника с братом Тео, с голландским художником Антоном ван Раппардом, с французским живописцем Эмилем Бернаром, с младшей сестрой Виллеминой и некоторыми другими лицами, среди которых на первое место следует поставить выдающегося французского живописца Поля Гогена, изданное впервые целиком в 50-ых годах прошлого века, продолжает завоевывать все новые и новые десятки и сотни тысяч читателей во всем мире, а теоретические работы В. В. Кандинского, произведения которого вообще являются начальной точкой в истории современного абстрактного искусства, – представляют собой не что иное, как настоящие научные труды в области искусствоведения!

Существующий литературный пласт произведений, написанных художниками-писателями, позволяет расширить семантические рамки самого понятия «писатель». Мы можем назвать его «художником слова» или же просто «художником», в понимании «автор, творец». Ведь метаморфозы, коим подвергается творческий путь художника, зачастую

ставят перед необходимостью объяснения корня причин к ним приведшим самого автора, хотя книги художника издаются, а картины писателя признаются. Параллельное смещение и одновременное смещение одного вида искусств другим (скетчи и наброски меж и за текстом, коллажирование, дневниковый фрагмент как часть изобразительного искусства), что свойственно дневниковым записям художников, представляли и представляют научный интерес, по большей части, с точки зрения их культурологической, искусствovedческой и исторической значимости, являясь дополнением, обоснованием и подтверждением как художественного наследия автора, так и эстетической направленности периода, в который он творил в целом. Так, дневниковые записи Альбрехта Дюрера, к примеру, позволяют не только проследить почти весь творческий путь художника, но и, помимо биографических фактов, содержат интересный исторический материал о Германии начала XVI в., с охватившими ее слухами о приближении конца света, всеобщим брожением и страстными религиозными спорами: «Самое большое чудо, какое я видел за всю свою жизнь, случилось в 1503 году, когда на многих людях стали падать кресты <...>. Из них я видел один... <...>. И упал он на служанку Эйера, которая сидела в задней части дома Пиркгеймера, прямо на рубашку, на льняную ткань. И она была так огорчена этим, что плакала и очень жаловалась, ибо она боялась, что умрет от этого» [3, с. 52]. Подобные цитаты могут представлять интерес для историков искусства. Однако для лингвиста фактическая информация в данном случае не представляет интереса больше, чем, допустим, способ ее передачи, образность или же элементы саморефлексии автора, что позволяют определить уникальность и «литературность» текста.

С лингвистической стороны тексты художников рассмотрены лишь частично или же, при наличии у художника других литературных текстов (как книги Рафаэля Соьера, американского художника-реалиста, к примеру), служат для уточнения отдельных моментов содержания текста исследователя. Хотя многие из опубликованных дневников художника пользуются довольно шумной популярностью у читателя, в отдельный литературный жанр они не выделены. Данное обстоятельство, наряду с отсутствием четких критериев классификации, присутствием некоторой «расплывчатости» к их определению и наличием большого количества видов и подвидов, свойственных дневниковой прозе в целом, служит основанием для разработки методологической базы для исследования данного вида текстов. Взяв за основу традиции и подходы к анализу дневниковых текстов художников слова, сложившихся в филологической науке, мы выделим ряд критериев, позволяющих классифицировать записи худож-

ников-писателей в их жанровом своеобразии, то есть попытаемся определить совокупность формальных и содержательных признаков, присущих этим текстам.

На сегодняшний момент не существует единого мнения по вопросу единой типологии для дневниковой прозы в целом. В связи с этим и ввиду многоаспектности изучаемого предмета, необходимо различать дневники художественные, представляющие собой воплощение авторского замысла и фантазии, когда герои, равно как и сам «автор» дневника – это не более чем плод воображения писателя, и дневники нехудожественные, актуализирующие фактическую информацию, которые описывают невымышленную действительность и имеют реально-го автора [10, с. 29]. Эти дневники: «... не сочиняются, а ведутся» [5, с. 3], что не препятствует их изданию и зачастую ставит их в один ряд с полноценными произведениями литературы в своем жанровом подвиде. И если создание первых справедливо принадлежит перу писателя, то нехудожественные, интимные дневники ведутся не только писателями-профессионалами, но и всеми представителями творческой (и не только) интеллигенции: общественными деятелями («Боливийский дневник» Эрнесто Че Гевара), актерами (Travelling to Work: Diaries 1988-1998, Michael Palin), художниками (Дневники Леонардо да Винчи, А. Дюрера) и т. д.

Невольно возникает вопрос, может ли «настоящий», «чистый», аутентичный, соответствующий в определении документальному автобиографическому свидетельству, в датах, часах и минутах воспроизводящему прошедшую жизнь своего автора, касающуюся сугубо личных или фактически подтвержденных впоследствии общественных событий дневник художника претендовать на художественность и литературность? Ответить на это вопрос однозначно довольно трудно и практически невозможно, так как формально оба классификационных типа дневника могут содержать в себе такие отличительные особенности, как: «фрагментарность, нелинейность, нарушение причинно-следственных связей, интертекстуальность, авторефлексию, смешение документального и художественного, факта и стиля...» [1, с. 87], однако такие организующие композицию доминанты, как принципиальная незавершенность, отсутствие единого замысла и намеренно подразумеваемого читателя делает нехудожественные дневники нарушающими художественные границы жанра дневниковой прозы.

Некоторую трудность в классификации представляют собой те записи, в которых происходит смешение и, в каком-то смысле, замещение качеств профессионала одной области искусства другой. Это относится к случаям, когда художник намеренно пишет свой дневник, с целью его обязательного прочтения предполагаемым читателем, то есть

в данном случае речь может идти о художнике-писателе, что позволяет рассматривать его текст с точки зрения художественной ценности. К примеру, «Дневник одного гения», где Сальвадор Дали предстает перед нами не только как эксцентричный художник, но и писатель, который пишет дневник намеренно «... дабы представить его как продолжение уже написанной им раньше книги...» [8, с. 3], с целью увековечить свою собственную славу. И несмотря на «бесстыдные» откровения, которые «с редкостной дерзостью и кощунственностью повествуют о жизни и смерти, о человеке и мире» [11, с. 2], оригинальность в их изложении не оставляет читателя равнодушным и безучастным к сюрреалистическим идеям автора и воспринимается, зачастую, как проявление гениальности художника, причем «художника», как мы условились ранее, в широком смысле слова. Решение предать рукописи огласке, возможно, должно было доказать, что повседневность гения совершенно не похожа на повседневность обычного человека. Следовательно, мы можем классифицировать дневники художника по степени мотивировки на те, что изначально пишутся для издания и те, что (независимо от последующих редакций, так как речь идет о пред-текстах) написаны не для широкой публики.

Следует отметить, что между вышеупомянутым примером «полноценно литературного» источника, написанного для публикации, и дневником «интимным», созданным не для прочтения широкой публикой, а для выражения собственного внутреннего мира лишь и для себя, безусловно, невозможно провести черточки полного равенства, в том числе и в связи с различием типа адресата. Если в первом случае адресатом выступает читатель непосредственно, то для нехудожественного, «сырого» дневникового текста его наличие так или иначе справедливо, как и присутствие обратной связи, даже если пишется дневник исключительно для себя, и мы имеем дело с, так называемой «Я – Я» коммуникацией. А в этом случае автор может, к примеру, обращаться к несуществующему реципиенту риторически или же сам выступать в роли адресата при последующем прочтении, он одновременно является как субъектом, так и объектом повествования. Несмотря на иной тип коммуникации, не предполагающий внешнего читателя как обязательное условие, даже нехудожественный дневник может содержать в себе черты, схожие с дневником художественным по степени включения в него элементов авторской фантазии, будь то замысел произведения, концепции и идеи, или же вымышленные события и герои.

Таким образом, дневник художника может быть рассмотрен с точки зрения его художественной ценности, а его текст считается полноценно художественным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова Е. В. Языковые особенности жанра дневника // Филологические науки. Вопросы теории и практики / Е. В. Богданова. – Тамбов, 2008. – № 1 (1) : в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 28–33.
2. Вознесенская И. М. Дневник : особенности семантической структуры и речевой организации // Мир русского слова / И. М. Вознесенская, 2006. – № 3. – С. 41–48.
3. Дюрер А. Дневники, письма, трактаты. Том I / А. Дюрер. – Ленинград, 1957.
4. Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века / О. Г. Егоров. – Москва, 2002. – С. 285.
5. Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века : История и теория жанра / О. Г. Егоров. – Москва, 2003.
6. Михеев М. Дневник в России XIX-XX века – эго-текст, или пред-текст / М. Михеев. – Москва, 2006.
7. Деон М. Предисловие. Дневник одного гения / Мишель Деон. – <http://www.erlib.com>
8. Новикова Е. Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников : дис. ... канд. филолог. наук Е. Г. Новикова. – Ставрополь, 2005. – С. 3.
9. Скиргайло Т. О. Методика обучения работе над сочинениями нетрадиционных жанров / Т. О. Скиргайло. – Москва, 2006.
10. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры : Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века / С. И. Сметанина. – Санкт-Петербург, 2002.
11. Якимович А. Сюрреализм и Сальвадор Дали. «Один гений» о себе самом / А. Якимович. – <http://www.erlib.com>

*Тюменский государственный университет
Буракова П. В., кафедра зарубежной литературы
E-mail: burakova_polina@mail.ru*

*Tyumen State University
Burakova P. V., the Foreign Literature Department
E-mail: burakova_polina@mail.ru*

ИДЕНТИФИКАЦИОННОЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ: ЗАДАЧИ И ИНСТРУМЕНТЫ

С. Л. Васильев

Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Поступила в редакцию 15 декабря 2016 г.

Аннотация: *эта статья посвящена удобочитаемости периодических изданий, ориентированию читателей. Эффективное функционирование аппарата ориентирования читателя повышает удобочитаемость газеты и журнала. В центре внимания автора – задачи и инструменты идентификационного ориентирования читателей.*

Ключевые слова: *аппарат ориентирования читателя, идентификационное ориентирование читателей, инструменты ориентирования читателя, удобочитаемость периодического издания.*

Abstract: *this article is about periodics readability, about reader – orientation. The effective functioning of the reader-orientation apparatus improves the readability of newspaper and magazine. The tasks and instruments of identification orienting readers are in the center of author's attention.*

Keywords: *reader-orientation apparatus, identification orienting readers, instruments of reader-orientation, periodics readability.*

Ориентирование читателей принадлежит к числу ведущих функций формы медиаиздания. Конструкция и печатного, и сетевого издания представляет собой ориентирующую систему. Каждый элемент этой конструкции несёт в себе ту или иную ориентирующую информацию.

Важнейшей составляющей конструкции как печатного, так и сетевого издания является аппарат ориентирования читателя. Механизм его действия в первом существенно отличается от механизма его действия во втором. В первую очередь это обусловлено различиями в условиях и алгоритмике читательского восприятия интернет-издания и печатного издания.

Аппарат ориентирования читателя выступает ключевым фактором удобочитаемости издания. Как смоделированная система, он предназначен для управления не только вниманием читателя, но и алгоритмикой процесса восприятия издания. Данная система управляет избирательностью и последовательностью читательского восприятия. От заданного алгоритма восприятия зависит объём полученной читателем полезной информации, на поиск которой он был нацелен. Поэтому эффективность функционирования медиаиздания напрямую связана с эффективностью функционирования его аппарата ориентирования.

Аппарат ориентирования передаёт читателю информацию предварительного, ориентирующего, направляющего, сигнального характера, открывающую вход к информации следующего уровня, как

правило, более подробной. Ориентиры выступают в качестве указателей, проводников, сигналов, знаков того или иного содержания. Основными, с нашей точки зрения, являются следующие виды ориентирующей информации.

Информация-идентификатор. Читатели сталкиваются с ней на всех ступенях восприятия медиаиздания, получая ответ на вопрос «Что это?». В первую очередь информация-идентификатор позволяет читателю безошибочно опознать само издание. Кроме этого читателю нужно точно понимать, с какими графическими элементами и присущими им функциями он имеет дело. Необходимая мера удобочитаемости предполагает чётко выраженную зрительную дифференциацию различных по функциям элементов, мгновенное распознавание всех составляющих конструкции издания.

Информация о степени значимости выпуска, рубрики, публикации, части текста, иллюстрации и т. д.

Информация о структуре издания, выпуска, раздела, рубрики, публикации, околотекстовой заголовочной комбинации, иллюстрационного ряда.

Информация о содержании издания, выпуска, рубрики, публикации, части публикации.

Информация об авторе рубрики (колонки), публикации, текста публикации, иллюстрации.

Навигационная информация. Она указывает на расположение раздела, публикации, части публикации, перенесённой на другую страницу и т. д.

Информация об устройстве текстового поля издания – совокупности текстовых частей всех редакционных материалов.

Каждому из названных видов ориентирующей информации соответствует определённая функция аппарата ориентирования читателя. Его устройство обусловлено функциями.

Исходя из этого в устройстве аппарата ориентирования читателя можно выделить службы опознавательного ориентирования (идентификации), ценностного ориентирования, ориентирования читателя в структуре издания, в его содержании, в авторстве публикуемых материалов, в пространстве издания (служба навигации), в структуре текстового поля.

Когда дело касается ориентирования читателей, отечественные и зарубежные исследователи медиадизайна обычно прибегают к термину навигация, максимально расширяя его значение [1; 2]. Мы называем навигацией только пространственное ориентирование читателя [3]. Примерно такое же значение вкладывает в этот термин и Джеймс Феличи: «Существуют стандартные элементы страницы, которые можно назвать средствами навигации. Они сообщают, в каком месте документа вы находитесь, где найти что-либо и куда следовать далее» [4, с. 325].

Каждая служба аппарата ориентирования читателя располагают определённым набором инструментов, необходимых для выполнения конкретных задач по передаче читателю ориентирующей информации того или иного вида.

В рамках этой статьи мы кратко рассмотрим задачи опознавательного, или идентификационного ориентирования читателя и тот набор основных инструментов, который применяется для решения этих задач.

Опознавательные ориентиры дают читателю возможность не только идентифицировать издание. Опознавательная ориентация осуществляется и внутри издания. В рамках этого процесса, например, происходит узнавание определённых элементов конструкции издания. Точная идентификация возможна лишь тогда, когда всякий элемент газетной или журнальной конструкции будет располагать индивидуальной формой. Необходимы явные, не вызывающие сомнений и разночтений размерные и графические отличия. Например, читатель идентифицирует выноски (выделенный и дублируемый фрагмент текста) благодаря особому формату набора, шрифтовому оформлению и расположению. Или распознаёт такой элемент, как заголовок благодаря более крупному кеглю в сравнении с кеглем рубрики и подзаголовка. Если кегль заголовка будет превышать кегль подзаголовка только на два-три пункта, читатель может испытать затруднения в идентификации названных заголовочных элементов.

Опознавательная ориентация изначально по своей сути. С неё начинается ориентационный процесс в целом, каждый его этап, каждая стадия и каждый акт.

Опознавательные ориентиры, с нашей точки зрения, действуют в отношении конкретного читателя на нескольких уровнях, определяемых алгоритмом восприятия издания. Можно говорить о таких уровнях идентификационного ориентирования, как вид издания, его тип, определённое издание, структурное подразделение издания, отдельная публикация, определённый компонент конструкции издания, текст публикации. В соответствии с обозначенными уровнями функционирования службы опознавательного ориентирования (службы идентификации) можно сформулировать стоящие перед ней задачи.

Указать читателю на вид и тип издания.

Обеспечить идентификацию издания.

Предоставить читателю средства идентификации постоянных структурных подразделений издания – разделов, рубрик, рекламных блоков, особых функциональных блоков (к ним мы относим указатель содержания, индекс – именной алфавитный указатель, обложку, выходные данные).

Предложить инструменты для быстрой идентификации конкретных публикаций (тех, на которых остановил свой выбор читатель, воспользовавшись аванпостовыми средствами ориентирования – анонсами и указателем содержания).

Помочь читателю безошибочно идентифицировать любые функциональные элементы издания: заголовочные средства, иллюстрации, подписи к иллюстрациям, авторские подписи, колоннотитулы, колонцифры, текстовые колонки, инициалы, выделенные фрагменты текста, абзацы, строки, различные пробелы, всевозможные навигационные знаки и т. д.

Обеспечить идентификацию шрифтовых знаков и их комбинаций (слов, предложений).

Первая задача. Инструментами идентификации вида периодического издания служат зрительно воспринимаемые читателем конструктивные и графические признаки, позволяющие (за исключением довольно редких гибридных конструкций) отличать газетную форму от журнальной.

Наличие обложки. У журналов она есть, у газет, как правило, её нет.

Формат. Размеры газетной страницы в большинстве случаев превосходят размеры журнальной страницы.

Объём (количество страниц). Этот идентификатор начинает терять свою актуальность. Впрочем, на сегодняшний день газеты уступают по количеству страниц журналам.

Вёрстка. До сей поры сохраняется немало различий в журнальной и газетной вёрстке, хотя примеров взаимовлияния становится всё больше.

Тип бумаги. В большинстве случаев журналы печатаются на бумаге, отличающейся по нескольким характеристикам от бумаги, на которой печатаются газеты.

Инструментами идентификации типа издания становятся типоформирующие признаки, воспринимаемые читателем визуально.

Объём в определённой степени позволяет судить о периодичности (количество страниц в ежедневной газете, как правило, значительно меньше, чем в еженедельной);

Стиль оформления может указывать на степень «бульварности» издания, на возраст аудитории и её пол, позволяет уверенно отличать научные журналы от научно-популярных и т. д.

Степень иллюстрированности. Этот признак, к примеру, позволяет различать массовые и научные журналы, художественно-публицистические и «женские».

Характер иллюстрационного ряда, виды используемых изображений. Например, в детских или сатирических изданиях преобладают рисованные иллюстрации, в деловых и научных активно используется инфографика.

Кегль текстового шрифта. В детских газетах и журналах он, как правило, на порядок крупнее, чем в изданиях, предназначенных для взрослых читателей.

Для осуществления второй задачи служба опознавательного (идентификационного) ориентирования читателя располагает следующими инструментами.

Неповторимая композиционно-графическая модель первой полосы (первой страницы обложки в журнале). Это весьма эффективный и, пожалуй, ключевой для постоянного читателя, инструмент идентификации издания. Он может сработать ещё до того, как в поле зрения окажется титул.

Титул (название издания). Этот важнейший опознавательный ориентир эффективен и для постоянных читателей, и для тех, кто впервые видит издание, или не обращался к нему в течение долгого времени.

Расположение и оформление титульного комплекса. Данный условный ориентир как инструмент идентификации издания актуален только для постоянных читателей. Например, характерными чертами титульного комплекса газеты «Вечерняя Москва», гарантирующими идентификацию, являются выворотка на фоне кирпичного оттенка и изображение ордена Трудового Красного Знамени, расположенное справа от титула.

Общая композиционно-графическая модель издания актуальна для идентификации издания по его внутренним полосам.

Выходные данные. Где бы ни располагался этот постоянный блок, он поможет любому читателю идентифицировать издание.

Формат издания. Чем реже применяется избранный для издания размер страницы, тем эффективнее работает данный инструмент идентификации. В целом же его значимость невысока, так как один

и тот же формат или близкие по размерам и конфигурации форматы используют многие газетные и журнальные издания.

Объём издания. Действуя в комбинации с форматом, этот инструмент позволит читателю отличить друг от друга многие издания, например «Известия» и «Аргументы и факты».

Конструктивные особенности издания. В качестве примеров можно привести особую конструкцию обложки, вклейки, вставки, особый крепёж бумажного блока в журналах. Скажем, особую конструкцию раскладной обложки использует журнал «РБК». Конструктивной особенностью ежедневной газеты «РБК» является её суперобложка (думается, этот термин, обозначающий один из компонентов конструкции книги, в данном случае наиболее уместен) из плотной глянцевого бумаги, на которой дублируется титульный комплекс и размещается реклама.

Тип бумаги. И плотность бумаги, и степень её гладкости, и цветовой оттенок могут служить читателю идентификационными ориентирами. Некоторые журнальные и даже газетные издания применяют два типа бумаги, что также способствует зрительной и тактильной идентификации издания.

Композиционно-графическая модель последней полосы. В определённых случаях возникает необходимость идентификации газетного издания по его последней странице. Журнальное издание можно идентифицировать по четвёртой странице обложки, если в её модели есть характерные особенности.

Как правило, быстрая и точная идентификация издания становится возможной при совместном действии нескольких ориентиров.

Рассмотрим инструменты, пригодные для решения третьей задачи.

Рубрикация. Газеты и журналы, в зависимости от типа и объёма, используют одноуровневые, двухуровневые и намного реже трёхуровневые варианты рубрикации. Вербальные обозначения (названия разделов, рубрик) применяются в большинстве структурных подразделениях издания.

Постоянное расположение в пространстве издания, разворота, полосы. За каждым структурным подразделением (разделом, рубрикой, колонкой редактора, указателем содержания, выходными данными) закрепляется своё место в соответствии с пространственной и структурной моделями издания.

Особый тип бумаги. Какой-либо вкладыш в газете, газета в газете, определённый раздел или несколько разделов в журнале могут печататься на бумаге иного типа. Условное опознавательное ориентирование такого рода эффективно лишь по отношению к постоянным читателям издания.

Цветовая маркировка структурного подразделения. Данный идентификационный инструмент чаще используется в журналах, нежели в газетах.

Каждому тематическому разделу присваивается свой цвет, в который окрашиваются рубрики, заголовки, инициалы, подложки и прочие элементы, но не все подряд, конечно.

Индивидуальная композиционно-графическая модель постоянного структурного подразделения. Речь идёт о двухуровневом композиционно-графическом моделировании, когда внутри общей модели формируются особые модели избранных рубрик. Это условное опознавательное ориентирование направлено на постоянных читателей. Например, собственную композиционно-графическую модель в еженедельной газете «Аргументы и факты» имеет подборка высказываний известных персон на второй полосе, которые иронично комментируют С. Репов и А. Фуфырин.

Для реализации четвёртой задачи в арсенале службы опознавательного ориентирования имеются следующие инструменты.

Заголовочная структура публикации. В ней должен быть заголовочный элемент (в качестве такового чаще выступает заголовок), адекватный или весьма близкий синтаксически и лексически элементу, присутствующему в анонсе или указателе содержания. Таких элементов может быть несколько (например, рубрика, заголовок и подзаголовок).

Композиционно-графическая модель рубрики, в рамках которой печатается искомый материал. Инструмент работает только для постоянных читателей, знающих, в какой рубрике следует искать нужную публикацию, и идентифицирующих эту публикацию по её оформлению, адекватному особой оформительской модели рубрики.

Иллюстрация. Данный инструмент срабатывает в том случае, если иллюстрация была включена в анонс, или указатель содержания. Весьма эффективным идентификатором является портретная фотография (лучший вариант – крупный план).

Отдельные ключевые слова в заголовочных элементах публикации, «прозвучавшие» в анонсе или указателе содержания. Околотекстовая заголовочная структура публикации в некоторых изданиях почти полностью отличается от заголовочных структур анонса и соответствующей ячейки в указателе содержания. Только одно ключевое слово может оказаться общим. И оно становится идентификационным ориентиром.

Номер страницы, указанный в анонсе, строке переноса или указателе содержания также может выступать идентификатором публикации. Это цифровое значение, указывающее страницу, где начинается материал, по существу становится присвоенным публикации кодом, который не даст читателю «сбиться с пути» даже в том случае, когда содержание анонса не совпадает и не согласуется с содержанием околотекстовых заголовочных элементов. Такой цифровой код может быть чуть более сложным и включать

номера страниц начала и окончания публикации. Безусловно, рассматриваемый идентификатор более эффективен в журналах, где многие публикации располагаются на нескольких страницах.

Инструменты, указанные ниже, привлекаются службой идентификации для выполнения пятой задачи.

Устоявшаяся графическая форма (графическая модель) функционального элемента. Устойчивые графические модели различных функциональных элементов газетной и журнальной конструкции складывались долгое время. Это традиционные модели, традиционные формы. Благодаря типографическим традициям читатель без труда идентифицирует в разных по типу и графической модели изданиях буквицу (инициал), различные заголовочные элементы, текстовую колонку, такую её часть, как абзац, и многие другие элементы. Большинство конструктивных элементов имеют общую формальную основу, но в разных изданиях им присущи индивидуальные черты. При разработке графической модели издания за счёт выбранных нюансов определяется особая форма каждого функционального элемента.

Устойчивое расположение функционального элемента по отношению к другому элементу. Например, такой заголовочный элемент, как подзаголовок, размещается обычно (но не всегда) ниже заголовка. Вводка, инициал располагаются в начале текстовой части публикации.

Установленный композиционно-графической моделью размер функционального элемента в соотношении с размером другого, близкого по назначению элемента. В качестве примеров можно привести такие пары: кегль заголовка – кегль подзаголовка, кегль инициала – кегль основного текстового шрифта.

Читатель должен легко распознавать любой элемент информационной конструкции издания и его функцию. Допустим, форма заголовка будет совпадать с формой рубрики, форма вводки с формой выноски, форма авторской подписи с формой текстовой строки. В этом случае неизбежна дезориентация читателя.

Наконец, назовём инструменты, которые могут быть задействованы службой опознавательного ориентирования для решения шестой задачи.

Традиционное построение шрифтового знака, его общепринятая графема. Для подачи текста необходимо использовать наборные шрифты с классическим рисунком шрифтового знака. В этом случае шрифтовые знаки идентифицируются читателем максимально быстро. Акцидентные, декоративные и стилизованные шрифты, в которых форма шрифтового знака может быть весьма нестандартной, для текстового набора не пригодны, поскольку осложняют и замедляют чтение текста.

Пробельное пространство (контрформа) вокруг шрифтового знака. Оно создаётся за счёт интерлиньяжа, апроша, абзацного отступа, межсловного пробела и пробела в неполной конечной строке абзаца. Читатель видит и распознаёт шрифт благодаря пробельному пространству. Нет контрформы – нет восприятия, нет идентификации шрифтовых знаков.

Выверенные по размеру пробелы между словами. Когда-то текст обходился без них, но эти времена остались в далёком прошлом. В новгородском «Остромировом Евангелии», написанном в 1056 году, не было деления на слова. Членение текста осуществлялось лишь на уровне предложений при помощи точки, которая располагалась не на нижней линии шрифта, в середине высоты рукописного шрифтового знака. В тексте этого евангелия обращают на себя внимание просторные межбуквенные пробелы. При этом межсловные пробелы отсутствуют. Точнее говоря, последние по величине не отличаются от первых. Современный читатель вряд ли согласился бы с отсутствием ясно обозначенных межсловных пробелов, структурирующих набор и позволяющих легко идентифицировать его важнейшие единицы – слова.

Точка в конце предложения, прописной знак в его начале, пробел между точкой и прописным знаком (можно обойтись и одной точкой, но это разрушит привычный для читателя рисунок и ритм набора). Названные инструменты, служащие для структурирования шрифтового набора, одновременно являются инструментами его адекватной идентификации.

Знак переноса слова в нижестоящую наборную строку. Он соединяет две части разорванного слова. Точная идентификация разъединённой комбинации шрифтовых знаков, составляющих перенесённое слово, чрезвычайно важна для эффективного читательского восприятия текста.

Значение слова, смысл предложения. Семантические идентификаторы очень важны. Можно убрать все формальные идентификаторы: точку в конце предложения, следующий за ней пробел, прописной знак, означающий начало следующего предложения. И такой текст будет восприниматься. Восприниматься благодаря только одной семантике.

Институт гуманитарных наук Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Васильев С. Л., доктор филологических наук, профессор
E-mail: wasiljewsl@mail.ru

Правильная, завершённая структура предложения. Даже бессмысленное предложение воспринимается читателем как предложение, когда оно имеет правильную, соответствующую синтаксическим нормам структуру. Если синтаксическое построение предложения не соответствует устоявшимся нормам, у читателя возникают затруднения с идентификацией предложения как важнейшей структурной составляющей текста. Процесс восприятия текста нарушается.

По нашему мнению, в процессе восприятия периодического издания наиболее значимыми для аудитории являются инструменты идентификации структурных подразделений издания и функциональных элементов его конструкции.

Инструменты ориентирования формируют и закладывают в конструкцию издания его проектировщики. Эффективными следует считать такие инструменты, которые адекватно воспринимаются дизайнерами и читателями, то есть ориентирующими и ориентируемыми.

Инструментарий аппарата ориентирования читателя газеты существенно отличается от инструментария аппарата ориентирования читателя журнала. Более того, набор ориентирующих инструментов, используемый конкретным изданием, в заметной мере зависит от его типа.

В большинстве актов идентификации читатель пользуется не одним инструментом, а несколькими. Идентификационные ориентиры, воспринимаемые читателями в первую очередь, взаимодействуют друг с другом и далее с ориентирами других типов, поддерживая успешное развитие ориентационного процесса в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев А. А. Навигация как ключевой компонент визуальной организации веб-сайта / А. А. Беляев. – URL: <http://www.mediascope.ru>. – Выпуск № 2. – 2009.
2. Васильев С. Л. Удобочитаемость газеты и журнала / С. Л. Васильев. – Воронеж, 2010.
3. Гарсия М. Как сделать содержание компактным / М. Гарсия // КАК. – 2005. – № 2. – С. 23–25.
4. Феличи Д. Типографика : шрифт, вёрстка, дизайн / Д. Феличи. – Санкт-Петербург, 2004.

Institute of Humanities of BFU them. Kant
Vasilyev S. L., Doctor of Philology, Associate Professor
E-mail: wasiljewsl@mail.ru

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ТАДЖИКИСТАНА И РОССИИ В МАТЕРИАЛАХ ИНФОРМАЦИОННОГО АГЕНТСТВА И ГАЗЕТЫ «ASIA-PLUS»

А. А. Дякина, Х. Ш. Сайдумаров

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

Поступила в редакцию 28 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье рассматриваются материалы ИА «ASIA-Plus» и одноименной газеты, касающиеся торгово-экономических отношений между Россией и Таджикистаном. Публикации 2015-2016 гг. с точки зрения контент-анализа разделяются на тематические группы, представляются в таблице с позиций соотносительных пропорций с общим объемом материалов по теме. Делается акцент на том, что корреспонденты издания с опорой на фактические данные отраслевых специалистов профессионально информируют свою читательскую аудиторию, и убеждают ее в том, что торгово-экономическое сотрудничество между странами носит поступательный и долгосрочный характер.

Ключевые слова: медиа-группа, мониторинговый период, «ASIA-Plus», информация, аналитические материалы, освещение торгово-экономических отношений.

Abstract: the article deals with materials of IA «ASIA-Plus» and the same newspapers, concerning trade and economic relationship between Russia and Tajikistan. Publications 2015-16 years in terms of content analysis are divided into thematic groups, and represented in the table with a position correlative proportions with a total volume of materials on the topic. The matter of the fact is that, correspondents publications relying on the evidence of industry experts professionally inform its readership, and convince them that the trade and economic cooperation between the two countries is an ongoing and long-term.

Keywords: media group, monitoring period, «ASIA-Plus», information, analysis, coverage of trade and economic relations.

Развитие отдельно взятой страны в современном мире трудно представить без торгово-экономических отношений. Экономические отношения – это объективно складывающиеся отношения между людьми при производстве, распределении, обмене и потреблении благ¹. Международные торгово-экономические отношения представляет собой систему связей между представителями разных народов, закрепленную добровольными договорами, по которым стороны действуют, исходя из мотивов выгоды.

После распада СССР характер российско-таджикских отношений определяется как тип стратегического партнерства. 8 апреля 1992 года в Душанбе был подписан «Протокол об установлении дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан»; позже – еще целый ряд документов: «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан» (25.05.1993 г.),

«Договор о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан, ориентированный в XXI век» (16.04.1999 г.) и др. К настоящему времени между РФ и Таджикистаном на уровне правительства подписано большое количество межгосударственных договоров, регулирующих сотрудничество в политической, экономической, торговой, инвестиционной, военной, гуманитарной, культурной сферах; касающихся отдельных проблем, в первую очередь, трудовой миграции. Более того, обе страны входят и действуют в рамках международных и региональных организаций: ООН, СНГ, ШОС, ОДКБ, а значит и на этих уровнях поддерживают торгово-экономические отношения.

По данным информационного агентства «ASIA-Plus» «75 субъектов РФ принимают участие в прямом торгово-экономическом сотрудничестве с Таджикистаном, заключив соответствующие соглашения»². Кроме того, между регионами России и Таджикистана существуют договоры о сотрудничестве в области

¹ Экономические отношения. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 19.12.2016).

² Российские компании заинтересовались таджикской сельхозпродукцией. – URL: <http://news.tj/ru/news/tajikistan/economic> (дата обращения: 11.04.2016).

строительства, промышленности, торговли, финансово-кредитной, топливно-энергетической, производственной кооперации. В качестве примера может служить заключённый договор между Ивановской областью (Россия) и администрацией Хатлонской области (Таджикистан) об импорте таджикского хлопка³. В целом, как утверждает эксперт ИА «Фергана.РУ», доктор исторических наук В. Дубовицкий, «между Таджикистаном и Россией за последние пятнадцать лет было подписано 180 договоров на межправительственном уровне» [1].

С опорой на мнение авторитетных исследователей газета «ASIA-Plus» отмечает: «С 1992 по 2014 г. между Таджикистаном и Россией заключено более 250 межгосударственных, межправительственных и межведомственных соглашений»⁴. Данные посольства Российской Федерации в Республике Таджикистан конкретизируют моменты сотрудничества: «в Таджикистане зарегистрированы и работают более 100 отдельных российских и совместных предприятий» [2].

Анализируя сложившуюся торгово-экономическую ситуацию между странами, С. А. Буторов справедливо считает: «Центральная Азия всегда будет для России исключительно важным регионом для обеспечения ее долгосрочных жизненных интересов. Ощутимым стало понимание того, что без стабильности в Центральной Азии, без динамичного социально-экономического развития стран региона, без углубления и расширения интеграционных процессов на этом пространстве трудно представить дальнейший устойчивый рост экономики России, а соответственно – и перспективу усиления ее влияния как на региональном, субрегиональном, так и на глобальном уровнях» [3, с. 13].

Практически с первых лет провозглашения своего суверенитета Таджикистан поддерживает активные торгово-экономической связи с Россией. В июне 2006 года в Душанбе было открыто «Торговое представительство» Российской Федерации. Стали ежегодными встречи на высшем уровне, во время которых президенты предметно обсуждают вопросы повышения эффективности двустороннего многопланового сотрудничества.

В материалах Посольства Российской Федерации в Республике Таджикистан разных лет отмечаются важнейшие этапы сотрудничества. К примеру, указывается, что «серьезный импульс экономическим контактам между нашими странами придало проведение в январе 2014 г. российско-таджикской Межправкомиссии по экономическому сотрудничеству под сопредседательством первого заместителя

³ В Таджикистан приедет бизнес-миссия Ивановской области. – URL: <http://news.tj/ru> (дата обращения: 19.05.2015).

⁴ Таджикистан-Россия : дружбе быть. – URL: <http://news.tj/ru> (дата обращения: 02.09.2015).

Председателя Правительства России И. И. Шувалова»; или «в ходе визита в Таджикистан Президента Российской Федерации В. В. Путина 11-12 сентября 2014 г. достигнут целый ряд важных договоренностей, направленных на стимулирование двусторонних связей, включая торгово-экономическое сотрудничество» [2].

Кроме того, в рамках официальных визитов в Россию глава Таджикистана всегда выражал заинтересованность в двусторонних отношениях. Один из примеров, рабочий визит Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона 6 февраля 2014 г. в Российскую Федерацию (г. Сочи), в ходе которого главы двух государств отметили обоюдную заинтересованность в расширении взаимовыгодного сотрудничества в различных сферах, в том числе торгово-экономической⁵.

Проблема торгово-экономических отношений Таджикистана и РФ в настоящее время достаточно актуальна. Отдельные ее аспекты рассматриваются в работах Буторова С. А. [3], Алимова Б. Х. [4], Азимова А. Д. [5], Муллоджонова П. [6]. Авторы обращаются к анализу взаимодействия рынков труда, развития стратегических и экономических отношений двух стран. Свою лепту в освещение указанных процессов вносят СМИ Таджикистана, которые до сих пор не были предметом специального изучения. Пытаясь восполнить данный пробел, мы обратились к материалам независимой медиа-группы Таджикистана «ASIA-Plus», в которую входят три самостоятельные компании, работающие под одним брендом: Информационное агентство, Издательский дом и Телерадиокомпания. Для анализа отобраны публикации веб-портала информационного агентства «ASIA-Plus», онлайн-версии одноименного издания, которое позиционирует себя как информационно-аналитическое и по количеству посещений является безусловным лидером в интернет-зоне ТГ⁶. Мониторинговый период исследования охватывает промежуток с 1 января 2015 г. по 1 декабря 2016 г., в котором были отобраны 218 публикаций по заявленной проблематике (соответственно 120 – в 2015 г.; 98 – в 2016 г.). В ходе изучения материалов определились следующие тематические группы: товарооборот между странами, денежные переводы из России как часть ВВП Таджикистана, деятельность совместных организаций и предприятий, деятельность стран в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), транспортная сфера, финансовые взаимоотношения, выставочно-ярмарочная деятельность между странами и регионами, инвестиции России в экономику Таджикистана.

Для системного исследования материалов использовался метод контент-анализа. Результаты

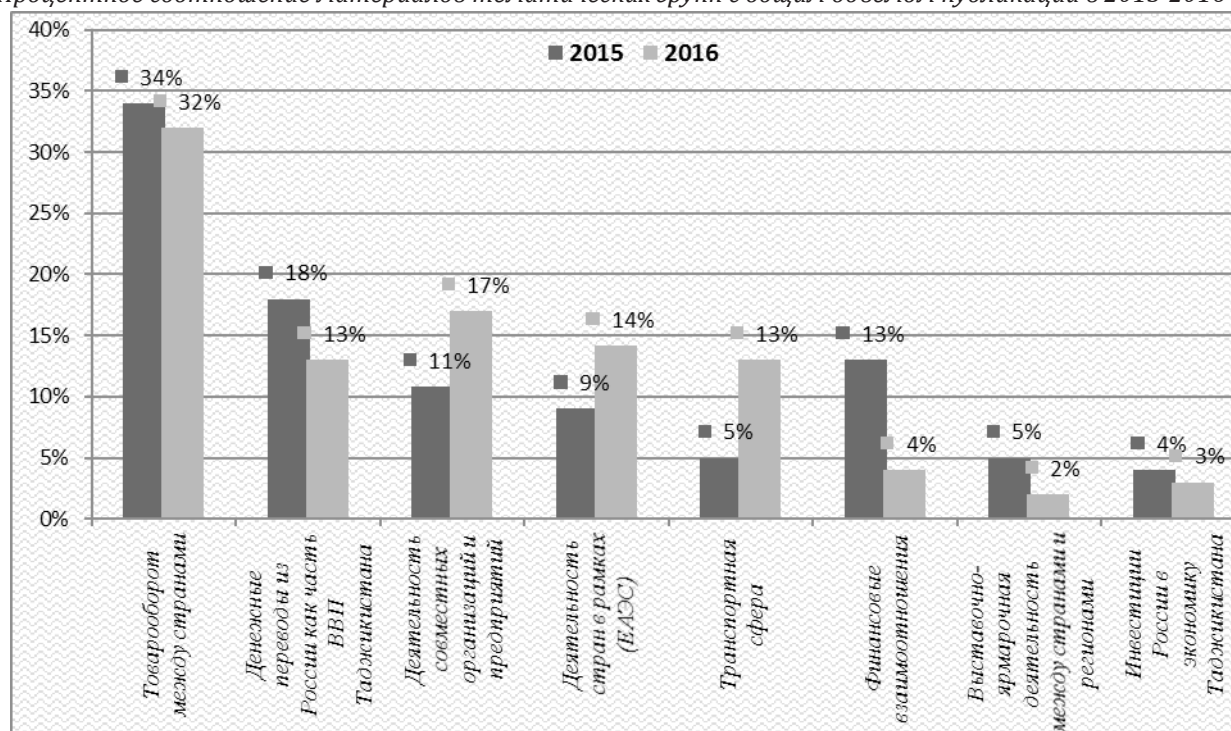
⁵ Там же.

⁶ См: ИА «ASIA-Plus», «о нас». – URL: <http://news.tj/ru/info/about>

представлены в диаграмме 1.

Диаграмма 1

Процентное соотношение материалов тематических групп с общим объемом публикаций в 2015-2016 гг.

Информационное агентство «ASIA-Plus» и одноименная газета прилагают немалые усилия для освещения вопросов развития и продвижения торгово-экономических отношений России и Таджикистана. Однако, по мнению таджикского политолога П. Муллоджонова, «СМИ должны в либерально ориентированном обществе предоставлять сбалансированную и объективную информацию, но их продукция часто зависит от интересов и ценностей финансовых групп, которые их субсидируют, или от мнения редакторов, которые в основном по своим доходам принадлежат к средним классам и своей деятельностью могут воспроизводить свои предрассудки и настроения» [6]. Попытаемся понять, насколько эта точка зрения соотносится с позицией интересующего нас издания при всей разносторонности его подходов в освещении торгово-экономических отношений России и Таджикистана. Обратимся к публикациям, касающимся товарооборота между странами.

Начнем с того, что в настоящее время Россия занимает первое место по объемам товарооборота с Таджикистаном. Развитие торгово-экономических отношений осуществляется за счет постоянного увеличения импорта и экспорта между странами. Увеличение импорта российской продукции происходит за счет нефтепродуктов, древесины, черных металлов, машинно-технического оборудования и продовольствия (продукции мукомольно-крупяной промышленности, других видов товаров и услуг, в т. ч. сахара и кондитерских изделий). В свою очередь Таджикистан поставляет на российский рынок

в основном хлопок, плодоовощную продукцию, корнеплоды, отдельные виды сырья.

За время мониторингового периода в рубрике «Экономика» анализируемого СМИ по теме товарооборота между странами опубликовано 73 материала (33 % от общего количества материалов по проблеме торгово-экономических отношений), в которых обсуждены вопросы импорта и экспорта товаров между Таджикистаном и Россией, заключения договоров в области внешнеторговых отношений двух стран. По мнению экспертов, привлеченных журналистами «ASIA-Plus», с 2014 года наблюдается снижение товарооборота между Таджикистаном и Россией. Все равно Россия по-прежнему остается основным внешнеэкономическим партнером республики. С опорой на официальные данные «ASIA-Plus» утверждает: в 2016 г. (январь-октябрь) Таджикистан имел торговые отношения с 109 странами мира, доля которых составляла \$3,2 млрд, что на 7,8 % или на \$275 млн ниже показателя аналогичного периода 2015 года. Объем таджикско-российского товарооборота при этом составил \$868 млн⁷. Вместе с тем внимание читателей обращается и на те показатели, которые вызывают определенную озабоченность. Автор публикации констатирует наблюдающуюся тенденцию снижения объема товарооборота с Россией, который «в январе-декабре 2015 г. составил \$1105,5 млн (уменьшение по отношению к январю-

⁷ Таджикистан с начала года наторговал на 3,2 миллиарда долларов. – URL: <http://news.tj/ru/news/tajikistan/economic> (дата обращения: 16.11.2016).

декабрю 2014 г. – на 10,6 %); поставки товаров в Россию из Таджикистана, которые составили \$56,9 млн (рост на 11,7 %), импорт из России в Таджикистан – \$1048,6 млн (снижение на 12,8 %)» [7]. Цифры наглядно показывают справедливость суждений автора аналитической статьи.

На страницах издания, в материалах портала практически все публикации, касающиеся товарооборота между странами, представляют собой серьезный профессиональный анализ процесса с непосредственной опорой на конкретные показатели, их сравнение с данными предыдущего аналогичного периода, с выводами и прогнозами экспертов и журналистов. Кроме того, авторы часто сопровождают свои материалы фотографиями официальных встреч глав государств, крупных предпринимателей, которые придают им необходимую степень солидности. Нередко используются фото товаров, участвующих в экспорте-импорте. При этом взаиморасчеты большей частью происходят в долларовом эквиваленте, а не в национальных валютах, авторы постоянно акцентируют внимание на государственных атрибутах двух стран, словно подчеркивая самодостаточность партнеров.

Самым значимым для РТ в области товарооборота считается импорт российских нефтепродуктов, который осуществляется на базе совместного предприятия. В одном из материалов издания утверждается, что «Газпромнефть Таджикистан» контролирует порядка 60 % рынка ГСМ в Таджикистане. Для стимулирования товарооборота между странами в 2016 году Россия, согласно достигнутым договоренностям, как и в 2015 году, предоставила Таджикистану 830 тыс. тонн нефтепродуктов без взимания экспортной таможенной пошлины⁸. Поставки нефтепродуктов составляют основную долю российского экспорта в Таджикистан, примерно около 37-40 %, и только 20 % приходится на древесину, черные металлы и продукты питания⁹.

В системе товарооборота между странами действуют отлаженные механизмы. Между тем встречаются материалы, в которых приводятся факты, свидетельствующие о недостаточной разработанности отдельных вопросов товарооборота между Россией и Таджикистаном. Корреспондент «ASIA-Plus» Сайфиддин Караев размышляет о частных аспектах проблемы и в качестве доказательства недобросовестности выполнения обязательств разными сторонами цитирует слова министра сельского хозяйства Таджикистана Изатулло Саттори: «В начале этого года представители сразу нескольких

⁸ Россия предоставит Таджикистану 830 тыс. тонн беспошлинных нефтепродуктов. – URL: <http://news.tj/ru/news/tajikistan/economic> (дата обращения: 28.06.2016).

⁹ Торгпред: если бы решал бизнес, Таджикистан давно бы уже был в ЕАЭС. – URL: <http://news.tj/ru/news/tajikistan/economic> (дата обращения: 17.11.2015).

российских компаний, занимающихся заготовкой сельхозпродукции, договорились с местными производителями о поставках в Россию картофеля и лука. Однако договоренности не были выполнены, что стало причиной значительных убытков таджикских фермеров»¹⁰.

Таким образом, информация, касающаяся товарооборота между странами, представляется в исследуемых материалах достаточно объемно и многогранно. Журналисты не обходят острых углов проблем, неизбежно возникающих на пути живого сотрудничества. С другой стороны, совершенно очевидно, что оценка тех или иных особенностей товарооборота между странами дается с позиций экономических выгод Таджикистана.

Проанализированные материалы позволяют сделать вывод о том, что ИА «ASIA-Plus» и одноименная газета с большим вниманием рассматривают вопросам торгово-экономических отношений России и Таджикистана. На страницах изданий русскими и таджикскими экспертами с опорой на фактические данные профильных специалистов оперативно обсуждаются нынешние проблемы импорта и экспорта стран, в которых часто выдвигается рычаг стимулирования развития внешнеэкономических отношений стран. Положение дел в основном оценивается позитивно, хотя в отдельных материалах присутствуют достаточно вольные, отличные от официальных, трактовки событий и фактов торгово-экономического сотрудничества между странами. Нередко корреспонденты, анализируя конкретные ситуации, выражают сомнения по поводу равноправного партнерства Таджикистана и России, упрекая российских представителей в определенном давлении, стремлении к лидерству, отклонении от выполнения тех или иных обязательств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубовицкий В. Пятнадцатилетние итоги и надежды российско-таджикских отношений [Электронный ресурс] / В. Дубовицкий. – Режим доступа: <http://analitica.org> (дата обращения: 07.11.2016).
2. Посольство Российская Федерация в Республике Таджикистан: «Торгово-экономическое сотрудничество» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusemb.tj/ru> (дата обращения: 19.11.2016).
3. Буторов С. А. Внешняя политика России в странах СНГ / С. А. Буторов. – Душанбе: Издательство РТСУ, 2007. – 163 с.
4. Алимов Б. Х. Россия и Таджикистан: развитие стратегических отношений в годы независимости / Б. Х. Алимов // Вестник ТГУПБП. – 2013. – №4 (56). – С. 182–187.
5. Азимов А. Д. Взаимодействие рынков труда Таджикистана и России в условиях трансформации демографии¹⁰ Почему русские не покупают таджикские помидоры? – URL: <http://news.tj/ru/news/tajikistan/economic> (дата обращения: 01.08.2016).

ческих процессов / А. Д. Азимов // Вестник ТГУПБП. – 2014. – №1 (57). – С. 124–130.

6. Муллоджанов П. Российско-таджикские отношения : современное состояние и перспективы развития / П. Муллоджанов // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – №5

(53). – С. 98–108.

7. Вести экономики : 5 фактов о сотрудничестве России с Таджикистаном [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/> (дата обращения 29.11.2016).

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
Дякина А. А., доктор филологических наук, профессор
E-mail: anjeloprof@mail.ru

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
Сайдумаров Х. Ш., аспирант
E-mail: Khurshed_1818@mail.ru

Bunin Yelets State University
Dyakina A. A., Doctor of Philology, Associate Professor
E-mail: anjeloprof@mail.ru

Bunin Yelets State University
Saidumarov Kh. H., Post-graduate Student
E-mail: Khurshed_1818@mail.ru

О МЕРАХ ГОСПОДДЕРЖКИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТНОЙ ПРОДУКЦИИ В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В. В. Колесникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 8 февраля 2017 г.

Аннотация: статья посвящена анализу мер по повышению доступности книжной и периодической печатной продукции для населения Воронежской области в 2013-2016 гг.

Ключевые слова: периодическая печатная и книжная продукция, киоски прессы, распространение прессы.

Abstract: the article is dedicated to the analysis support measures, which increase the availability of book and periodical printed materials for the population in the Voronezh region from 2013 to 2016.

Keywords: periodicals and books, newsstand, press distribution.

В 2013 году Министерство связи и массовых коммуникаций РФ утвердило рекомендации по поддержке и развитию системы розничного распространения периодических печатных изданий и иной печатной продукции в субъектах РФ (приказ № 197 от 31.07.2013). Эти рекомендации [1] касались ряда параметров:

- расчет отдельно для каждого города (населенного пункта) не менее одного киоска прессы на 1500 человек в городе, не менее одного киоска прессы на 2500 человек в районах области, не менее одного киоска прессы на 4000 человек в населенных пунктах с населением менее 50 000 человек;

- площадь киоска прессы от 9 м² до 18 м² в зависимости от городских (местных) условий, спроса населения и экономической целесообразности, при этом оптимальная площадь киоска прессы – до 12 м², площадь павильона прессы до 50 м²;

- единое стилистическое решение киосков прессы, расположенных на территории одного города (населенного пункта);

- ассортимент киоска прессы необходимо составлять из не менее 60 % печатной продукции, включая периодические печатные издания. Доля иной продукции согласно ассортиментному перечню, утвержденному органом исполнительной власти субъекта РФ, не более 40 %;

- киоск прессы может быть использован для предоставления рекламных услуг. Рекламные конструкции и рекламные объявления рекомендуется располагать на киоске прессы, не загромождая при этом их витрину, согласно правилам размещения рекламы, утвержденным органом исполнительной власти субъекта РФ в соответствии с Федеральным законом от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»;

- в непосредственной близости от киоска прессы возможна установка холодильного оборудования для реализации населению напитков и мороженого;

- льготные ставки на аренду киосков прессы, предусматривающие ценовой диапазон: не выше 30 рублей за м² в месяц – в городах с населением 1 млн человек и выше, не выше 20 рублей за м² в месяц – в городах с населением от 100 тысяч человек до 1 млн человек, не выше 5 рублей за м² в месяц – в городах с населением до 100 тысяч человек и сельской местности;

- отсутствие платы за использование опор городского наружного освещения и ряд других.

С целью учета рекомендаций Минкомсвязи РФ и поручения президента РФ В. В. Путина (по итогам совместного заседания Государственного Совета РФ и Совета при Президенте РФ по культуре и искусству от 24 декабря 2014 года) в Воронеже и Воронежской области началась планомерная реформа в сфере региональной поддержки сетей, торгующих печатной продукцией:

- в 2014 году снижена стоимость права по заключенным договорам на размещение киосков прессы в Воронеже на 53,3 %;

- в ноябре 2014 года по решению главного архитектора города разрешено увеличить площади киосков и павильонов прессы на улицах центральной части города с 6-8 м. кв. до 18 м. кв.;

- в марте 2015 года скорректированы места расположения киосков с учетом пожеланий руководителей сетей, в схемы размещения киосков включено холодильное оборудование;

- в марте 2015 года в целях поддержки книгоиздания в регионе было принято решение предоставлять не менее одного квадратного метра площади в киосках и павильонах прессы для продажи книжной продукции;

– с 18 мая 2015 года по принципу государственно-частного партнерства установлены барьерные стойки в 69 наиболее крупных отделениях почтовой связи Воронежской области, в которых представлены ведущие СМИ России, области и Воронежа;

– 17 июня 2015 года Решением городской Думы организации, осуществляющие торговлю прессой в Воронеже, освобождены от платежей за право на заключение договоров на размещение торговых объектов в период с 1 апреля по 31 декабря 2015 года, а затем и на весь 2016 год. Эта мера позволила сетям направить высвободенные средства на реконструкцию киосков и павильонов. Отдельно подчеркну, что впервые в России ставка за арендную плату для киосков прессы стала нулевой.

По данным интернет-издания PlanetaSMI.ru [2], отслеживая по стране ситуацию с обеспеченностью киосками прессы, Ассоциация распространителей печатной продукции (АРПП) составила рейтинг регионов и руководителей в 2015 году. Специалистами ассоциации был проведен опрос 85 субъектов РФ. На основе полученных данных были обозначены лучшие регионы по обеспеченности киосками прессы: Калининградская область, Липецкая область, Челябинская область, Тульская область, при этом лидерство в рейтинге руководителей регионов принадлежит главам Липецкой и Воронежской областей. В оценку эффективности деятельности руководителей субъектов РФ были включены несколько показателей: уровень обеспеченности населения специализированными объектами прессы, соответствие арендных ставок рекомендациям приказа Минкомсвязи РФ и ассортимент объектов прессы.

Кроме того, 17 декабря 2015 года в соответствии с постановлением правительства Воронежской области № 983 «Об утверждении Порядка предоставления субсидий из областного бюджета индивидуальным предпринимателям, юридическим лицам, зарегистрированным на территории Воронежской области, осуществляющим свою деятельность в сфере розничного распространения периодической печатной продукции на компенсацию части затрат, связанных с организацией розничного распространения печатной продукции, на 2015 год» сети, торгующие прессой, получили субсидии в размере 2,85 млн рублей.

Эти меры позволили сетям прессы направить высвободенные средства на реконструкцию киосков и павильонов. Произведена реконструкция 60 киосков прессы, были введены в эксплуатацию 2 новых киоска. В 2016 года в городе установлены еще 5 новых павильонов прессы. В частности, сеть ИП «Минаков» реконструировала в 2015 году 8 киосков, и в настоящее время киоски, требующие реконструкции, отсутствуют. Киосковая сеть ОАО «Роспечать» в 2015 году реконструировала 17 киосков и поставила 2 новых киоска, в апреле 2016 года установлен новый павильон площадью 20 кв. м. Реконструкция еще 14 киосков была завершена к апрелю 2016 года. Сеть «СЕГОДНЯ-ПРЕСС-ВОРОНЕЖ» в 2015 году провела реконструкцию 21 киоска, а в 2016 году установила 4 новых павильона.

На сегодняшний день на территории города Воронежа действует 226 объектов, реализующих печатную продукцию (из них 3 павильона и 14 магазинов, остальные — киоски). В Воронежской области — 67 киосков и 985 отделений связи «Почты России», в которых продается пресса. В отделениях почтовой связи ведется подписка на газеты и журналы и предоставляется дополнительная возможность для населения приобрести издания в розницу. Ведущие СМИ Воронежа и Воронежской области, согласно ассортиментному перечню, рекомендованному управлением Федеральной почтовой связи Воронежской области «Почта России», представлены на стойках в крупнейших отделениях почтовой связи муниципальных районов Воронежской области. Власти планируют расширять сеть по торговле печатной продукцией в регионе в ближайшие годы.

Таким образом, Воронежская область является одним из лидеров, обеспечивающих эффективные меры поддержки книжной и периодической печатной продукции. Развитие розничного распространения периодической печатной продукции является одним из приоритетных направлений деятельности правительства области. Курирует направление областной департамент связи и массовых коммуникаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://minsvyaz.ru/ru/documents/3861/>
2. <http://www.arpp.ru/component/content/article.html?id=278285>

*Воронежский государственный университет
Колесникова В. В., кандидат филологических наук, и. о.
зав. кафедрой телевизионной и радиожурналистики
E-mail: kolesnikova_vv@jour.vsu.ru*

*Voronezh State University
Kolesnikova V. V., Candidate of Philology, Acting Head of the
Television and Radio Journalism Department
E-mail: kolesnikova_vv@jour.vsu.ru*

К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОМ СПОРЕ А. В. ЖИГУЛИНА И В. Т. ШАЛАМОВА О ЛАГЕРНОЙ ПОЭЗИИ

В. В. Колобов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 января 2017 г.

Аннотация: в статье впервые исследуются дневниковые записи выдающегося писателя, бывшего узника сталинских лагерей, автора биографической повести «Черные камни» Анатолия Владимировича Жигулина (1930–2000), касающиеся его творческих отношений с другим летописцем ГУЛАГа – Варламом Тихоновичем Шаламовым (1907–1982).

Ключевые слова: Анатолий Жигулин, Варлам Шаламов, Александр Солженицын, история отечественной литературы и журналистики.

Abstract: the paper first examines the diaries of the outstanding writer, former prisoner of Stalinist camps, the author of the biographical novel «Black stones» Anatoly Vladimirovich Zhigulin (1930–2000), on his creative relationship with another chronicler of the Gulag – the Varlam Tikhonovich Shalamov (1907–1982).

Keywords: Anatoly Zhigulin, Varlam Shalamov, Alexander Solzhenitsyn, a history of Russian literature and journalism.

В дневниковых тетрадях и записных книжках А. В. Жигулина 1960-х–1970-х годов, хранящихся в настоящее время в Воронежском областном литературном музее имени И. С. Никитина [1], достаточно часто встречается имя Варлама Тихоновича Шаламова, известного русского писателя, человека трагической судьбы, также прошедшего через сталинские лагеря.

В. Т. Шаламов родился 18 июня 1907 года в городе Вологде в семье священника. В 1926 г. поступает на факультет советского права Московского государственного университета.

Трижды подвергался незаконному (с позиции сегодняшних дней) аресту по политическим статьям УК РСФСР. В общей сложности провел в лагерях 17 лет, и большую часть этого времени – на Соловках, на Колыме, в жесточайших условиях Севера, где окончательно подорвал свое здоровье.

После освобождения начинает работу над первым сборником «Колымские рассказы» (1954). В 1961 г. выходит в свет его первая книжка стихов «Огниво».

В 1962–1964 гг. работает внештатным внутренним рецензентом журнала «Новый мир».

В 1964 г. издает книгу стихов «Шелест листьев». В 1964–1965 гг. завершает сборники рассказов колымского цикла «Левый берег» и «Артист лопаты». В 1966–1967 гг. создает сборник рассказов «Воскрешение лиственницы». В 1967 г. издает книгу стихов «Дорога и судьба». В 1968–1971 гг. работает над автобиографической повестью «Четвертая Вологда». В 1970–1971 гг. работает над «Вишерским антиро-

маном». В 1972 г. издает книгу стихов «Московские облака». Принят в Союз писателей СССР.

В 1973–1974 гг. работает над циклом «Перчатка, или КР-2» (заключительным циклом «Колымских рассказов»). В 1977 г. издает книгу стихов «Точка кипения».

В связи с прогрессирующей болезнью в 1979 г. при содействии друзей и Союза писателей направляется в пансионат для престарелых и инвалидов. В январе 1982 г. по заключению медицинской комиссии переводится в пансионат для психохроников.

17 января 1982 г. умирает от крупозного воспаления легких. Похоронен на Кунцевском кладбище г. Москвы.

Их объединяло общее лагерное прошлое. Оба восторженно восприняли публикацию повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» – авторское название рассказа «Щ-854 (Один день одного зека)» – в ноябрьском номере журнала «Новый мир» за 1962 год. Как известно, А. Т. Твардовский, предвидя цензурную непроходимость повести в печать по политическим мотивам, в августе 1962-го года на свой страх и риск обратился к Первому секретарю ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву с просьбой прочесть и оценить произведение А. И. Солженицына. Вещь была настолько сильной, необычной и выходящей за рамки метода соцреализма, что Хрущев не осмелился принимать решение о публикации самостоятельно и в октябре 1962 года включил этот вопрос для рассмотрения на заседании Президиума ЦК КПСС.

Строки из письма В. Т. Шаламова А. И. Солженицыну: «Повесть очень хороша. Мне случилось слышать отзывы о ней – ее ведь ждала вся Москва. Даже

позавчера, когда я взял одиннадцатый номер «Нового мира» и вышел с ним на площадь Пушкинскую, три или четыре человека за 20-30 минут спросили: «Это одиннадцатый номер?» – «Да, одиннадцатый». – «Это где повесть о лагере?» – «Да, да!» – «А где Вы взяли, где купили?» [2, с. 435].

Высоко оценивая художественную и политическую значимость «Одного дня Ивана Денисовича», В. Т. Шаламов, вместе с тем, прямо и честно отмечал и недостатки произведения: «Блатарей в Вашем лагере нет! Ваш лагерь без вшей! Служба охраны не отвечает за план, не выбивает его прикладами. (...) Махорку меряют стаканом! Не таскают к следователю. Не посылают после работы за пять километров в лес за дровами. Не бьют. Хлеб оставляют в матрасе. В матрасе! Да еще набитом! Да еще и подушка есть! Работают в тепле. Хлеб оставляют дома! Ложками едят! Где этот чудный лагерь? Хоть бы с годок там посидеть в свое время» [2, с. 442].

В свою очередь, А. И. Солженицын признавался В. Т. Шаламову: «Я считаю Вас своей совестью и прошу посмотреть, не сделал ли я чего-нибудь помимо воли, что может быть истолковано как малодушие, приспособленчество» [2, с. 446-447].

Первое упоминание об А. И. Солженицыне встречается в дневнике А. В. Жигулина в связи с публикацией в «Литературной газете» рецензии Г. Бакланова «Чтоб это никогда не повторилось» на повесть «Один день Ивана Денисовича», принесшую автору мировую известность.

«23 ноября 1962 года, пятница.

<...> Из рецензии видно, что сказано в повести очень много о жизни заключенных в особых лагерях. Сказано по существу все в смысле фактов. Ведь раньше сам факт существования в прошлом таких лагерей замалчивался. Повесть опубликована в журнале «Новый мир», № 11. Надо обязательно почитать! Да! Разве думал я тогда, что будут печатать такие вещи! Это большая радость, что мы можем теперь рассказать людям о том, что нами пережито! Я не сумею рассказать – пусть другой расскажет. Это очень здорово, очень хорошо!» [Дн. № 78. С. 34–36]. (Здесь и далее дана нумерация дневниковых книжек, сделанная самим А. В. Жигулиным. – В. К.).

«27 ноября 1962 года, вторник.

Сегодня прочитал повесть А. Солженицына. Сила! Это великое произведение великого писателя, жемчужина русской прозы! Думаю завтра дать в редакцию «Нового мира» телеграмму такого содержания:

«Москва, «Новый мир», Солженицыну, Твардовскому. С большой радостью прочел повесть «Один день Ивана Денисовича». Поздравляю автора и редакцию! Это очень здорово, что мы можем, наконец, написать и опубликовать полную правду о том, что нами пережито. Теперь легче дышать и работать, когда правда сказана. Пусть торжествует правда!

Поэт Анатолий Жигулин, бывший заключенный номер И-2-594 Особого лагеря» [Дн. № 78. С. 47–48].

В дневниковой книжке А. В. Жигулина сохранился корешок телеграммы, посланной им в редакцию «Нового мира».

Несмотря на очевидное сходство биографий и жизненных взглядов А. В. Жигулина и В. Т. Шаламова, их творческие отношения складывались не просто.

В свое время Майкл Никольсон (Оксфорд) справедливо заметил: «Издание «Колымских тетрадей» 1994 года позволяет нам воспользоваться некоторыми новыми текстологическими данными: как собственно поэтическими произведениями, так и маргинальными, но важными сопроводительными документами. В нем, кроме самих стихов, исключительный интерес представляют примечания Шаламова к отдельным стихотворениям. Как известно, примечания автора могут иногда коренным образом повлиять на наше прочтение текста» [3].

Нечто подобное нам позволяет сказать изучение эпистолярного и дневникового наследия А. В. Жигулина, в том числе по вопросу дискуссии с В. Т. Шаламовым о методе отображения действительности в художественной литературе.

Стихи Шаламова Жигулин воспринял в целом положительно, хотя и с небольшими оговорками. Вот строки из его дневника:

«9 сентября 1964 года, среда.

...Прочел «Шелест листьев» В. Шаламова. Хороший поэт! Есть очень тонкие и мудрые стихи. Я так не могу писать, так рассудочно, так умно. И не знаю, плохо ли, что не могу. И не только не могу так писать, как Шаламов. Наверное, и не хочу, хотя многое мне очень у него нравится. Просто совсем по-разному

пишем... Левицкий (Левицкий Лев Абелевич [1929–2005] – литературный критик, литературовед. Работал в редакции журнала «Новый мир». – В. К.) говорит, что Шаламова любит Солженицын и не любит Твардовский. Однако «Нов. мир» дает рецензию на книгу Шаламова. Значит, Твардовский может оценить, хотя сам так и не пишет» [Дн. 89, с. 68–69].

Находясь под впечатлением прочитанного, Жигулин пишет своему «коллеге» по колымским лагерям:

«10.1.65 г.

Дорогой Варлам Тихонович!

Я давно знаю и люблю Ваши стихи. Примите от меня в знак признательности одну из худеньких моих книжек. Резали ее жестоко и редакторы, и цензура. Пробоины пришлось латать вещами не новыми и далеко не лучшими. Прочитайте, пожалуйста, второй, «северный», цикл. И в нем далеко не полная правда, и в нем попадают декларация не совсем верные, но прошли и некоторые труднопроходимые вещи: «Костроужбги», «Бурундук» и другие.

Будьте здоровы! Всего Вам самого доброго.

Еще раз спасибо Вам за Ваши великолепные стихи, за книгу «Шелест листьев».

Ваш Анатолий Жигулин» [7].

И все-таки принципиального спора между А. В. Жигулиным и В. Т. Шаламовым о художественном методе отображения действительности в стихах (на рационально-познавательном или эмоционально-образном уровне) избежать не удалось. Когда в Воронеже вышел сборник стихов Анатолия Жигулина «Память» (1964), Шаламов отозвался о книге отрицательно. «По его мнению, «Кострожоги», «Бурундук» и другие мои лагерные стихи плохо передают природу Сибири и Колымы, и что он признает в поэзии только символы. Варлам Тихонович предлагал обратиться к его стихам. Он говорил, что в них плачет каждая травинка, каждый камешек. Но, на мой взгляд, вся суть была в том, что в тех напечатанных тогда стихах Шаламова были травинки и камешки Колымы, но не было людей», – вспоминал А. В. Жигулин [4, с. 4, 15].

Упомянутое Шаламовым стихотворение «Кострожоги», посвященное, кстати, А. И. Солженицыну, является одним из лучших произведений А. В. Жигулина, рассказывающих о трагических моментах в истории нашей страны:

*В оцеплении, не смолкая,
Целый день стучат топоры.
А у нас работа другая:
Мы солдатам палим костры.*

*Стужа – будто Северный полюс.
Аж трещит мороз по лесам.
Мой напарник – пленный японец,
Офицер Кумияма-сан.*

*Говорят, военный преступник
(Сам по-русски – ни в зуб ногой!).
Кто-то даже хотел пристукнуть
На погрузке его слеглой...*

*Все посты мы обходим за день...
Мы, конечно, с ним не друзья.
Но с напарником надо ладить.
Нам ругаться никак нельзя [5, 143].*

В письме воронежскому литературоведу, литературному критику, одному из авторов журнала «Новый мир» Анатолию Михайловичу Абрамову (1917–2005) А. В. Жигулин подробно рассказал об истории написания этого стихотворения:

«Иногда конкретный человек, которого я знал, с которым встречался, работал, переходит в стихи почти без всяких изменений. Прямо беру из жизни его, рисую почти с фотографической точностью. Таков пленный японец, офицер Кумияма. Я действительно работал с ним кострожогом. Это было в 1950–51 гг. зимой в Озерном лагере, на 031 командировке, на

лесоповале. Это в 140-ка километрах от Тайшета по железной дороге в сторону Братска. Конечно, я знаю о Кумияме в сто раз больше, чем рассказал о нем в стихах. Лет ему в то время было, наверное, за пятьдесят. Родом он с Южного Сахалина, был у него там небольшой рыбоконсервный заводик. А в армии он действительно был офицером, майором. По-русски очень плохо знал, но хорошо говорил по-английски. <...> Рассказывал он, что у него двое взрослых детей (такого возраста, как я, – мне 20 лет тогда было). В общем обыкновенный живой человек, вовсе не похожий на плакатного самурая» [6].

В качестве «третейского судьи» Жигулин избрал А. И. Солженицына. В ноябре 1964 года А. В. Жигулин отправил в Рязань, где после реабилитации жил и работал знаменитый автор «Одного дня...», письмо и только что изданную книгу «Память». Ответ пришел с некоторым опозданием, вызванным чрезвычайной занятостью Александра Исаевича:

«10.1.65 г. Рязань.

<...> Я вообще отношусь к поэзии XX века настороженно – крикливая, куда-то лезет, хочет как-то изощриться особенно, обязательно поразить и удивить, – писал А. И. Солженицын. – Но я рад сказать, что все это совершенно не относится к Вам. Ваши стихи сердечно тронули меня, это бывает со мной очень редко. Вы человек – честный, душевный и думающий, и все это очень хорошо передают стихи. «Кострожоги» Ваши великолепны, очень хорош «Бурундук». Ощущаю чрезвычайно родственно: «Я был назначен бригадиром». «Осенью». Да в машинописном приложении ни одного не значительного нет. Второй раздел сборника прочел, только не весь, но большей частью. Там есть неровности, бывают досадные прозаизмы (редко, впрочем), есть иногда и тот недостаток, который Вы заметили сами, – а в общем, хоть автор работал на общих, но удивляет светлый оттенок, который выше всего, – удивляет и радует. Без всякого насилия, круто и аппетитно (вот диво!) замешивается у Вас и лагерный быт, и разные виды работ в стихах! («Золото», «Хлеб», «Ночная смена» и др.). Интересно сопоставить Вас с Шаламовым. Вы читали его?» [4].

Отвечая А. И. Солженицыну на вопрос о Шаламове, А. В. Жигулин в письме от 26 февраля 1965 года пишет:

«<...> Я не знаком с ним лично, но стихи его знаю и люблю. Это сильный, хороший поэт. Я ему посылал книжку «Память», правда, без приложения. Шаламову понравились стихи более близкие ему по манере: «Мне помнится...» (это он считает лучшим в сборнике), «Береза», «Лес», «Град». Вот что он мне, в частности, пишет: «...Стихотворение всегда символ, знак, а не рассказ просто. Поэтому «Кострожоги» и др. мне нравятся меньше. В стихотворении «Кострожоги» есть только внешние приметы Севера, а главных – внутренних – нет».

Я не вполне согласен с Шаламовым. Да, стихотворение может быть знаком, символом, но далеко не всегда. Чаще это живой, трепещущий кусок жизни.

А что касается «Кострожогов», то я вообще не думал ни о каких географических приметах (действие, кстати сказать, происходит в Сибири, а не на Севере). Хотелось прежде всего изобразить людей» [1].

Фрагмент из письма А. И. Солженицына, которое А. В. Жигулин получил 24 апреля 1965 года: «Я не смею никогда судить о теории поэзии (тем более что, по-моему, поэты и сами еще ни разу не договорились о том, что такое поэзия), но мне кажется, Шаламов, говоря Вам о стихе-символе, за которым главное должно стоять неназванным, только предчувствуемым, – распространяет на всю поэзию метод только одного ее направления, хоть и очень ценного, очень нежного, очень плодотворного. У нас это направление началось с Блока (не ручаюсь за точность), включает Ахматову, Пастернака (перечислять тоже не берусь) и, очевидно, самого Шаламова. Со всех сторон мне толкуют, что вот это и есть «единственная и настоящая поэзия» – когда слова даже не имеют прямого смысла, когда переходы неуловимы, алогичны, но вдруг на что-то тебе намекают, что-то навевают. Я согласен – поэзия эта великая, тонкая, изящная, настоящая, я их всех очень люблю. И все-таки никогда не соглашаюсь, что другой поэзии быть не может. По-моему, большинство стихов Пушкина и Лермонтова совершенно не отвечают этим критериям – но ниже ли они? Едва ли. Не уступлю их. (И, что меня очень удивило, Ахматова довольно высоко ставит Некрасова – а уж, кажется, противоположнее поэзии и найти нельзя).

Поэтому я хочу все-таки Вам посоветовать не верить Варламу Тихоновичу, что «Кострожого», «Бурундук», «Хлеб» – не поэзия. Самая настоящая и самая нужная! И если пишется так – пишите!!!

А прозу Шаламова постарайтесь прочесть» [4].

Творческий спор «колымских» поэтов при посредничестве А. И. Солженицына закончился благополучно.

Среди архивных материалов А. В. Жигулина, хранящихся сейчас в Воронежском областном литературном музее имени И. С. Никитина, есть книга В. Т. Шаламова «Дорога и судьба» (М., Советский писатель, 1967). Дарственная надпись на обложке: «Анатолию Владимировичу Жигулину с глубоким уважением и симпатией. Автор В. Шаламов» [1].

Как вспоминал А. В. Жигулин, вскоре после выхода его сборника «Полынный ветер» (М., Молодая гвардия, 1975) В. Т. Шаламов принес в редакцию «Литературной газеты» восторженную рецензию на эту книгу. По каким-то внутренним редакционным причинам рецензия в «Литературке» не была напечатана, но впоследствии вошла в шеститомник писателя. Начиналась она так: «202 раза повторяется слово «Холод» в 144 стихотворениях, составляю-

щих книгу «Полынный ветер». Это – не оплошность, не безвкусица, не бедность, а тончайшее мастерство и богатство поэтического словаря Анатолия Жигулина» [8, т. 5, с. 127–131].

«Жигулин – уроженец Воронежа и «запрограммирован» на воспевание среднерусской природы, – писал далее В. Т. Шаламов. – Среднерусская природа вошла в его стихи, но заняла там очень скромное место, далеко уступающее совсем другим географическим меридианам.

Волею судеб переброшенный на Крайний Север, он стал соревноваться с Рокуэллом Кентом в постижении души Крайнего Севера.

Крайний Север навсегда вошел в стихи и в душу Жигулина» [там же].

Непростая тема взаимоотношений выдающихся русских писателей, летописцев ГУЛАГа – А. В. Жигулина, А. И. Солженицына и В. Т. Шаламова – требует отдельного глубокого исследования, особенно с учетом новейших архивных материалов.

Дневник А. В. Жигулина свидетельствует: и в период начала литературной деятельности А. И. Солженицына, и во время политической травли писателя, изгнания его из России, и в годы его диссидентства, и после его триумфального возвращения на Родину отношение поэта к автору «Одного дня...» и «Архипелага ГУЛАГ» было неизменным. Он всегда считал А. И. Солженицына великим писателем и великим человеком, настоящим патриотом своей страны [9]. Доброжелательно и уважительно он всегда относился к В. Т. Шаламову.

А вот пути А. И. Солженицына и В. Т. Шаламова после окончания хрущевской «оттепели» разошлись. В 1966 году их дружеская переписка была прекращена, отношения перешли в форму полемики, а затем были полностью разорваны. Но это уже совсем другая история...

ЛИТЕРАТУРА

1. Жигулин А. В. Материалы писательского архива (дневники, рабочие тетради, письма) / А. В. Жигулин. – Фонд Воронежского областного литературного музея им. И. С. Никитина.
2. Шаламов В. Т. Собрание сочинений : В 4 т. – Т. 4. – М., 1998.
3. Никольсон М. Шаламов в споре о лагерной поэзии / М. Никольсон // IV-е Международные Шаламовские чтения. Москва, 18–19 июня 1997 г.: Тезисы докладов и сообщений. – М.: Республика, 1997. – С. 104–113. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://shalamov.ru/research/20/>
4. «Трудная тема, а надо писать...»: [Беседа с писателем А. Жигулиным / Записал В. Огрызко] // Книжное обозрение. – 1988. – 19 авг. – № 34. – С. 4, 15.
5. Жигулин А. В. Далекий колокол. Стихи, проза, письма читателей / [сост. И. В. Жигулиной; вступ. ст. В. М. Акаткина] / А. В. Жигулин. – Воронеж, 2001.

6. «Дорогой Анатолий Михайлович!..» : Письма А. Жигулина А. Абрамову / [сост., вступ. ст. и прим. А. В. Фроловой, науч. ред. Т. А. Никоновой]. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – С. 49–51.

7. Шаламов В. Т. Переписка с Жигулиным А. В. / В. Т. Шаламов. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://](http://shalamov.ru/library/24/30.html)

shalamov.ru/library/24/30.html

8. Шаламов В. Т. Собрание сочинений : В 6 т. – Т. 5 : Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979. – М., 2005.

9. Колобов В. В. Читая дневники поэта... (А. В. Жигулин о времени и о себе) / В. В. Колобов. – ООО «Тамбовский полиграфический союз». – Тамбов, 2016. – 320 с.

Воронежский государственный университет

Колобов В. В., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры связей с общественностью факультета журналистики

E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru

Voronezh State University

Kolobov V. V., Candidate of Philology, Lecturer of the Public Relations Department

E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru

ИСТОРИОСОФСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА В. В. КОЖИНОВА

И. В. Колодяжный

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 1 февраля 2017 г.

Аннотация: статья посвящена анализу историософских взглядов В. В. Кожина. Особое внимание уделяется евразийской концепции публициста.

Ключевые слова: В. В. Кожин, историософская публицистика, национальное самосознание.

Abstract: the article analyzes the historico-philosophical views by V. V. Kozhinov. Special attention is paid to the concept of the Eurasian publicist.

Keywords: V. V. Kozhinov, eurasianism, historiosophical journalism, national consciousness.

Началом деятельности Вадима Валериановича Кожина (1930–2001) в жанре историософской публицистики можно считать 1980 г., когда им была написана большая программная статья «И назовет меня всяк сущий в ней язык ...», напечатанная в ставшем легендарным 11-м номере за 1981 г. журнала «Наш современник». Эта работа, написанная к столетию пушкинской речи Достоевского, стала в каком-то смысле поворотной и в духовном бытии России, и самого автора. В ней Кожин, отталкиваясь и развивая мысль Достоевского о всечеловечности как о сущности нашего национального самосознания, приходит к чрезвычайно важным выводам, которые легли в основу его историософской концепции.

Рассуждая о началах Западной и русской цивилизации, исследователь пишет, что «для Запада, выросшего на «сгнивших» развалинах поверженного древнего мира (культуру которого победители на данной стадии своего развития ещё не могли оценить и принять) в новом мире существовал только один полноценный «субъект» – он сам; весь остальной мир был «объектом» его деятельности <...>. Эта мировая ситуация западной культуры чревата тяжелыми последствиями, которые в наше время с жестокой ясностью предстали перед самим Западом» [1, с. 191].

В то время как Русь, по мнению Кожина, «встретясь с Византией, почти полтысячелетия вела с ней живой диалог, и гибель Восточной римской империи была для неё тяжкой потерей, именно тогда возникла идея «Третьего Рима», на два столетия многое определившая в жизни Руси» [1, с. 194]. При этом надо подчеркнуть, что Кожин не ставил себе целью как-то принизить роль Запада в мировом историческом процессе. Он прямо писал, что «нельзя переоценить величие истории Запада. Опираясь всецело на самого себя, он дей-

ствительно явил торжество свободы деяния и мышления. Его история есть подлинно героическое освоение мира» [1, с. 192].

Однако, как объективно показывал публицист, это «героическое освоение мира» одновременно означало, что «Византия и государство ацтеков, Индия и Китай, и, конечно, Россия – только объекты приложения сил Запада и не имеют никакого всемирно-исторического значения» [1, с. 193].

Кроме того, в статье «И назовет меня всяк сущий в ней язык...» Кожин впервые обращается к теме евразийства (впрочем, не упоминая самого этого понятия), которую он в 90-е годы разовьет в ряде своих статей («О «евразийской» концепции русского пути», «О византийском и монгольском «наследствах» в судьбе Руси», «Почему произошло крушение СССР?» и др.). К сожалению, для некоторых представителей славянофильского, точнее, русофильского направления, приверженность Кожина к евразийству до сих пор является чем-то предосудительным, поводом для нападок и раздраженной критики. Им кажется, что в евразийстве есть некое ущемление и даже подавление прав русского народа. Не углубляясь в полемику, можно сказать здесь, что последовательный противник евразийства должен отвергать всечеловечность, как черту русского народа и русской литературы, то есть по существу отрицать национальное своеобразие и самобытность, за утверждение которой вроде бы борются славянофилы.

«Русская литература, – пишет Кожин, – во всех своих подлинных проявлениях воплотила мощный и глубокий пафос равенства и братства с народами и Запада, и Востока, создав, таким образом, своего рода духовный мост между Европой и Азией. В могучей всечеловеческой стихии русской литературы и Запад, и Восток одарены способностью, как бы сойти со своего «места» и братски протянуть друг другу руки» [1, с. 218]. Именно во всечеловечности русского национального самосознания Кожин

видел духовный – а значит, и самый долговечный – фундамент для существования единого многонационального пространства, называемого Евразией. Можно сказать, что евразийская концепция была ядром кожиновской историософии. Кожинов считал учение евразийцев как наиболее плодотворное в деле постижения российской истории: «Превосходство» евразийской концепции проявляется уже в том, что она не зиждется на «оценочности» и не ставит истории России «неуды», а в то же время не превозносит её ни над Европой, ни над Азией, видя в России – Евразии не нечто «лучшее» (или «худшее»), но другое» [2, с. 260].

Продолжая кожиновскую мысль, можно сказать, что евразийская концепция, у истоков которой стояли П. Чаадаев, Ф. Тютчев, Ф. Достоевский и К. Леонтьев, является как бы противовесом концепциям западников и славянофилов и занимает, несомненно, *стержневое*, центральное место в отечественной историософии. И тот факт, что в конце XX века идеи евразийцев глубоко усвоил и развил именно Кожинов, представляется далеко неслучайным. Историософское понимание таких феноменов как социализм и революция Кожинов развивал в статьях «Куда движется человечество?» (1991) и «О революции и социализме – всерьёз» (1990). В первой статье публицист, доказывая необратимость любой революции, призывает власть «всерьёз задуматься о последствиях решительных нынешних попыток «отменить» социализм. Вообще-то это совершенно понятное, закономерное, типичное для послереволюционных эпох стремление к реставрации. Но практические меры в этом направлении и безнадежны, и очень опасны, они приведут только к хаосу, разрухе и, вполне возможно, к тяжелейшим жертвам (вспомним, что во Франции Реставрация вызвала ещё две революции), но не остановят ход истории» [3, с. 69]. Кожинов, оговаривая, что для него «социализм ничуть не лучше капитализма», пишет далее: «Но его победа неизбежна, неотвратима. Человек, которого я хотел бы иметь честь звать своим учителем, – М. М. Бахтин (1895–1975) – полагал, что социализм – последний этап судьбы человечества перед Страшным Судом. Глубоко уважаемый мною И. Р. Шафаревич в своём труде «Социализм как явление мировой истории» утверждает, что в социализме воплощается своего рода воля человечества к самоубийству...» [3, с. 68–69]. Во второй статье сущность революции определяется так: «История человечества (как история и любого народа, и отдельной личности – уже хотя бы в силу неизбежно ожидающей её смерти) есть, помимо прочего, явление глубоко трагедийное. И революции или, скажем более обобщённо, коренные перевороты, совершающиеся время от времени в человеческой истории, как раз и обнажают с наибольшей остротой и мощностью присущую ей трагедийность. Вера в возможность

создания земного рая возникла, вероятно, не позднее веры в загробный рай. И, по сути дела, эта вера и есть стержень и основа «революционного сознания», которое способно оправдать самые тяжёлые или даже вообще любые жертвы...» [2, с. 374].

Как видим, публицист, стремясь постигнуть революцию и социализм, исходил не из каких-то «прогрессистских» политико-экономических моделей, а из онтологических основ человеческого бытия.

Кожинов в своей историософской публицистике почти не касался современной внешнеполитической ситуации России. На сегодняшний день известно только две статьи на эту тему, в которых автор обнаруживает глубокое понимание общемирового исторического процесса. Так, анализируя ситуацию на Ближнем Востоке (речь идёт о событиях в Персидском заливе 1991 г.), Кожинов констатирует: «Европа давным-давно не имеет никакой политической воли и никакой военной опасности она после окончания второй мировой войны не представляла. И даже США способны, вероятно, лишь на то, чтобы подавить какое-то сопротивление в ближайших окрестностях. Со времени ухода из Вьетнама США едва ли смогут проявить активную военно-политическую волю. Предпринятая грандиозная акция против Ирака говорит только о том, что речь идёт о выживании, поскольку без этих 600–700 миллионов нефти Запад не может существовать», – тогда как в странах так называемого третьего мира огромная «военно-политическая воля ещё отнюдь не достигла своего высшего накала». «В данной ситуации, – продолжает мысль Кожинов, – наше братание с Европой и Америкой в конфликте с Ираком, в сущности, обозначает присоединение к западному лагерю против остального мира. Я не думаю, что в глобальном геополитическом плане именно в этом и заключается роль России. Роль её – хотя бы в идеале – своего рода равновесие между двумя мирами, условно говоря, между Западом и Востоком» [4, с. 2]. Сегодня мы можем сказать, что эта кожиновская оценка (которая 20 лет назад многим представлялась неубедительной) состояния мира оказалась абсолютно верной.

В статье «Глобализация политическая, а не экономическая», вышедшей посмертно, Кожинов, считая глобализацию «закономерным, даже неизбежным следствием мирового прогресса», полагал, что «в силу геополитического и географического положения России <...> мы не имеем оснований ожидать позитивных последствий глобализации для нашей экономики. Иное дело – глобализация мировой политики, вовлекающая в одну общую «игру» все страны планеты. У России, расположенной между Западом и Востоком и вобравшей в себя многое из бытия и духа и того и другого, есть, пожалуй, самые широкие возможности межгосударственных связей и взаимодействий <...>. И уместно предположить, что «политическая» глобализация будет иметь для

России позитивные последствия» [5, с. 187]. И этот кожиновский тезис (о необходимости политической, а не экономической глобализации) ныне также кажется нам неоспоримым и чрезвычайно актуальным.

Завершить статью хотелось бы следующим утверждением. На наш взгляд, Кожин продолжил плодотворное развитие историософской публицистики, на долгие годы прервавшееся после 1917 года. Философско-историческая мысль Кожина сформировались главным образом под влиянием историософского наследия русских мыслителей XIX века. При этом историософ в своих исследованиях опирался на открытия и достижения современной исторической науки. Это дало блестящие результаты: в лице Кожина отечественная историософия второй половины XX века поднялась на высокий уровень (и, может быть, даже – на самый высокий уровень за весь период её существования).

В своих статьях он подверг историософскому анализу практически все «болевые», трагические моменты истории XX века (революция, гражданская война, коллективизация, репрессии 1937 года, первые годы Великой Отечественной войны, послевоенные репрессии, распад СССР) и многие спорные, «неоднозначные» страницы тысячелетней истории Руси–России в целом. Положив в основу историософского метода известное пушкинское выражение быть «беспристрастным, как судьба», Кожин явил нам *трагически-прекрасную* историю нашего Отече-

ства, историю, которую, говоря ещё раз пушкинскими словами, «нам её Бог дал».

Историософская публицистика, а также исторические сочинения В. В. Кожина позволяют взглянуть на историю с точки зрения постоянно находящегося в развитии и движении человеческого духа, человеческого самосознания, причём не именно европейского, или именно восточного, а как бы *все-человеческого*. К сожалению, как показывает обзор современной историософской литературы, в том числе учебной, кожиновская историософия, его мудрый, философский взгляд на историю остаются до сих пор практически неизвестными и невостребованными. Вот почему представляется важным и необходимым изучение и популяризация историософской публицистики Кожина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожин В. В. Судьба России : вчера, сегодня, завтра / В. В. Кожин. – Москва, 1990.
2. Кожин В. В. О русском национальном сознании / В. В. Кожин. – Москва, 2004.
3. Кожин В. В. Судьба России : вчера, сегодня, завтра / В. В. Кожин. – Москва, 1997.
4. Кожин В. Здесь материальные интересы – прежде всего : к событиям на Ближнем Востоке / В. Кожин // Литературная Россия, 1991. – № 2.
5. Кожин В. Глобализация политическая, а не экономическая / В. Кожин // Наш современник, 2001. – № 7.

Санкт-Петербургский государственный университет
Колодяжный И. В., старший преподаватель кафедры
периодической печати
E-mail: ilko73@mail.ru

St. Petersburg State University
Kolodyazhny I. V., Senior Lecturer of the Periodical Press
Department
E-mail: ilko73@mail.ru

ПОСТАНОВЛЕНИЯ КАЗАНСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ ПО ПРЕССЕ 1906 ГОДА В КОНТЕКСТЕ ОТЗЫВА МОСКОВСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Е. В. Курбакова

Московский институт телевидения и радиовещания «Останкино»

Поступила в редакцию 17 января 2017 г.

Аннотация: статья посвящена анализу деятельности административной и судебной ветвей власти в Казанской губернии 1906–1907 гг. В статье рассмотрен характер судебных постановлений по казанской периодической печати. В статье проанализированы документы из фондов Российского Государственного Исторического Архива (РГИА) и Национального Архива Республики Татарстан (НА РТ). Использованные документы представляют ценный материал для осмысления истории взаимоотношений власти и общества на примере деятельности казанской судебной палаты, вынесшей решения по публикациям 1906 года. Документальные источники позволяют восстановить ход ведения судебных дел и сделать репрезентативные выводы относительно влияния прессы на развитие общественной мысли в Российской империи в 1905–1907 гг.

Ключевые слова: история взаимоотношений власти и общества, пресса, цензура, казанский временный комитет по делам печати, казанская судебная палата, Российская империя 1905–1907 гг.

Abstract: the article analyzes the activities of the administrative and judicial branches of the Kazan province government in 1906–1907. The article deals with the nature of judicial decisions on the Kazan periodical press. The article analyzes the documents from the collections of the Russian State Historical Archive (RGIA) and the National Archives of the Republic of Tatarstan (NA RT). Used documents represent a valuable material for understanding the history of relations between the authorities and society on the example of activity of the Kazan Court of Justice, which issued the decision on publications in 1906. Documentary sources allow to better understand the judicial processes and to make representative conclusions about the influence of the press on the development of social thought in the Russian Empire in 1905–1907.

Keywords: history of relations between the authorities and the public, the press, censorship, Kazan Temporary Committee for the Press, Kazan Trial Chamber, the Russian Empire in 1905–1907.

Жизнь Российской империи была коренным образом изменена целой чередой событий 1905 года. Манифестом от 17 октября 1905 г. в России были провозглашены свобода слова, печати, собраний, союзов – таким образом изменения вносились и в сферу общественных отношений, и в сферу формирования общественных настроений посредством выступлений периодической печати. По именным указам от 24 ноября 1905 г. и 26 апреля 1906 г., явившимся следствием провозглашенных в «Манифесте об усовершенствовании государственного порядка» свобод, предварительная цензура повсеместно отменялась. Однако пресса не была бесконтрольной – в губерниях и округах были учреждены либо отдельные цензоры, иначе именуемые инспекторами по делам печати, либо цензурные комитеты – как это имело место в Казани – крупном городе и университетском центре Востока России. Цензурное ведомство по прессе имело полномочия исполнительной власти. Но в ведении инспекторов по делам печати осталась лишь инициация судебных процессов в отношении учредителей уже увидевших свет печатных изданий, на страницах

которых были допущены нарушения российского законодательства. По Уголовному Уложению 1903 года – последнему фундаментальному законодательному акту дореволюционной России в области уголовной политики – в отношении печати наиболее применимы были статья 126 (посеять смуту) и статья 129 (деяния, носящие характер возбуждения массы или отдельных лиц к неповиновению закону, т. е. преступная пропаганда). Накладываемые на номера периодических изданий цензурным комитетом или отдельным цензором аресты должны были быть рассмотрены судом. В процессе разбирательства дел в судебном порядке формулировалось решение суда: подтверждение ареста или его отмена.

Инициация судебных слушаний по прессе могла принадлежать не только цензору или цензурному комитету, от имени государства inspectирующих соблюдение прессой российских законов. Судебные иски могли быть инициированы и частными лицами. В сложных для России условиях 1906 года к деятельности казанского судебного ведомства было привлечено внимание общественности всей страны, т. к. 14 ноября 1906 года в газете «Московские ведомости» была помещена статья под резонансным заголовком

«Революционная деятельность казанской судебной палаты» [1]. Статья обратила внимание российских читателей на деятельность судебных властей одного из крупнейших регионов страны. В статье, в частности, отмечалось: «Какое положение занимает наше судебное ведомство в борьбе не на жизнь, а на смерть, которую ведет государственная власть против чудовищной преступности и анархии? Объявили ли наши судьи нейтралитет или они открыто поставили себе задачей содействие бомбометателям, убийцам, грабителям, ворам и, в особенности, их вдохновителям и подстрекателям?». Автор статьи утверждает, что весь состав казанской судебной палаты, «не исключая и прокуратуры, представляет собою не что иное, как революционную «честную компанию», поставившую себе задачей без оружия в руках ниспровергнуть государственное правосудие».

Эта статья «Московских ведомостей» стала поводом к служебной переписке, т. к. на нее откликнулось министерство юстиции России. На публикацию в «Московских ведомостях» от 14 ноября 1906 г. уже 17 ноября прокурору казанской судебной палаты было адресовано распоряжение: «По приказанию г-на министра юстиции, препровождая при сем № 276 газеты «Московские ведомости» от 14 текущего ноября, заключающий в себе статью, озаглавленную «Революционная деятельность казанской судебной палаты», Первый Департамент просит Ваше Превосходительство доставить с возвращением приложения в самом непродолжительном времени подробные сведения по содержанию означенной корреспонденции» [2].

Достаточно представительный корпус документов эпохи позволяет нам проанализировать степень обоснованности обвинений, адресованных казанской судебной палате, призванной демонстрировать независимость судебной власти от административной функции цензурного ведомства. Выявленные нами 50 случаев арестов периодических изданий привели к 51 судебному решению. Примечательно, что аресты изданий, наложенные казанским цензурным комитетом, были утверждены лишь в 19 случаях. В подавляющем количестве случаев (26 эпизодов) решением суда аресты были отменены. В шести случаях ареста результат рассмотрения дел остался неизвестен.

С целью выявления характера судебных постановлений представляется важным проанализировать аргументацию обеих сторон: административной власти (цензурный комитет) и судебной власти (судебная палата). Кроме того, первостепенно важно обратиться к текстам инкриминируемых статей, опубликованных в казанских изданиях и приведших к судебным слушаниям.

Утверждение судом ареста номеров периодических изданий.

В апреле 1906 года газета «Волжский курьер» издателя Г. А. Плетнева опубликовала статью «Так-

тика социал-демократии и кадеты». В тексте статьи, в частности, сообщалось: «Теперь эта Дума, которую так долго ждали, собралась, и мы должны, поддерживая революционную часть Думы, довести народным давлением конфликт до конца, чтобы Дума изжила себя, чтобы «конституционные» иллюзии разлетелись, поставили перед революционным народом конкретную задачу присвоения власти. Буря близка» [3]. Казанский цензурный комитет обратил внимание на призыв к революции, выражаемый в тексте статьи и привлек издателя «Волжского курьера» к суду за выражение экстремистских настроений, присутствующих в «призывных» строках о «народном давлении» и «присвоении власти». Адвокат Г. А. Плетнева С. А. Гисси стремился доказать на суде, что статья не содержит призыва к бунту, и просил ограничиться наложением на издателя штрафа в размере 500 рублей. Г. А. Плетнев в свое оправдание говорил, что статья является постановлением – «результатом работы бывшего в то время IV объединительного съезда социал-демократов» [4]. Вероятно, те же формулировки, что представлены в статье, содержались и в постановлении упомянутого съезда. Однако по пункту 1 статьи 129 суд приговорил Г. А. Плетнева к аресту на 1 год.

8 июля 1906 года газета «Волжский вестник» поместила статью «Гнусное издевательство над политическими», за которую редактор-издательница А. А. Знаменская была приговорена к штрафу в 200 рублей или аресту на 1 месяц. Следует отметить, что судебное решение по «Волжскому курьеру» и «Волжскому вестнику» было вынесено без малого через год – в мае 1907 года [5]: несмотря на то, что практика утверждения или отмены ареста судом чаще всего осуществлялась в течение нескольких дней, в этих случаях для более полного изучения обстоятельств дела судебная палата не торопилась с вынесением приговора.

Тираж номера от 27 июня (№ 150) газеты «Вечернее эхо» П. М. Стадырнова был арестован с формулировкой: «Вся статья рассчитана на то, чтобы возбудить воинских чинов к учинению бунтовщических деяний» [6, л. 8]. Несмотря на то, что номер от 27 июня был арестован, через две недели в «Вечернем эхе» (№ 159, 10 июля) были помещены не менее резкие тексты: «Воззвание к гражданам» и передовая статья, в которой содержался адресованный населению призыв к вооруженному восстанию, – в результате чего инспектор по делам печати написал не только прокурору, но и губернатору о необходимости прекратить издание этой газеты, призывающей «к бунту и кровавой борьбе с правительством» [6, л. 19]. Газета была приостановлена, а редактор арестован [6, л. 21, 22].

Вынесение оправдательных приговоров по прессе.

Как было отмечено выше, более чем в половине выявленных случаев (26 из 51) «процессы 1906 г.»

завершились отменой ареста номера с формулировкой «за отсутствием в инкриминируемых статьях какого-либо преступления» [6, л. 56]. Из всех выявленных эпизодов арест «Волжского вестника» был утвержден лишь в восьми случаях. В большинстве случаев арест был отменен судом. Так, в июле 1906 года газета «Волжский вестник» редактора-издательницы А. А. Знаменской опубликовала в одном номере (№ 167) три материала, за содержание которых по пунктам 1, 2 и 3 статьи 129 номер был арестован. Как отмечено в формулировках цензурного комитета, в статье под рубрикой «Русская печать» и стихотворении «Вперед» содержались призывы к пролетариату и крестьянству «свергнуть самодержавный строй», в статье «Социалистический митинг в Париже» – «призыв к ниспровержению существующего в государстве общественного строя» [6, л. 12]. Через день, 8 июля 1906 года, газета «Волжский вестник» в рубрике «Русская печать» вновь поместила статью, в которой содержался эмоциональный призыв к выступлению против власти: «...в застенках раздаются стоны лучших сынов родины, надежды на созыв новой Думы нет; революционно настроенный пролетариат и сознательное крестьянство с солдатами дружными усилиями свергнут самодержавный гнет, и только тогда все языки увидят настоящую свободу» [7]. По обвинениям в отношении этих газетных материалов А. А. Знаменская была оправдана судом. Был снят арест, наложенный казанским комитетом по делам печати и на № 170, 172, 173, 184 «Волжского вестника», в публикациях которых утверждалось, «полицейская служба оскорбляет достоинство нашего славного донского войска» (№ 170), «вековых сосунов» и «паразитов-лежебок» следует лишить земельной собственности (№ 173), «помещичью землю надо взять «силом» [8]. Судебное ведомство не согласилось и с тем, что – как это следовало из аргументации инспектора по делам печати – наименованием земских начальников «крестьянскими царьками» (статья «Земские начальники в роли политических ораторов») разрушается авторитет земской власти на местах [9].

Отмена ареста происходила даже тогда, когда цензурное ведомство отмечало в своих обоснованиях на имя прокурора, что, например, в статье «Казань, 19 июля», вышедшей на страницах «Волжского курьера», призыв к бунтовщическим деяниям сопровождается «вопросом: какова должна быть тактика тех, которым полагается «делать революцию» [10]. Не было поддержано судом и высказанное цензурным ведомством мнение о том, что в статье «Деревня Кокшамары», напечатанной в газете «Казанский вечер», выражено разлагающее общество одобрение решения крестьянского митинга, принявшего резолюцию «не выдавать своих сыновей в солдаты» [11].

Конфликт между административной и судебной властями.

Казанская судебная палата по большинству эпизодов, представленных цензурным ведомством, отменяла наложенный инспектором арест по причине того, что публикации, выходившие на страницах казанских изданий, являли собой перепечатки из уже увидевших свет газет и журналов. Так, в частности, прокурор казанской судебной палаты в своей телеграмме в министерство юстиции выразил протест на определение казанской судебной палаты о снятии ареста с газеты «Волжский вестник» от 1 января 1906 г., наложенного инспектором за статьи «Новый год» и «Свобода», ввиду того, что инкриминируемые публикации казанской газеты явились перепечатками со страниц столичных изданий [2, л. 94]. Подобного же рода аргументация позволила судебному ведомству снять арест с № 203 «Волжского вестника», т.к. помещенная на страницах этой газеты «Сказка» представляет собой перепечатку из газеты «Сибирские вести», против которой инспекцией по делам печати уголовного преследования возбуждено не было» [2, л. 113].

Так, «жалобу на судебные учреждения округа казанской судебной палаты, систематически отменявшие аресты, которые налагались на отдельные номера газет «Волжский вестник» и «Волжский курьер», составил и директор департамента полиции [2, л. 6–45] – все свидетельствовало о том, что казанская пресса была подвержена ставшим общероссийскими настроениям призыва к свержению самодержавия. Цензурное ведомство не могло сдержать этого «натиска» прессы на общественное мнение.

В истории судебных исков 1906 года по казанской прессе сохранился эпизод конфликта внутри самой административной власти в губернии – выступление губернатора против цензора. Казанский губернатор М. В. Стрижевский выразил цензуре А. В. Фролову свое несогласие по поводу ареста им номера «Волжского курьера» за критику губернаторских распоряжений на страницах этого издания [14]. «Против газетной критики моих распоряжений, – писал губернатор, – я ничего не имел ранее, ничего не имею и в настоящее время, если критика производится в выражениях приличных и вообще допустимых. Скажу даже более, если бы подобная критика была даже допущена в выражениях оскорбительных для должностного лица, то я воспользовался бы принадлежащим мне правом привлечения за это виновного к судебной ответственности, но ни в каком случае не считал бы допустимым наложение за это на газету ареста. Задача администрации заключается в борьбе с революционным направлением газет и с попытками их возбудить в населении неуважение к Верховной власти и восстановить население против правительственных властей, против войсковых частей и против одной части населения на другую» [15]. Однако из данного обстоятельства нельзя сделать вывода, свидетельствующего об излишнем рвении представителей

цензурного ведомства, поскольку мы имеем свидетельства определенного рода «недосмотра» за прессой со стороны цензуры.

Нередко казанский комитет по делам печати оставлял без внимания газетные публикации, которые содержали в себе признаки нарушения российского законодательства. В таких случаях должностные лица различных учреждений губернии обращались в соответствующие ведомства с инициацией запретов для выхода материалов подобного плана в печать. Так, директор казанской учительской семинарии писал попечителю Казанского учебного округа о «возбуждении», произошедшем по прочтении статьи г. Глебского «Татарское счастье» на страницах газеты «Казанский телеграф» [16], в среде «разноплеменного состава воспитанников семинарии». Директор отметил: «Статьи полны полемического задора, неправильно и односторонне передают факты с произвольным освещением их». Основным посылом обращения директора состоял в аргументации просьбы о запрещении подобного рода публикаций: «Имею честь почтительнейше ходатайствовать, не признаете ли целесообразным через губернское начальство прекратить временно газетную полемику по инородческим вопросам как вносящую племенной раздор и вражду среди населения» [17].

Таким образом, инициированное министерством юстиции России служебное расследование в отношении характера деятельности казанской судебной палаты в 1906 г. не имело никаких последствий – «подробные сведения», затребованные министерством по содержанию статьи «Революционная деятельность казанской судебной палаты» и полученная в результате служебной переписки информация могла быть лишь «принята к сведению». А в объяснении прокурора казанской судебной палаты в министерство юстиции по поводу «систематической отмены арестов, которые налагались на отдельные номера газет за помещение статей антиправительственного содержания», значилось: «Всякое обвинение должно основываться на фактических данных, а вредное направление газеты, не выразившееся в определенных фактах, не может подлежать преследованию в порядке судебном» [2, л. 113].

В результате проведенного анализа мы пришли к следующим выводам:

В большинстве случаев арест, наложенный на издание представителем административной власти, был отменен властью судебной.

Характер судебных постановлений и ход судебных

слушаний в выявленных случаях ареста периодики свидетельствуют, что рассмотрение первых судебных дел по прессе осуществлялось оперативно (в течение 2-3 дней суд утверждал или отменял арест, наложенный цензором на конкретный номер издания). В отдельных случаях после того, как арест номера был утвержден судом, рассмотрение состава преступления переносилось в судебную палату и судебное слушание осуществлялось через весьма продолжительный срок, который был отпущен на изучение обстоятельств дела.

Деятельность казанской судебной палаты не являлась «революционной» по существу, однако свидетельствовала об общероссийском настрое на либеральность в отстаивании интересов личности.

В условиях отсутствия единства среди представителей административной власти казанская периодическая печать не чуждалась безответственной и безнаказанной публикации материалов, укрепляющих тревогу и сеющих хаос в общественном сознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Революционная деятельность казанской судебной палаты // Московские ведомости. – 1906. – № 276. – 14 нояб.
2. РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 320. Л. 110.
3. Тактика социал-демократии и кадеты // Волжский курьер. – 1906. – № 90. – апр.
4. Судебная хроника. Казанская судебная палата // Волжский листок. – 1907. – 31 мая.
5. Местная хроника // Волжский листок. – 1907. – 29 мая.
6. НА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 56. Ч. 1.
7. Русская печать // Волжский вестник. – 1906. – № 168. – 8 июля.
8. Голодная // Волжский вестник. – 1906. – № 184.
9. Земские начальники в роли политических ораторов // Волжский вестник. – 1906. – № 186.
10. Казань, 19 июля // Волжский курьер. – 1906. – № 123.
11. Деревня Кокшамары // Казанский вечер. – 1906. – № 6.
12. Вперемежку // Волжский курьер. – 1906. – № 36. – 25 марта.
13. Судебная хроника. Дело А. А. Знаменской // Волжский Курьер. – 1907. – № 250. – 12 мая.
14. По поводу губернаторского объявления // Волжский курьер. – 1906. – № 122. – 18 июля.
15. НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 56. Л. 211.
16. Глебский. Татарские счастье // Казанский телеграф. – 1906. – № 4128. – нояб.
17. НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 27.

Московский институт телевидения и радиовещания «Останкино»

Курбакова Е. В., доктор исторических наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры журналистики
E-mail: art.s@list.ru

Moscow Institute of Television and Radio Broadcasting «Ostankino»

Kurbakova E. V., Doctor of History, Candidate of Philology, Professor of the Journalism Department
E-mail: art.s@list.ru

МИФОЛОГИЗАЦИЯ И ЭСТЕТИКА ПРЕМИАЛЬНЫХ БРЕНДОВ В ПРАКТИКЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ

Т. Ю. Лебедева

Европейский институт PR

Поступила в редакцию 23 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье исследуются модели управления брендом как нематериальным активом на примере премиальных брендов. Изучается, как синкретическая природа мифа позволяет адаптировать его к стратегиям глобализации люксовых брендов и как традиционное звучание мифа коррелируется в зависимости от задач присутствия бренда в информационном пространстве. Рассматриваются, в частности, модели инструментализации мифа применительно к основам бренда, технологии сторителлинга и event-инженерии. Выводится формула мифотворчества в люксовом брендинге, которая может проецироваться на другие предметные сферы коммуникации. **Ключевые слова:** бренд, брендинг, нематериальные активы, имидж, репутация, гудвил, драйверная модель коммуникации, сторителлинг, нарративные технологии, канал коммуникации, культовый продукт, генетический код бренда, тизинг

Abstract: this article takes a look at the model of brand management as an intangible asset on the example of premium brands. Examines how the syncretic nature of myth can adapt its strategies for globalization, luxury brands and how traditional sounding myth correlated depending on the brand presence in cyberspace. Deals with, inter alia, in relation to the myth of the instrumentalization of the model basics brand, technology and event-storytelling engineering. Mythmaking formula is displayed in the luxury branding, which can be projected to other substantive communications.

Key words: brand, branding, intangible assets, image, reputation, goodwill, driver model of communication, storytelling, narrative technology, communication channel, cult product, the genetic code of the brand, tising

Построение медиакоммуникаций брендов премиум-класса на рубеже XX и XXI вв., и в особенности в первые десятилетия этого столетия, во многом обусловлено развитием явления, которое получило название «нематериальной экономики» и проявляется как ростом значения цифрового пространства, так и нематериальных активов, включая бренд.

Ведущим признаком бренда как нематериального актива становится то, что он может быть продан отдельно, без активов материальных. Показательным примером в данном случае стал процесс между двумя автомобильными гигантами – Volkswagen и BMW за право выпускать автомобили Rolls Royce. Оба претендента хотели добиться возможности иметь символ люкса в автомобильной индустрии. Однако контракт 1971 г. на право использования бренда предусматривал неограниченное во времени право на него британского производителя авиамооторов Rolls Royce, что и позволило последнему наложить свое вето на продажу. В итоге британский инженерный конгломерат Vickers продал отдельно заводы Rolls Royce компании Volkswagen, в то время как BMW, которому отдал предпочтение производитель авиамооторов и владелец марки, приобрел саму марку.

Газета Le Monde от 31 июля 1998 г. так резюмировала эту ситуацию: «Volkswagen стал жертвой рыночного обмана». Оба претендента стремились приобрести бренд – символ люкса в автомобильной индустрии, который имел собственную рыночную стоимость.

Создание конкурентных преимуществ, таким образом, все больше перемещается в сферу брендинга. Формулы определения гудвила и стоимости бренда входят в финансовые отчеты компаний по статье нематериальные активы, а затраты на формирование сильного бренда и его продвижение в медиакоммуникациях рассматриваются как инвестиции, создающие конкурентные преимущества, формирующие прибыль и *brand equity* – его стоимость. В результате перед теми, кто занимается методологией медиакоммуникаций и брендингом, встают задачи обозначить и сформулировать в тесной привязке к модальностям финансовых рынков стратегии и технологии управления нематериальным активом – брендом, отвечая на практическую задачу создания добавленной стоимости бренду. Экономический результат становится напрямую привязан к результату управления активом нематериальным, который требует синкретических и междисциплинарных подходов как актив специфический, «отчужденный».

Теория бренда, его репутации и имиджа как актив «отчужденных» получает развитие в трудах известного европейского исследователя и практика Жана-Пьера Бодуана и сводится к тому, что они являются, с одной стороны, собственностью носителя, с другой стороны, не находятся в его непосредственном распоряжении, поскольку зависят от общественного мнения и отношения целевых аудиторий. Именно поэтому они и могут рассматриваться как «собственность отчужденная», требующая определенных моделей управления [1; 57]. В контексте методологического поиска этих моделей стали возникать прикладные концепты, зачастую с «околонаучной окраской», но, тем не менее, отражающие необходимость оптимизировать управление брендом в условиях решающего значения нематериальных активов. Один из них – концепт *storytelling management*, исходящий из того, что «бренд – это главным образом отношение» и устанавливающий тесную связь между компанией, брендом и литературой [2; 105].

«Чтобы мобилизовать общественное мнение, необходимо мобилизовать эмоции. Чтобы открыть сердца, нужно рассказать историю», – в таком достаточно нехарактерном для языка менеджмента стиле определяет этот тренд один из гуру этого направления известный сценарист Голливуда Роберт МакКи [3; 72]. Эти подходы выходят иногда за рамки управления брендом, охватывая и сферу управления персоналом.

Опубликованный в 1999 г. и ставший бестселлером труд *Shakespeare on Management* построен целиком на анализе значения прочтения Шекспира с позиций лидерства и управления персоналом и имидже [4]. Позже в 2004 г. выходит еще один подобный коллективный труд под руководством Я. Габриэль, настаивающий на необходимости формирования нарративного подхода к методологии коммуникации и апеллирующий к необходимости перечитать «Одиссею» [5]. Постепенно этот процесс получает название *fictionalisation* экономики, то есть превращение ее в продукт вымысла, *fiction* [6; 81].

За всеми этими подходами, обладающими разной степенью серьезности, просматривается тренд на то, что управление брендом как нематериальным ресурсом требует формирования определенной методологии, во многом построенной на использовании эмоциональной парадигмы в отношениях «бренд – клиент». Отметим труд Клода Бутино *Le Business Emotionnel*, где автор выводит формулу создания добавленной стоимости бренду с высокой эмоциональной нагрузкой [7]. В 2012 г. выходит работа французского социолога Доминика Муази «Геополитика эмоций» (*La geopolitique de l'emotion*), в которой автор устанавливает связь между эмоциональным и дивидендами, утверждая, что «рациональное на самом деле никогда не было далеко от эмоционального» [8; 86].

Безусловно, тренд на создание высокой добавленной стоимости бренда и конструирование методологии управления им с учетом реальностей «нематериальной экономики» особенно присущ премиальной сфере, где значение добавленной стоимости само по себе составляет основу экономической модели. Именно эта сфера и дает продуктивный материал для идентификации перспективных технологий и форматов, которые могут обладать трансверсальной природой и применяться в других областях для целей увеличения стоимости бренда. Неслучайно, что, несмотря на кризис, рынок индустрии люкса продолжает развиваться и представляет собой только во Франции в 2013-2015 гг. ежегодно позитивный сольд в 34 миллиарда евро (для сравнения в авиации, он в эти же годы равен 17 млрд евро). По классификации Интербренда из ста самых дорогих брендов мира (а добавленная стоимость бренда формируется средствами медиакommunikаций) представлено 7 люксовых брендов: *Louis Vuitton* (принадлежит первой в мире люксовой группе LVMH) занимает 17 место и *Gucci* (принадлежит французской люксовой группе *Kering*) на 38 (на первых местах – *Apple* и *Google*).

Показательно, что в последние два-три года намечается тенденция повышенного спроса на специалистов из люксовой индустрии, что свидетельствует о синергетических процессах в индустрии мировой коммуникации в целом и о востребованности опыта в премиальной сфере по росту нематериальных активов. Так несколько топ-менеджеров, включая Анжелу Арендс и Мусу Тариа из *Burberry*, перешли в 2014 г. работать в *Apple*. И это далеко не случайно, именно в силу потребности создавать добавленную стоимость за счет формирования сильного бренда средствами коммуникации, премиальная сфера превращается в своего рода лабораторию современного консалтинга, что и определяет востребованность опыта экспертов из этой индустрии в других областях деятельности, вплоть до IT.

С учетом специфических моделей управления брендами вообще и премиальными в особенности, мифологизация бренда приобретает новое содержание и новые функциональные характеристики. Именно эксплуатация мифа позволяет бренду выстраивать эмоциональные отношения с целевыми аудиториями, без которых бренд не существует как таковой, и надежно закрепиться в общественном мнении в целом. Здесь необходимо отметить, что в сфере медиакommunikаций «выживают» те технологии, которые максимально отвечают задачам экономической модели, созданию конкурентных преимуществ и добавленной стоимости за счет разработки имиджа, репутации и гудвила.

Традиционная композиция мифа находит в брендинге обновленное прочтение и инструментализируется применительно к базовым основам бренда

– его платформе, генетическому коду и специфике конструкции коммуникационной цепочки, позволяющей сделать актуальными все базовые компоненты. В отличие от традиционной композиции мифа (герои положительные и отрицательные, конфликт, поиска смысла, любви и др.) мифология премиального бренда строится на интерпретации его генетического кода. Для *Louis Vuitton* это его история, идея путешествий, культовые предметы (сумка с монограммой, дорожные сумки, чемоданы), для *Chanel* – создатель бренда, сама Коко Шанель, история, культовые предметы, связь с искусством.

Эстетика бренда базируется на инструментализации параметра искусства, который также входит в генетический код практически всех премиальных брендов, поскольку отвечает стратегиям формирования добавленной стоимости и дифференциации. На трансляции этого кода в общественное пространство строится эстетика, а нередко и драматургия мифа премиального бренда. Для Дома *Chanel* это отношения самой Коко Шанель с деятелями искусства, с Сергеем Дягилевым, князем Дмитрием, Жаном Кокто, Игорем Стравинским, не лишенные драматизма и даже трагизма.

Эта мифология может выражаться в различных технологиях сторителлинга: от рекламных до художественных фильмов, от выставок до литературных произведений. Сторителлинг здесь не понимается как обязательно художественный «книжный» рассказ и получает принципиально иное технологическое воплощение благодаря event-инженерии. Он может иметь различные художественные выражения. При этом легендарный или культовый продукт – обязательный элемент генетического кода бренда, присутствует пусть даже в опосредованной форме. Это логично объясняется необходимостью сохранять «ядро» профессии и развивать гудвил и репутацию, которые основаны на экономической целесообразности и мастерстве Дома.

Мифология, существовавшая ранее преимущественно в повествовательном формате, приобретает в брендинге новые форматы и новую сценографию, учитывая актуальные общественные тренды. В этом смысле типологически показательна выставка № 5 *Culture Chanel*, прошедшая в Париже во Дворце Токио в 2013 г. Построенная вокруг идеи культового предмета Дома – парфюма *Chanel n 5*, она на 70 % посвящена отношениям самой Коко Шанель с выдающимися деятелями искусства, на чем и основана сама драматургия события. «Она, по какому-то чуду действовала в моде. Согласно правилам, которые, казалось, имеют ценность только для художников, музыкантов и поэтов...», – так представляется на выставке «мироздание» Коко Шанель в видеении поэта Жана Кокто [9]. При этом число героев, вплетенных в мифологию люксового Дома, может быть достаточно представительным, но подлежа-

щим жесткому отбору. В мифологии премиальных брендов нет случайностей и мелочей, все детали важны, всем героям и действующим лицам, как и в традиционных мифах, отводится своя функция и роль: быть адвокатом бренда, свидетелем, участником, рассказчиком. Зачастую на основе их свидетельств и формируется представление о мироздании бренда, его ценностях.

Иногда сам создатель бренда превращается в рассказчика: «Я верю в четвертое измерение, и в пятое... Это родилось из потребности быть успокоенной, верить, что никогда не теряешь все и что что-то происходит с другой стороны» [10; 118]. Так мифология бренда проецируется на сущностные вопросы бытия, смысл жизни: такой контент позволяет трансформировать медиа как канал публичный в канал индивидуальный, подразумевая стилистически доверительный персональный разговор бренда со своей аудиторией.

По законам мифотворчества бренд Шанель носит отпечаток трагизма, что и составляет главную кульминацию выставки. Это проявляется во всех мифологических эпизодах «жизнеописания» Габриэль Шанель. И в отношениях с англичанином Артуром Капелем (Боем), бизнесменом и чемпионом по поло, который помог Шанель открыть ее первый бутик в Довиле (витрина 3). Именно он привил ей страсть к эзотеризму. Их отношения продолжались с 1908 г. по канун 1920 г. вплоть до женитьбы Артура Боя. В декабре 1919 г. он покинул Шанель в Париже, чтобы отправиться на Ривьеру к своей супруге. Чем не совпадение переживаний Габриэль с нимфой Калипсо из «Одиссеи» с ее известным монологом, обращенным к Одиссею, когда она отпускает его к супруге: «Правду сказал ты, хитрец, и чрезмерно твой ум благороден...?». В день его отъезда смерть застала Артура Боя за рулем автомобиля. Погрузившись в траур, Шанель не отрывалась от цифр и знаков, которые они изучали вместе с Боем. Этот траур обострил ее интуицию и так возник *Chanel n 5* – парфюм вечности, с которым связано множество производных мифов.

Из эклектики византийской культуры, флорентийского и венецианского художественного творчества, авангардизма, кубизма и дадаизма складывается синергия эстетики бренда Шанель, раскрытая в формате сторителлинга и позволяющая познать его базовые ценности.

Не менее эмоционально насыщены и другие эпизоды экспозиции, выстраивающие линию Габриэль Шанель и Венеция (витрины 21, 23, 48). После гибели Боя Шанель знакомится с Сергеем Дягилевым. И в Венеции несколько лет спустя умирает Дягилев, и Шанель дает средства на его похороны. Символическое место – Венеция, умирающий город. Именно в нем находит свое последнее пристанище Дягилев, боявшийся путешество-

вать по воде, так как ему когда-то нагадали, что на воде-то он и умрет, что и случилось в Венеции – городе на воде.

Присутствие символического места – также характерный признак мифологии бренда при условии, что оно коррелируется с ядром творчества и культовым продуктом бренда. Это место может быть всемирно признанным и его трактовка может совпадать с его традиционной коннотацией в общественном сознании, как, например, Венеция – город, который гибнет, постепенно уходя под воду, но остается городом масок и карнавала с нотами вечного прощания. Это может быть символическое место, ставшее таковым исключительно в контексте мифологии Дома. В эксклюзивной коллекции парфюмов *Chanel* есть *Cuire Russe* и *Respiro*. Каждое название вписывается в мифологию, раскрывающую мировоззрение бренда, его эстетику, формируя эмоциональную парадигму в общественном пространстве. Именно в имени Бэль Респиро проводил у Шанель каникулы Игорь Стравинский, а с русским князем Дмитрием ее связывали личные отношения.

Классический формат мифа трансформируется в брендинге таким образом, что сам легендарный продукт может заключать целый мифологический пласт в одном названии, за которым кроются коллизия, кульминация, драма отношений, потеря и приобретений. То есть основой мифологизации бренда остается его генетический код, актуализированный в формуле «коммуникационной цепочки».

Сторителлинг в медиакommunikациях бренда преобразуется в зависимости от выбранного медиа, сохраняя при этом драматизм и эмоциональную напряженность и насыщенность, даже если нарратив исходит из названия культового продукта. При этом медиа, каналом трансляции мифа в общественное пространство может стать виртуальный и передвижной музей, фильм для *youtube*, классическая экспозиция с драматургической сценографией, книга, художественный фильм, легендарный продукт, цитата, квартира создателя бренда (как квартиры Габриэль Шанель на улице Камбронь в Париже). По сравнению с традиционным «повествовательным» жанром классического мифа, в брендинге выбор медиа зависит от креативности, бюджета, целей и задач и тех ценностей, которые бренд транслирует в общественное пространство и в свои целевые аудитории.

Синкретическая природа мифа позволяет успешно адаптировать его к стратегиям глобализации люксовых брендов и встраивать его в мультикультурную составляющую в политике их продвижения. Наибольшего успеха в этом достигают, безусловно, европейские классические люксовые бренды с историей, восходящей, по крайней мере, к концу 18 – началу 19 вв. Трансформация мифологии бренда происходит в таком случае с учетом его инструмен-

тализации относительно глобальных стратегий позиционирования. Связь с всемирно известными историческими персонажами, олицетворяющими французскую историю и культуру, становится драйвером в данном формате мифотворчества.

При этом помимо привязки к экономической задаче продвижения, в виду имеются имиджевые, репутационные и коммерческие цели – доказать уникальность и эксклюзивность продукта, и через эти параметры обосновать его цену и позицию на рынке. Выбранный канал, медиа в таком случае может обладать поливалентной природой и соединять в себе характеристики флагманского магазина, музея и передвижной выставки, превращаясь в «храм» бренда. Именно в этом «превращении» и заключается его символическое и эстетическое значение для имиджа бренда.

В ноябре 2006 г. в Гонконге, через который пролегают дороги практически всех европейских марок класса люкс, был открыт самый большой в мире бутик ювелирного Дома *Chaumet* площадью 410 м². Даже с учетом его размера это событие не было бы столь примечательным, если бы не создание в стенах бутика специфического музея *Chaumet*, концепция которого рассчитана на интеллектуальную аудиторию. Приоритетное место в ней отведено личности Наполеона, который по замыслу стратегов развития бренда, является его лучшим посланцем. Его личность и становится ключевым звеном в конструкции мифологии бренда с давней историей (1780 г.), которая тесно переплетается с историей родины люкса – Францией. Фигура бронзового Наполеона на коне символически указывает посетителям на вход в музей. При выборе этой модели визуализации мифа через символическую фигуру расчет делался именно на аудиторию Гонконга, клиентура которого проявляет чрезвычайный интерес к историческому наследию. Ее не оставляют равнодушными ни исторические коннотации, ни подбор культовых предметов марки, например, броши-пчелы, воплощающие стиль наполеоновской эпохи. Все эти элементы, соединенные в формате флагманского магазина-музея (канал), входят в формулу мифологии бренда и делают емким визуализацию дискурса о бренде с историей. При этом легендарный продукт (как броши-пчелы) воплощают эстетику бренда и соответствуют коммерческой задаче – развивать представление об эксклюзиве продукта Дома *Chaumet*.

В два последних десятилетия происходит трансформация мифологии премиальных брендов в сторону сильной визуализации, что позволяет усиливать эмоциональную привязанность в отношениях с целевой аудиторией, расширять присутствие бренда в медийном и общественном пространствах в целом. Люксовые Дома больше не довольствуются собственными музеями, как, например, музей *Lalique* на улице Руаяль в Париже. Они стараются

интегрировать, включить музей как медиа в систему массовых каналов, сделать его актуальным, охватить с его помощью самую широкую аудиторию, превратив его в новость для СМИ.

Традиционное звучание мифа коррелируется в контексте потребностей присутствия бренда в информационном пространстве и в результате этой синергии приобретает функцию ньюсмекинга. Именно такую функцию имело открытие арт-инсталляции *Prada Marfa* в пустынной местности у шоссе в Техасе. Архитектурный объект выглядит как магазин *Prada*, работающих окон и дверей у объекта нет, с 2005 года внутрь никто не заходил. Идея художников Эльмгрена и Драгсета заключалась в том, что объект, который изначально контрастирует с окружающей местностью, через

длительное время перестанет диссонировать и сольется с пустынным пейзажем. Со временем архитектурный арт-объект привел к возникновению новых традиций. Многие, кто останавливаются у *Prada Marfa*, оставляют свою визитку под ближайшим камнем, и это своего рода новое мифотворчество бренда, где коллизия строится целиком на технологии тизинга и интриге, а функция ньюсмекинга является на определенном этапе ролевой.

Трансформация мифологии премиальных брендов и ее технологическое воплощение и визуализация происходят с учетом расширения «пространства» бренда и задач его все большей интеграции в современное информационное поле, позволяющей множить информационные поводы и обеспечивать максимальное присутствие в международных каналах коммуникации. Именно в этом направлении был создан передвижной музей Шанель, представляющий собой футуристический павильон с белыми стенами, где известные дизайнеры и художники могут выставлять свои произведения искусства, вдохновленные легендарной сумкой Шанель. Передвижной музей, задуманный и созданный известным архитектором Захой Хадид, с 2008 г. осуществляет турне по городам Азии, США и Европы. Его площадь 800 м², он имеет форму ракушки из пластика высотой 6 метров. Конструкцию можно транс-

портировать по континентам, на ее сборку нужен всего лишь месяц. Несмотря на инновационное технологическое воплощение, позволяющее добиться сильного визуального эффекта, эта модель развивает базовую конструкцию мифологии бренда, его генетический код с сильным присутствием легендарного продукта и связи с миром искусства.

Присутствие культового продукта в формировании нового типа эстетики бренда, основанной на создании атмосферы, окружения позволяет добиваться его еще большей узнаваемости. Новые сакральные «места» – флагманские магазины и музеи, передвижные выставки приобретают функцию своего рода «храма» бренда и отвечают задачам увеличения его гудвила и известности в международном формате. Их функциональной особенностью является и то, что они позволяют максимально «вписать» бренд в информационную повестку дня, наделяя его ньюскекерской функцией. В результате трансформации традиционной мифологии премиальных брендов обеспечивается их емкое присутствие в общественном и информационном пространстве, что становится решающей составляющей эффективности их экономической модели в эпоху роста нематериальных активов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Beaudoin J.P. L'opinion, c'est combine? Paris. 2005.
2. Denning S. The Leader's Guide to Storytelling. Mastering the Art and Discipline of Business Narrative. Jossey Bass, San Francisco. 2005.
3. Salmon Ch. Storytelling, la machine a fabriquer des histoires et a former les esprit. Paris, 2008.
4. Corrigan Paul. Shakespeare on Management. Kogan Page Limited, Douvres, 1999.
5. Gabriel Yannis. Mythes, histoires et organisations. Paris. 2004.
6. Salmon Ch., op.cit., P81.
7. Boutineau Cl. Le Business Emotionnel. Paris, 2010.
8. Moisi D. "La geopolitique de l'emotion". Paris. 2012.
9. Culture Chanel n 5. Palais Tokyo, Paris. 2013.
10. Gabrielle Chanel in Marcel Haedrich. Chanel. Paris. P.Belfond, 1987.

Лебедева Т. Ю., доктор филологических наук, профессор, Международный директор Европейского института PR (IEERP, Париж)

E-mail: phiebur@mail.ru

Lebedeva T. Ju., Doctor of Philology, Professor, International Director of the European Institute of PR (IEERP, Paris)

E-mail: phiebur@mail.ru

РОЛЬ СУБЪЕКТА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ

В. С. Левшаков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 21 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье исследуется роль журналиста в публицистическом диалоге. В данной работе мы обращаем внимание на то, что диалог – это важнейший фактор развития общества; рассматриваем ресурсы взаимодействия автора и аудитории.

Ключевые слова: публицистический диалог, автор, журналистика, читатель, взаимодействие.

Abstract: this article takes a look at the role of the author in the journalistic dialogue. In this work we draw attention to the fact that the dialogue – is an essential factor in the development of society. We also consider the resources of interaction between the author and the audience.

Keywords: journalistic dialogue, author, journalist, reader, interaction.

Заметка о новых дорожных знаках, появившихся в центре города, интервью со столичной звездой о трудностях бытия или аналитическая статья, обещающая, что грядущие выборы будут совершенно не такими, как предыдущие – все это публикации разных жанров и разных тем. Но помимо прочего все это коммуникативные ситуации, в основе которых лежат взаимоотношения двух сознаний – воспроизводящего и воспринимающего. В тонкостях данного взаимодействия адресата и адресанта и кроется секрет диалога. Но как столкновение различных точек зрения становится объединяющим центром?

Мы уже говорили, что цель любого диалога в поиске истины, основанной на взаимодействии сознаний. Но учитывая, что у каждого участника публицистического диалога существует свое представление о предмете, крайне важно, чтобы стремление понять взяло верх над стремлением устроить спор. Необходимо признать право на чужое мнение. На плечи автора ложится миссия выстроить целую сеть связей с читателями.

Не секрет, что главное богатство любого средства массой информации – его «массовость», его аудитория. В современной медиасреде крайне важно иметь свой пул читателей – тех, кто прислушивается к вашему слову, тех, кто дает обратную связь, а главное тех, кто после всего этого готов еще и на какое-то действие. Автор как раз пытается выложить дорогу от «реальности к тексту», а затем от «текста к читателю». В конечном итоге этот процесс, запущенный журналистом, заканчивается практически без его участия естественной фазой «от читателя к реальности». Но если где-то на этом пути возникают нестыковки, если реальный мир не пересекается с той реальностью, что воссоздал автор – все

это приводит лишь к тому, что диалог просто разваливается.

«Волнует тот, кто сам волнуется, и вызывает гнев тот, кто действительно сердится. Вследствие этого поэзия составляет удел или богато одаренного природой, или склонного к помешательству человека. Первые способны перевоплощаться, вторые – приходить в экстаз» [1, с. 1089] – это мнение высказал Аристотель, когда рассуждал об искусстве поэзии. Но данное утверждение одинаково верно и для представителя журналистской профессии. Мы не будем утверждать, что автор публицистического текста должен быть «помешанным», однако он должен что-то чувствовать к предмету своего текста. Журналист должен быть охвачен проблемой: проявить эрудицию, усидчивость, изучить материал, то есть понять то, что он сам пишет. Ведь невозможно строить хоть сколько-нибудь внятные диалоговые отношения с читателем, если сам автор далек от темы. Иначе слово, как выражается Дмитрий Быков, ничего не весит.

«В советское время люди могли писать в стол – и верить, что в столе у них бомба. Сегодня слово стоит так мало, а попрание простейших правил так тотально и очевидно, что вкладываться в столь сомнительное занятие, как поиск смысла или борьба с пороками, не станет и самый упертый идеалист» [2] – это мнение Быков опубликовал в своей работе «О современной русской литературе». Мы не будем спорить с данным высказыванием. Отметим лишь, что вне зависимости от эпохи автор должен верить в свою «бомбу». Иначе, как можно вызвать взрыв?

Диалог – это важнейший показатель живучести поколения в социально-изменчивой действительности. Общество живет диалогом, но сегодня диалог в нашей стране оказывается в забвении. Он все ближе по форме к своему первородному значению – беседе

двух и более лиц. Но задача автора состоит в том, чтобы использовать диалог как важнейший фактор плодотворного развития общества. Диалог актуализирует личность: причем как передающее сознание, так и воспринимающее.

Не зря в высказывании Быкова сделан акцент и на последних словах – «упертый идеалист». Это хорошая характеристика того, кто готов менять сложившееся положение дел, создавать тот импульс, который приводит в движение массы. Проще говоря, это характеристика любого творца: композитора, художника, писателя, в том числе и журналиста. Но особенность последнего заключается в том, что выстраивая диалог с читателем, он основывается на документальных событиях.

«Бомба» журналиста появляется, как правило, после конкретных фактов действительности, как реакция на какое-то индивидуальное или общественное проявление. Отчасти поэтому она не может долго лежать в столе. Подстраиваясь под тип издания, формат и соответственно ожидания аудитории, автор создает некое текстовое пространство, которое помогает читателю перенести отдельные умозаключения на пространство действительности.

При том диалог должен оставаться декодируемым. Журналист создает систему символов, которые в купе дают определенное направление. Читатель должен понять, что стоит за содержанием. А для этого сам журналист должен понять, какой читатель стоит перед ним.

Дж. Вудворд выразил мнение, что газета формирует общественное мнение с помощью искажения, пропусков, концентрации или окрашивания фактов, а не прямыми редакционными проповедями [3, с. 14].

Сегодня всю газетную площадь можно разделить на определенные тематические пласты. Не будем лукавить и скажем, что большую роль в редакционной политике играет рекламный отдел. Это нормальное явление, которое помогает современным изданиям выживать. Но вместе с тем задача журналиста становится сложнее – ему важно, соответствуя газетной политике, создать импульс, благодаря которому читатель заметит именно его. Текст должен быть моментально декодируем и понят аудиторией.

Роль автора в отношении познания мира всегда была достаточно важна. Гегель отмечал, что именно познание и мышление – корень жизни. И Художник, по его мнению, растворяет свою субстанциальность в стремлении объективно изобразить действительность. Для этого важно не только ясно воспринимать и понимать какой-то предмет действительно, но и осознавать адресанта. Аудитория зачастую уже заложена в поднимаемый вопрос.

Автор может выстроить свой текст по трем принципам. Первый – от «Я» к «Я». Диалог в данном случае направлен внутрь себя: публицист пытается

сопоставить свое понимание роли в этой жизни с теми механизмами действительности, в которых ему приходится пребывать. Однако это вовсе не значит, что данный диалог исключает стороннего наблюдателя. Яркий тому пример – эссе. Если в текст заложена хоть какая-то яркая эмоция – значит, кто-то может ее разделить.

Но чаще всего текстовое пространство строится по схеме от авторского «Я» к читательскому «Они». В данном случае журналист может быть сторонним наблюдателем, но также сопереживающим. На данном принципе строится абсолютное большинство публицистических текстов. Несомненный плюс такого построения в том, что в нем уже заложено место для определенной аудитории: пенсионеров, молодых мам, работников бюджетной сферы и так далее. Цель автора в данном случае оказать максимально возможное влияние на воспринимающую сторону, дать ей импульс для дальнейшего движения.

Есть и еще один тип диалоговых отношений «Я» – «Всеобщее все». В данном случае автор поднимает уровень своей публицистики до философского масштаба, пытаясь найти место человеку – как единице в огромном пазле социальных взаимоотношений.

Стивен Кинг, известный по всему миру, как «король ужасов», внес и другой вклад в литературу. В своей работе «Как писать книги» он делает интересное замечание по поводу роли автора: «Писательство – это не зарабатывание денег, не добыча славы, женщин или друзей. Это обогащение жизни тех, кто читает твою работу, и обогащение собственной жизни тоже. Оно чтобы подняться вверх, достичь, стать счастливым, вот что. Стать счастливым» [4].

Таким образом, мы видим, что при построении диалога в литературе, в частности журналистике, автор может идти от себя не только как адресата, но и частично как адресанта.

В 2016 году институт общественного мнения «Квалитас» провел специализированный опрос среди представителей СМИ Воронежской области. Авторам предложили ответить на вопрос: «Каковы лично для вас основные критерии успеха вашего выступления в СМИ?» Так, абсолютное большинство респондентов (64 %) ответило, что главное – практический результат от выступления. Журналисты, которые занимаются криминальной хроникой, помимо практической пользы, хотели бы получить от своих материалов и резонанс в СМИ. Примечательно, что данные ценности, согласно опросам, были основными критериями успеха у воронежских журналистов и 20 лет назад.

Важно отметить, что современные технологии дают возможность публицистическому диалогу принимать самые разные формы. Более того, благодаря гражданской журналистике и блогам читатель мо-

жет сам перевоплотиться из субъекта воспринимающего в субъект воспроизводящий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск : Литература, 1998. – 1112 с.
2. Быков Д. Л. Не касается «О современной русской

литературе» / Д. Л. Быков. – М., 2014. – Режим доступа: <https://republic.ru/culture/1036740-bykov-unrelated/>

3. Семенова А. В. Контент-анализ СМИ проблемы и опыт применения / А. В. Семенова, М. В. Корсунская. – М., 2010. – 324 с.

4. Кинг С. Как писать книги / С. Кинг. – М., 2014. – Режим доступа: <http://bookz.ru/authors/kingstiven/596363efb6f17707/1-596363efb6f17707.html>

*Воронежский государственный университет
Левшаков В. С., аспирант кафедры истории журналистики и литературы
E-mail: lewsha.kov@mail.ru*

*Voronezh State University
Levshakov V. S., Post-graduate Student of the History of Journalism Department
E-mail: lewsha.kov@mail.ru*

ЗАРУБЕЖНЫЕ WEB-РЕСУРСЫ ЖУРНАЛИСТСКИХ РАССЛЕДОВАНИЙ: ОСНОВНЫЕ ТИПЫ

Н. В. Литвинова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 20 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье речь идет о зарубежных интернет-ресурсах, которые могут быть использованы в ходе журналистских расследований. Автор обосновывает значимость таких ресурсов как фактора, ускоряющего журналистские расследования и повышающего уровень их объективности. Выявляются основные группы интернет-ресурсов, важных для журналистов-расследователей. Дается характеристика данных, содержащихся на ресурсах той или иной группы.

Ключевые слова: журналистское расследование, зарубежные интернет-ресурсы, виды расследовательских интернет-ресурсов.

Abstracts: in this article we are talking about foreign Internet resources that may be used in the course of investigative journalism. The author proves the importance of such resources as a factor in accelerating the investigative journalism and to raise the level of objectivity. Identifies the main groups of Internet – resources that are important for journalists-investigators. We give a description of the data contained on the resources of a particular group.

Keywords: investigative journalism, foreign Internet-resources, the types of investigative Internet-resources.

Современная расследовательская журналистика становится все более тесно связанной с Интернетом (количество пользователей Интернета в мире на сегодня составляет 3,5 миллиарда человек¹). Журналисты-расследователи могут не только размещать здесь свои публикации, но и использовать все более широкие возможности сети для получения необходимой для расследований информации. К сожалению, на сегодняшний момент, российские интернет-ресурсы, используемые журналистами-расследователями, во многом уступают ресурсам, представленным на зарубежных сайтах. Знакомство с такими сайтами, безусловно, подскажет новые нужные адреса и, разумеется, даст представление о возможных направлениях в дальнейшем развитии отечественной расследовательской журналистики в глобальной сети [1, с. 3].

Проведенное исследование, представленных в Интернете зарубежных расследовательских ресурсов, дало нам возможность установить существование их четырех главных типов:

- сайты, специализирующиеся на журналистских расследованиях;
- сайты детективных агентств, которые используют свои сайты для публикации избранных мате-

риалов из собственных расследований;

- сайты – анализаторы данных, которые могут быть использованы при подготовке журналистских расследований;

- сайты – архивы документов (прежде всего – государственных), к которым можно обратиться при проведении расследований.

Представим некоторые сайты, характерные для **первой типологической группы**:

Одним из наиболее известных сайтов является IRE – Investigative Reporters and Editors (www.ire.org)².

Данный ресурс значим для журналистов-расследователей тем, что он не только является новостным порталом и публикует результаты журналистских расследований, но и занимается подготовкой специалистов в данной области. Коллектив сайта был создан в 1975 году, его первое собрание прошло тогда же в городе Индианаполисе, где присутствовали более 300 репортеров из ведущих американских изданий [2, с. 8–9].

Вот какие задачи ставит перед собой ресурс www.ire.org:

- Организация проведения расследований.
2. Обеспечение подготовки кадров, ресурсов и поддержки журналистам-расследователям.
3. Соблюдение высоких профессиональных стандартов.
4. Защита прав журналистов-расследователей.

¹ Пресс-релиз МСЭ от 22.07.2016 года. Режим доступа: http://www.itu.int/net/pressoffice/press_releases/2016/pdf/30-ru.pdf

² IRE – Investigative Reporters and Editors // www.ire.org/ (дата обращения: 08.01.2016).

5. Обеспечение будущего «IRE».

На сайте можно найти качественные материалы журналистских расследований, созданных по всем канонам данного жанра [3, с. 17]. Авторы расследований именитые журналисты, преимущественно американские, такие как Сара Хатчинс, Алисон Прэнг и Крис Халсн. Обращение к их опыту, безусловно, будет особенно полезным для начинающих журналистов и в нашей стране.

Еще одним показательным расследовательским ресурсом первой группы является *ICIJ – International Consortium of Investigative Journalism*³ («Международный консорциум журналистов-расследователей»). Данный ресурс – это глобальная сеть из 185 журналистов-расследователей из более чем 65 стран. Основан сайт в 1997 году американским журналистом Чаком Льюисом (Chuck Lewis).

В Европе функции, подобные двум представленным американским сайтам, выполняет немецкий ресурс *Ans Tageslicht* («На дневной свет»). Данный ресурс был создан в начале двухтысячных годов Гамбургским Университетом прикладных наук (*HAW – Hochschule für Angewandte Wissenschaften Hamburg*) с целью размещения на нем учебных и научных (а потом и расследовательских) публикаций студентов. Создание такого рода площадки связано с тем, что важной частью образования в Университете прикладных наук является непрерывная связь обучения и реального исследования. Со временем ресурс стал набирать обороты и завоевал доверие не только студентов и преподавателей Университета, но и читателей, журналистов за его пределами. Все материалы, которые публикуются на сайте, являются проверенной информацией, подкрепленной документами. Именно серьезный подход к делу, отсутствие клеветы, слухов и домыслов, принесли ресурсу уважение аудитории [4, с. 35]. Этот сайт в настоящее время имеет поддомены: 1) для русскоговорящих (*vsvet.org*); 2) для англоговорящих (*in2public.org*) посетителей и авторов публикаций, что позволяет ещё больше расширить границы его использования.

Теперь обратимся ко **второй группе** важных для журналистов-расследователей интернет-ресурсов – **сайтам детективных агентств**.

Структурно все они выстроены одинаково и предлагают похожий спектр услуг, а именно:

- поиск финансовых активов;
- слежка за супругами;
- сбор данных для опеки над ребенком;
- записи актов гражданского состояния;
- полная проверка данных;
- корпоративные расследования;
- расследование жестокого обращения с детьми;
- **юридические услуги**;

³ ICIJ – International Consortium of Investigative Journalism. Режим доступа: www.icij.org/

- поиск судимости;
- поиск пропавших без вести лиц;
- исследование онлайн сервисов;
- услуги наблюдения.

Все сайты, входящие в эту группу, имеют свои блоги, на которых детективы публикуют отчеты об уже раскрытых делах или избранные материалы, которые оказываются чем-то примечательными для публики. Вот краткая характеристика наиболее известных интернет-ресурсов этой группы:

Детективное агентство *Safe Harbor Investigations*⁴ (с англ. «Безопасная гавань») существует с 2003 года, позиционируется как частное детективное агентство, специализирующееся на расследовании финансовых и корпоративных махинаций. Примечательно, что агентство очень тесно сотрудничает с Грузией и, кроме всего прочего, помогает в США грузинским иммигрантам. Вот что говорится на сайте о его миссии:

«Мы проводим исследования для частных лиц, адвокатов, предприятий и корпораций. Наша миссия состоит в том, чтобы предоставить нашим клиентам услугу, которая не может быть дублирована любым другим учреждением в Грузии. Мы стремимся дать вам самое лучшее обслуживание по самой низкой цене»⁵.

Агентство *Hinch Newman LLP*⁶ специализируется на новых медиа, на **расследованиях в области киберпреступности** и, что особенно важно, на делах, связанных с электронной коммерцией. Сейчас, с появлением новых платежных инструментов, таких как криптовалюта, биткойны (электронная платежная система от англ. Bitcoin, от bit – «бит» и coin – «монета» прим.) участились случаи мошенничества, которые практически всегда остаются безнаказанными. Например, на сегодняшний день курс данной криптовалюты 47 500 рублей за 1 биткойн. Подобные инвестиционные инструменты привлекают мошенников со всего мира.

Блог австралийского агентства *Precise Investigation*⁷ (с англ. «Точное расследование») наиболее красочный из представленных в данном списке, содержит не только информацию по расследованиям, но и познавательные публицистические материалы. Статья «Is it our responsibility?» (с англ. «Это

⁴ Safe Harbor Investigations – официальный сайт детективного агентства. Режим доступа: <http://www.safeharborinvestigations.com/>

⁵ Safe Harbor Investigations – официальный сайт детективного агентства. Режим доступа: <http://www.safeharborinvestigations.com/> (дата обращения: 20.09.2016).

⁶ Агентство расследований Hinch Newman LL // <http://www.hinchnewman.com> (дата обращения: 19.09.2016).

⁷ Блог агентства Precise Investigation // <https://www.preciseinvestigation.com/blog> (дата обращения: 19.09.2016).

наша ответственность?»⁸), например, посвящена почтовым клиентам поисковой сети google.

Рассмотрим **третью группу** сетевых ресурсов – **«сайты – анализаторы данных»**.

Для журналиста-расследователя такого рода ресурсы могут быть полезны на подготовительном этапе сбора информации.

Ресурс *Truth Finder*⁹ (с англ. «Искатель правды») анализирует полицейские отчеты, социальные сети и другие источники информации. При регистрации пользователя предупреждают:

«Пожалуйста, будьте осторожны при проведении поиска. Убедитесь, что вся информация, которую вы вводите, является точной. Правда об истории вашей семьи и друзей может быть шокирующей, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны при использовании данного инструмента».

Ресурс *Spy Fly*¹⁰ (с англ. «Шпионская муха») – аналог вышеупомянутого сервиса по поиску людей и информации о них. Сайт содержит информацию по поиску людей, копии реальных полицейских записей (протоколов судебных заседаний, транспортных квитанций, данные о штрафах, тяжких преступлениях и т. д.), справочные отчеты, фотографии, судебные документы, адреса, номера телефонов и многое другое. Для поиска кого-либо необходимо заполнить графы «Имя», «Фамилия», «Пол», «Штат» (доступен поиск только по Соединенным Штатам Америки), а также – ответить на уточняющие вопросы.

Сайт *eInvestigator*¹¹ позиционирует себя как ресурс для детективов, но здесь можно найти информацию, полезную и при подготовке журналистского расследования. На главной странице обозначены разделы о шпионском оборудовании, полезном программном обеспечении, законах, на которые стоит опираться при добыче нужной информации и т. д. Но стоит отметить, что сайт носит более светский характер, чем предыдущий, поскольку здесь много данных по наблюдению за знаменитостями и по различным финансовым операциям.

Теперь обратимся к интернет-ресурсам **четвертой группы – сайтам – архивам**.

Криминалистический архив материалов «**Crime Scene Investigator Network**»¹².

⁸ Статья Is it our responsibility? // <https://www.preciseinvestigation.com/blog/295-should-google-be-doing-something>

⁹ Интернет-ресурс по розыску аккаунтов Truthfinder // <https://www.truthfinder.com/> (дата обращения: 19.09.2016).

¹⁰ Интернет-ресурс по розыску аккаунтов SpyFly // <http://spyfly.com/index.php> (дата обращения: 20.09.2016).

¹¹ Детективный интернет-ресурс eInvestigator // <https://www.einvestigator.com/> (дата обращения: 19.09.2016).

¹² Crime Scene Investigator Network // <http://crime-scene-investigator.net/> (дата обращения 19.09.2016).

Здесь расположен огромный архив документов криминалистов США и Канады, предназначенный для журналистов-расследователей и всех желающих. На данном ресурсе можно найти все от фотографий с мест преступлений до описи улики, найденных в ходе следствия. Сайт зарегистрирован в 2000 году, существует без перебоев 16 лет. За это время накопился грандиозный массив информации, посвященной разного рода расследовательской деятельности.

Сайт имеет следующие подразделы:

1. Главная – витрина сайта. На странице публикуется выборка из свежих материалов, разбитая по подкатегориям и контактный блок.

2. *Crime Scene Response* – раздел с методическими рекомендациями по подготовке расследований, разбит на множество разделов и подкатегорий.

3. Сбор доказательств – обучающие материалы и рекомендации по сбору доказательной базы и улики.

4. Место преступления, улики и фотографии – раздел, посвященный фотоматериалам, рассказывающий о том, как правильно снимать и, что важно учитывать при подготовке съемки места преступления и улики. Какой использовать ракурс и световое оборудование, для каких улик подходит цветная съемка, а для каких, необходима черно-белая. Также в разделе представлены учебные пособия по криминалистической фотосъемке.

5. Статьи – архив журналистских расследований, разбит на подкатегории, многие материалы содержат видео- и аудиозаписи;

6. Видео – раздел с обучающими видео на криминалистическую тематику, например, большой подраздел посвящен тому, как правильно снимать отпечатки пальцев с помощью черной пудры и, что необходимо делать для снятия отпечатка обуви.

7. Новости – здесь размещаются все новые расследования преступлений, которые не имеют отношения к данному ресурсу, но различными способами попавшие в Интернет.

8. Форум – раздел, созданный для общения пользователей сайта, также здесь можно получить консультацию профессионального детектива или криминалиста.

9. Блог – раздел, в котором еженедельно публикуются познавательные материалы «Использование перчаток на месте преступления» и пр. Ведет блог Стивен Стаггс – автор книг и статей по криминалистике, преподаватель Калифорнийского Университета. Посещаемость блога более 2 000 пользователей в месяц.

10. Ресурсы и ссылки – сборник полезных ссылок, ресурсов и правовых организаций, которые могут пригодиться при подготовке расследования, более 300 наименований.

11. Книжный магазин – ресурс имеет собствен-

ную типографию *Staggspublishing*¹³, выпускающую профессиональную и учебную литературу по криминалистике.

12. Контакты – контактные блоки по всем возможным направлениям деятельности ресурса.

13. Поиск – поисковик по сайту.

Уже структура разделов, их название говорят о том, что это полезный ресурс не только для подготовки журналистского расследования или для аналитики текущей ситуации в какой-либо социальной сфере.

Одной из важных разновидностей сайтов – архивов в Интернете являются **архивы документов государственных учреждений**. При пользовании подобным ресурсом журналист может быть почти всегда уверен в том, что, поскольку на данных ресурсах документы размещают государственные службы, то соответственно, ни о какой фальсификации или подлоге не может быть и речи.

Архив документов Международной торговой комиссии США (**«United States International Trade Comission»**)¹⁴. Здесь можно найти не только все отчеты, по экономической деятельности компаний начиная с 2000 года, но и производственную и экономическую аналитику. Данный документальный архив будет полезен для подготовки расследований на тему экономических преступлений и финансовых махинаций.

Архив документов **«Judicial Watch»**¹⁵ – некоммерческая организация, существующая при поддержке государства и благотворительных взносов. Очень полезный ресурс для журналиста – инвестигейтора, на нем публикуются в открытом доступе судебные документы по категориям:

Хроники коррупции – материалы и документы, объединенные темой коррупции и произвола власти.

Еженедельный обзор материалов – актуальные мировые новости.

Расследовательские статьи – материалы и скан-копии документов расследований по различным тематикам.

Пресса – здесь публикуются официальные пресс-релизы.

Финансовые расследования – раздел материалов по коммерческим преступлениям.

Архив документов – здесь опубликованы скан-копии документов с 1985 года, в большинстве своем по предвыборным кампаниям.

Каталог документов Национального Архива США

¹³ *Staggspublishing* // <http://www.staggspublishing.com/> (дата обращения: 19.09.2016).

¹⁴ Архив документов Международной торговой комиссии США *United States International Trade Comission*. – Режим доступа: <https://usitc.gov/> (дата обращения: 20.09.2016).

¹⁵ Архив документов *Judicial Watch*. Режим доступа: <http://www.judicialwatch.org/>

(*Catalog.archives.gov*)¹⁶. Огромная библиотека материалов с удобным поиском по ключевым словам. Опубликованы расследовательские материалы с 1950 года. Также есть возможность делать выборку по формату. Можно искать только видеофайлы или только свидетельства в фотографиях.

Если воспользоваться поиском по слову «расследование», то получим выгрузку из документов, фото, видео на 61 088 страниц. Превосходный ресурс для подготовки журналистского материала и не только.

Архив Совета генеральных инспекторов по честности и эффективности (**«Judicialwatch.org»**)¹⁷. Данный ресурс был создан законодательно в качестве независимого органа в рамках исполнительной власти в соответствии с «Указом Генерального прокурора о реформе 2008 года № 110-409» для исполнения следующих обязательств:

- решения вопросов по экономике и эффективности предприятий, которые выходят за рамки отдельных правительственных учреждений;

- повышения профессионализма и эффективности персонала путем разработки политики, стандартов и подходов для оказания помощи в создании хорошо подготовленных и высококвалифицированных кадров для генеральной прокуратуры.

Для журналиста этот ресурс важен тем, что здесь публикуются ежегодные финансовые отчеты компаний, данные по федеральным финансовым аудитам и, самое главное – материалы проверенных организацией расследований.

Официальный сайт Федерального Бюро Расследований (*FBI.gov*)¹⁸.

Он представляет собой не только полноценный архив расследований, но и познавательный ресурс. Основная информация распределена между разделами.

Разыскивается – в данном разделе размещены фотографии и фотороботы преступников и без вести пропавших людей, которые в данный момент находятся в федеральном розыске.

Новости – здесь можно найти не только актуальные мировые новости, но и массу полезных статистических данных, например, «Статистика преступлений, совершенных на почве ненависти за 2015 год»¹⁹, которые пригодятся при подготовке материалов.

¹⁶ Каталог Национального Архива США // <https://catalog.archives.gov/> (дата обращения: 20.09.2016).

¹⁷ The Council of the Inspectors General on Integrity and Efficiency (CIGIE) // <https://www.ignet.gov> (дата обращения: 20.09.2016).

¹⁸ Federal Bureau of Investigation – официальный сайт Федерального Бюро Расследований. – Режим доступа: <https://www.fbi.gov/>

¹⁹ Hate Crime Statistics 2015 – сайт статистических данных по преступлениям. – Режим доступа: <https://www.fbi.gov/news/stories/2015-hate-crime-statistics-released>

Что мы расследуем – в разделе содержатся материалы дел, находящихся в открытом доступе, по следующим тематикам:

- терроризм;
- контрразведка;
- киберпреступность;
- коррупция;
- гражданские права;
- организованная преступность;
- преступления «белых воротничков» (экономические преступления);
- преступления, совершенные с особой жестокостью;
- оружие массового уничтожения.

Сервисы и Ресурсы – здесь опубликованы списки инструментов, сервисов, организаций и баз данных, сотрудничающих с Федеральным Бюро Расследований.

Обратная связь – форма обратной связи с организацией.

О нас – раздел, посвященный истории ФБР. Информацию можно сортировать по годам и отдельным штатам. Историческая справка дана с 1900 года.

Как видите, охват тем, проблем, вопросов, документов, данных, которые могут быть использованы журналистами при проведении своих расследований на представленных сайтах, очень широк. Но

даже использование таких богатых информационных ресурсов Интернета, которые описаны здесь, и о которых мы ещё не рассказали [5, с. 45–47], не избавляет журналиста от необходимости вести тщательный отбор материала, проверять и перепроверять полученные данные всеми возможными путями [6, с. 22–23]. Только в этом случае журналистское расследование может стать по-настоящему полным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Константинов А. Журналистское расследование / А. Константинов. – М. : АСТ; СПб. : Астрель-СПб, 2010.
2. Houston B., Bruzzese L., Weinberg S. The investigative reporters handbook. Bedford.
3. Anders Lovenberg. Undersökande journalistik. Ordfronts forlag. Stockholm, 1995.
4. Johannes Ludwig. Investigativer Journalismus. 2 Auflage. Verlagsgesellschaft mbH, Konstanz, 2007.
5. Шум Ю. Журналистское расследование / Ю. Шум. – СПб. : Изд-во СПбГУП, 2008.
6. Тертычный А. А. По следам макрейнкеров / А. А. Тертычный // Новости ЕСИМО. – 2016. – № 10(436).
7. Уллмен Дж. Журналистские расследования : современные методы и техника / Дж. Уллмен. – М. : Виоланта, 1998.
8. St. Martins, Boston –New-York, 2002.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Литвинова Н. В., аспирант кафедры периодической печати

E-mail: litvinova@elenara.ru

*Moscow state University named after M. V. Lomonosov
Litvinova N. V., Post-graduate Student of the Periodicals
Department*

E-mail: litvinova@elenara.ru

РАБОТА ЖУРНАЛИСТА В УСЛОВИЯХ ГИБРИДИЗАЦИИ МЕДИАТЕКСТА

З. А. Милославская

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 25 ноября 2016 г.

Аннотация: в статье предпринята попытка классификации травмирующих факторов современного медиатекста: зависимостей, возникающих у пользователя, троллинга, виртуальных конструкций, внедряемых в информационное поле. Предложены способы противодействия обозначенным угрозам.

Ключевые слова: медиатекст, конвергентные СМИ, журналистский текст, PR-текст, рекламный текст, травмирующие факторы медиатекста.

Annotation: An attempt is made to classify traumatizing factors attributed to the modern media text, such as: users' addictions, trolling, and virtual constructions introduced into the information field. Countermeasures for mitigating these traumatizing factors are proposed.

Keywords: media text, convergent media, journalistic text, PR text, advertisement text, media text traumatizing factors.

Во взаимоотношениях СМК с аудиторией наметился парадокс: с одной стороны, манипулятивное влияние СМК (в понимании СМИ + социальные сети) – общепризнанный факт, с другой – потребитель постепенно перестает верить медиа, то есть, по сути, начинает выходить из-под их влияния, оставаясь при этом пользователем медиаконтента. Одна из причин – углубление конвергенции и постоянные трансформации глобального медиатекста, влекущие за собой изменения в сферах технологий, профессиональных навыков, языка, культуры в целом и этики. В этой ситуации новую актуальность получает традиционный вопрос о целях, задачах, ценностях и ответственности журналиста.

ВЫЗОВЫ ЖУРНАЛИСТИКИ КОНВЕРГЕНТНЫХ СМИ

Последнее десятилетие – время стремительного перерождения журналистики, интеграции этой некогда элитной профессии в единый гигантский медиаорганизм, сформированный процессом конвергенции.

Гибридность сегодня, вероятно, можно назвать одной из ключевых характеристик медиатекста – продукта конвергентных СМИ, основывающихся на веб-коммуникации. Проявления глобальной гибридности легко различимы:

- каналы передачи информации превратились в мультимедийные площадки;
- типы творчества сливаются: медиатекст содержит журналистский, литературный, рекламный, PR-текст, произведения изобразительного искусства, видео- и аудиофайлы, фото, анимацию, графи-

ку; популярен кросс-платформенный сторителлинг (трансмедийное повествование);

- разные типы текста, попадая в медиасферу, приобретают общие черты и подчиняются сходным требованиям;

- жанры ощутимо трансформируются в условиях конвергентных СМИ;

- контент представлен информационно-аналитической и развлекательной составляющими с явным преобладанием последней; способ подачи информационного содержания в эмоциональной форме получил определение «инфотэйнмент» (information + entertainment);

- автор стал гибридным, или «коллективным», за счет синтеза функций профессионала, работающего в СМИ, и простого читателя, генерирующего свой контент.

Глобальная гибридность в медиа ведет к тому, что принципы функционирования современной медиасреды уже далеки от классических установок «чистой» журналистики: беспристрастного всестороннего информирования, отсутствия личной заинтересованности, разделения факта и мнения. Если традиционные СМИ выполняли почти одностороннюю коммуникацию (читатель мог написать в редакцию), то определениями для взаимоотношений конвергентных медиа с аудиторией, вероятно, могут быть «сервис» и «игра». «Читатель» стал «потребителем» и сам выбирает между продуктом десятков СМИ, участвуя в создании контента как часть «коллективного автора». Автор представлен журналистами, PR-специалистами, профессиональными блогерами (т.н. непрофессиональными журналистами), простыми потребителями.

Результатом глобальной гибридации становятся как позитивные изменения – рост оперативности и детальности информирования, разнообразие контента, полярность точек зрения – так и негативные. Остановимся на трех группах негативных проявлений.

СНИЖЕНИЕ ДОВЕРИЯ К СМИ

Неискушенный пользователь СМК часто теряет в шквальном потоке круглосуточно прибывающего контента: он не всегда может отличить информацию от фейка или проплаченного материала, качественный сайт от «поделки» в формате self-made media, не всегда понимает, кто именно автор того или иного текста. Набирающие силу соцсети планомерно берут верх над СМИ, становясь не только «первыми», к чему традиционно стремилось любое медиа, но формируя повестку и тренды. С низового уровня соцсетей начинается раскрутка коммерческих проектов, стремящихся попасть в «большие» СМИ, новых медийных персон, часть которых вполне может оказаться виртуальными конструкциями. Читатель фактически живет в «перевернутом» мире, где фейк часто имеет преимущество перед фактом. Но оказывается, что и в такой медиасреде обойтись без журналиста невозможно: его главным конкурентным преимуществом по-прежнему остается навык работы с текстом – умение «рассказывать истории» [1], к чему прочие участники «коллективного авторства», как правило, неспособны.

РОСТ ДОЛИ РЕКЛАМНОГО И PR-КОНТЕНТА

Гибридация трех видов текстового творчества – журналистики, PR и рекламы – ослабляет позиции журналистики. Исследования говорят о скачкообразном росте роли рекламы, которая

становится «едва ли не самым главным смыслообразующим феноменом» [2, с. 159], формируя мысль о приоритете потребления и соответствующие ценности. PR же (в современном понимании «паблисити», а не в классическом «организация общественного диалога») создает PR-креатуры, обслуживаемые такой условно выделяемой категорией медиа-профессионалов, как «PR-журналисты» [3, с. 170]. PR-журналисты занимаются как отработкой «заказных» тем, так и PR-продвижением персон и компаний, используя при этом журналистские средства: жанры, способы сбора информации. От классических журналистов их отличает работа в интересах клиента, от PR-специалистов – владение журналистскими приемами.

Созданные PR-журналистами «эксперты» – они могут быть и содержательными, и «пустыми» – успешно конкурируют с реальными: редакционные базы СМИ полны данными и тех, и других (автор статьи опирается на свой опыт работы в классической и PR-журналистике). Крайней формой PR-журналистики становится внедрение виртуальной конструкции. Автор данной статьи проверил гипотезу о том, что полная виртуализация персоны не лишает её цитируемости, с помощью эксперимента: в 8 российских и 1 европейское СМИ был выведен вымышленный «эксперт-урбанист»; результатом стал выход 19 оригинальных публикаций в интернет-СМИ и печатных изданиях в период 28.02.14-09.04.14 [4].

ТРАВМИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ

Упомянутые процессы формируют целый ряд опасностей для потребителя СМК. Сведем в таблицу результаты анализа, ставшего частью исследования, посвященного последствиям гибридации медиатекста (табл. 1).

Таблица 1.

Типология травмирующих факторов медиатекста

Травмирующий фактор	Описание	Пример
Интернет-аддикция	Проверка e-mail и аккаутов без необходимости; веб-серфинг; зависимость от игрового контента; смещение общения в сеть. Следствие: психологическая зависимость, экономические потери.	– по данным ФБК, потери экономики России от активности «зависимых» в соцсетях в рабочее время за 2012 г. составили 281,7-311,5 млрд руб.
PR-аддикция	Навязчивое стремление к самопрезентации в сети. Следствие: эмоциональные, психологические, психические проблемы.	– сербка Снежана Павлович попала в психиатрическую больницу: ее пост в Facebook не привлек внимания «друзей» («синдром Снежаны» [5]); – пользователи публикуют десятки селфи в день («селфодемия»); крайняя степень такой зависимости – гибель при попытке сделать экстремальное селфи («селфицид» [6, с. 36-37, 39-40]– 127 чел. за 2014-2016 гг. [7]).

Сетевой негатив	<i>Троллинг</i> – конфликты, оскорбления, преследования пользователями друг друга с целью привлечь внимание к себе; т. н. «хейтинг» («hate» – «ненавидеть»). Следствие: эмоциональные, психологические, психические, физические проблемы.	– издевательство над блогером-кулинаром Светланой: стихи, шаржи, песни; сама Светлана троллям уже была не нужна, превратившись в кумира со знаком «минус» [8].
	<i>Моббинг</i> – психологическая травля/ агитация с целью довести до увольнения, самоубийства, смены вероисповедания и т. д. Следствие: психологические травмы, угроза здоровью и жизни.	– дело студентки Варвары Карауловой, задержанной при попытке уехать в Сирию; – по данным детского омбудсмена А. Кузнецовой, с ноября 2015 г. по апрель 2016 г. покончили с собой 130 подростков, состоявших в «группах смерти» в соцсетях [9].
	<i>Веб-преступления</i> – онлайн– трансляции противоправных действий.	– дело «мажоров», устроивших гонки с полицией в мае 2016 г.; – дело псковских школьников, транслировавших в Periscope стрельбу по полиции и самоубийство 14.11.16.
	<i>Веб-«мародерство»</i> – циничная реакция на драматичные события.	– атаки на страницу министра экономического развития А.Улюкаева в «Википедии» в день его ареста 15.11.2016; создание рекламы авиабилетов с его фото и слоганами: «Когда не успел купить билеты в Лондон», «Кто успел, тот не сел» [10].
Чрезмерная открытость информации	Конфиденциальная и противоправная информация в открытом доступе. Следствие: похищение людей, имущества, угроза жизни.	– похищение сына главы «Лаборатории Касперского» Е. Касперского в 2011 г. с помощью информации из его аккаунта; – торговля наркотиками через Интернет.
Распространение ложной/ необъективной информации	Ошибки, подмена фактов, создание PR-сущностей. Следствие: создание «медиареальности», в т.ч. создание имиджа эксперта для некомпетентного человека.	– выведение в ранг экспертов по инжинирингу главы компании «Халтек» А. Храмова, не обладавшего широкими знаниями в области [11] (из профессионального опыта автора статьи).
Внедрение виртуальных/ полувиртуальных конструкций	<i>«Целевая» конструкция</i> – внедрение в медиаполе вымышленного спикера. Следствие: создание ложных ориентиров.	– встраивание «эксперта-урбаниста» в печатные и сетевые СМИ [4].
	<i>Игра</i> – выдвижение на политические посты животных, киноперсонажей. Следствие: отвлечение внимания от реальных проблем общества.	– выдвижение в президенты Украины персонажа «Звездных войн» Дарта Вейдера и освещение этого в СМИ.

Важно отметить, что перечисленные факторы появляются, в основном, в пространстве слабо контролируемого веб-текста – одной из разновидностей медиатекста. В связи с веб-текстом и его влиянием на «коллективного автора», интересны результаты недавнего исследования отношения к агрессии разных категорий журналистов: выяснилось, что журналисты, ведущие блоги, «в большей степени толерантны к агрессии в СМИ и других сферах жизни, чем те, кто не активен в социальных сетях» [12, с. 504]. Авторы поясняют, что причина, как правило, скрыта в потребности максимально полно информировать общество. Подобные исследования ставят вопрос о границах свободы в медиа, ответ на который, ве-

роятно, в необходимости учитывать силу и механизм воздействия СМИ на психику.

Безусловно, спектр требований к журналисту в конвергентных СМИ, практически создающих реальность, меняется: ему нужны новые компетенции и транспрофессиональные навыки; в противном случае, он «выпадет» из профессии. Однако его ответственность за формирование безопасной для пользователей медиатекста среды – вопрос столь же насущный [13], как и непрерывный профессиональный рост, несмотря на то, что в мире констатируется факт трансформации природы журналистики и журналистской этики вследствие «медиареволюции» [14], а также тот факт, что технологии в раз-

витии опережают само творчество [15, с. 138]. Вероятно, ощутимый вклад в дело формирования ответственности способна внести медиаэкология – дисциплина, возникшая как ответ на вопросы охраны потребителя и труда журналиста и уже преподаваемая в России [16].

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Можно предположить, что первым шагом на

пути к безопасной медиасреде должен стать вопрос, который задаст себе каждый представитель «коллективного авторства» и, в первую очередь, журналист: «Хотим ли мы иметь средства массовой информации (хотя бы как *сегмент* современного глобального медиатекста)?». Если да, то меры, которые можно предпринимать самостоятельно, очевидны (табл. 2).

Таблица 2.

Способы противодействия травмирующим факторам

Травмирующий фактор	Противодействие
Интернет-аддикция	<i>Поднятие темы в СМИ</i>
PR-аддикция	– написание предупреждающих материалов о рисках зависимости; – публикация бесед с психологами; – освещение в СМИ техник освобождения от зависимости.
Создание сетевого негатива	<i>Технические средства</i> Использование настроек приватности для аккаунтов и сообществ, модерации комментариев, правил поведения и санкций для нарушителей. <i>Психологические средства</i> 1) Вычисление «тролля» по признакам: – диалог по форме, монолог по сути («тролль» принципиально не слышит собеседника); – провокационность; авторитарность; агрессия; часто анонимность; – придирки к словам и формулировкам «жертвы»; – в тексте: исполнение от примитивного до изысканного, частое несоблюдение правил русского языка. 2) Отказ от общения с «троллем», уличение его в троллинге; аргументы, вежливость, отсутствие эмоций. 3) Обращение к психологу для поддержки жертвы при выявлении факта моббинга.
Чрезмерная открытость информации	Написание предупреждающих материалов о растущих опасностях медиатекста.
Распространение ложной/необъективной информации	<i>Фактчекинг</i> – поиск первоисточника/подтверждение информации из нескольких независимых источников; – проверка источника: поиск следов деятельности человека или организации, контакт с его коллегами и родственниками; – запрос мнения противоположной стороны; – проверка заголовка и текста на оригинальность через поисковики и агрегаторы, фото – через сервисы Google images или TinEye; – проверка на небрежность: сверка имён, профессий, званий упомянутых людей, дат, названий. <i>Анализ на беспристрастность</i> 1) Классический PR-материал часто содержит следующие недостатки: – ангажированность; избыточность оценочных суждений; – отсутствие актуальности, композиции и драматургии; – слабая фактура; – стилистические ошибки; обилие штампов; скучный слог. 2) Признаки PR-журналистских материалов от лица субъекта PR: – явное продвижение персоны/идеи, навязчивое описание опыта субъекта [17]; – часто отсутствие конфликта в интервью; – часто отсутствие единой тематической линии у «эксперта»; – стилистические расхождения между печатным и аудио-визуальным медиатекстом (часто женский стиль печатных материалов от лица мужчины-субъекта [11], реже – наоборот); – фокус на роли субъекта в общественной жизни.

Внедрение виртуальных/полувиртуальных конструкций	Проверка новых медиаперсон – поиск следов деятельности: упоминания в СМИ о персоне, ее работах или продукте, наличие и подлинность аккаунтов в соцсетях; – поиск коллег и родственников.
---	--

Таким образом, задача, вероятно, делится на две составляющие: выявление угрозы и реакция на нее, выраженная, по сути, в реализации журналистом своей исконной функции – привлекать внимание к проблемам общества для их решения через работу с медиатекстом.

Современное медиаполе задает принципиально новые стандарты: многофункциональность, проявления транспрофессионализма, умение работать на разных технологических базах и на стыке разных специализаций. Процесс гибридизации медиатекста все дальше уводит от ориентиров традиционной журналистики, однако проблема ответственности журналиста за производимый контент и безопасность медиаполя остается актуальной. Выход видится, в частности, в приобретении навыков выявления травмирующих факторов медиатекста и сознательном противодействии им, хотя вопрос мотивации, к сожалению, остается открытым, так как развитие технологий и экономическая ситуация стимулируют журналиста к обратному.

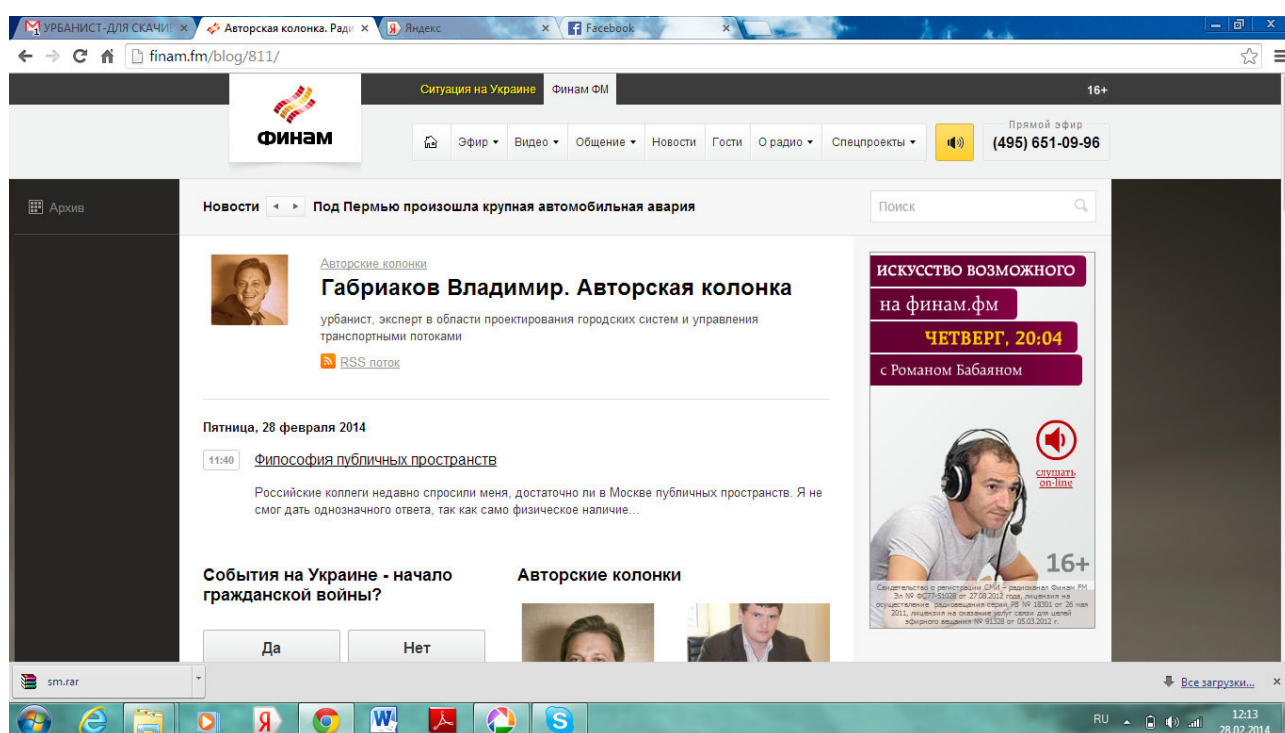
ЛИТЕРАТУРА

1. Родионов А. Медиарынок сошел с ума: пять трендов, о которых молчат редакции / А. Родионов // PlanetaSMI.ru. – URL: <http://planetasmi.ru/izdatelskij-biznes/47395-mediarynok-soshel-s-uma-pyat-trendov-okotorykh-molchat-redaktsii>
2. Ежова Е. Н. «Честным быть выгодно»: трансформация ценностей российского общества в медийно-рекламном дискурсе / Е. Н. Ежова // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – № 1 (34). – 2013. – С. 158–162.
3. Рачков М. П. PR-журналистика: право на существование / М. П. Рачков, А. П. Суходолов // Вопросы теории и практики журналистики. – № 2. – 2013. – С. 169–173.
4. Милославская З. А. PR-плацебо: виртуализация персоны в информационном поле / З. А. Милославская // Сборник статей Международной научной конференции «Наука о коммуникации как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов». – 2015. – С. 233–241.
5. Костерина Л. Соцсети – яд и лекарство / Л. Костерина // Росбалт. – URL: <http://www.rosbalt.ru/style/2014/09/30/1321170.html>
6. Сандомирский М. Культ публичности: почему «эпидемия» селфи рискует превратиться в эпидемию селфицида. Взгляд психотерапевта / М. Сандомирский // Дети в информационном обществе. – № 21. – 2015. – С. 36–43.
7. Hemank Lamba, Varun Bharadhwaj, Mayank Vachher, Divyansh Agarwal, Megha Arora, Ponnurangam Kumaraguru. Me, Myself and My Killfie: Characterizing and Preventing Selfie Deaths / Cornell University Library. – URL: <https://arxiv.org/abs/1611.01911>
8. Голубицкая Ж. Травля в соцсетях и вокруг: кто скрывается под личиной троллей / Ж. Голубицкая // МК.ru. – URL: <http://www.mk.ru/social/2016/05/27/travlya-v-socsetyakh-i-vokrug-kto-skryvaetsya-pod-lichinoy-trolley.html>
9. Лебедева Н. РФ примет Хартию защиты детей от деструктивного влияния информации / Н. Лебедева // RG.ru. – URL: <https://rg.ru/2016/11/01/rf-primet-hartiuzashchity-detej-ot-destruktivnogo-vliianiia-informacii.html>
10. Aviasales пошутил над задержанием Улюкаева / Рамблер. – URL: <https://news.rambler.ru/crazy-world/35278440-aviasales-poshutil-nad-zaderzhaniem-ulyukaeva/>
11. Храмов А. Мы 20 лет разрушали систему подготовки людей технических специальностей / А. Храмов // Взгляд. – URL: <http://www.vz.ru/opinions/2015/7/23/757469.html>
12. Дерябина А. С. Отношение к агрессии журналистов различных средств массовой информации / А. С. Дерябина // Вопросы теории и практики журналистики. – Т. 5. – № 3. – 2016. – С. 494–507.
13. SPJ Code of Ethics/ Society of Professional Journalists. – URL: <http://www.spj.org/ethicscode.asp>
14. Ward Stephen J.A. Digital Media Ethics / Center For Journalism Ethics. – URL: <https://ethics.journalism.wisc.edu/resources/digital-media-ethics/>
15. Познин В. Ф. Коммуникационные технологии и восприятие СМИ / В. Ф. Познин // Вестник Воронежского государственного университета. Филология. Журналистика. – № 3. – 2016. – С. 135–139.
16. Медиаэкология: теория и практика в новых медиа / Официальный сайт ВШЭ. – URL: <https://www.hse.ru/ba/journ/courses/150654413.html>
17. Кузнецов Л. Модернизация по-кавказски / Л. Кузнецов // Профиль. – URL: <http://www.profile.ru/pryamayarech/item/92902-modernizatsiya-po-kavkazski>

Московский педагогический государственный университет

Милославская З. А., соискатель кафедры русской литературы Института филологии и иностранных языков
E-mail: zmloslavskaya@gmail.com

Moscow State Pedagogical University
Miloslavskaya Z. A., Researcher of the Russian Literature,
Institute of Philology and Foreign Languages Department
E-mail: zmloslavskaya@gmail.com

МЕХАНИКА БИЗНЕСА
МЕНЕДЖМЕНТ

Общественное. Частное. Разное

ТОРГОВЛЯ НЕ ПРОТИВОРЕЧИТ ИДЕОЛОГИИ ПУБЛИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВ

Последний раз я оказался в Иркутске около 15 лет назад, когда его городская среда была еще очень «советской» и достаточно запущенной. Потрясающая природа, уникальность всего региона, продиктованная близостью Байкала, вступала в непростое противоречие с тем, что я видел на улицах города. А между тем Иркутск действительно недооцениваем — старинный сибирский город, процветавший за счет активного купеческого сословия и периодически забрасываемых связями, приносивших новые идеи. Насколько я могу судить по общению со знакомыми иркутскими, городское сообщество и сегодня очень живое, что начало сказываться на городской среде.

О 10-м квартале не высказался, наверное, только ленивый, но я должен затронуть эту тему. Проект этот, на мой взгляд, крайне важен — и не только как градостроительное решение, но и как новая схема сотрудничества города с частным бизнесом. С одной стороны, это индивидуальный успех, с другой — повод настроиться в России многие благие начинания часто оборачиваются грубым коммерческим «освоением» публичного пространства. К тому же, «массовые» уникальные кейсы ведут к потере качества, а значит, воодушевившись удачной перифункционализацией одного квартала, очень важно удержаться на заданном уровне профессионализма и не начать бездумно штамповать «бизнес-близнецов» под репей. Я уже не говорю о том, что бизнес-мегаполисы противопоставлены любому городу.

Понятно, что города живут во многом за счет торговли, и пренебрегать этим фактом для городского бюджета самодурством. Однако хороший архитектор всегда способен облечь современную деятельность в форму, которая предпочтительна для конкретного региона, города или даже улицы. Если необходимо компактно разместить торговлю, лучше пойти по пути небольших магазинчиков, стилизованных именно под окружающую застройку, какой бы она ни была. Самой по себе адаптации исторических зданий под современные нужды бояться не стоит: она необходима, так как помогает «наворочить» город, сохранив его лицо.

Кроме того, сегодня в мире элементы застройки под ретейл — точки призывания в общественных местах. Вспомните центральные улицы в знаковых городах: Барселоне, Риме, Неаполе, Стокгольме, Лондоне, Ницце — вы увидите объединение исторических достопримечательностей с торговой и местами отдыха. Чередуясь магазинчики, кафе, рестораны, небольшие галереи, кинотеатры формируют публичное пространство современного города. К тому же, если вы располагаете торговлю в центре, вы заставляете людей оставлять здесь деньги, а не разбегаться по окрестностям в поисках мегамоллов.

Современная западная культура — это культура общества потребления, что не хорошо и не плохо, а просто очередной этап развития. Основной принцип, которым пользуются сегодня урбанисты Европы и США: у публичного пространства должна быть ярко выраженная концепция, главная идея, подчиняющая себе все элементы целого. А целое складывается из совершенно разных видов деятельности, которые предлагаются человеку в общественном месте. У человека должна быть возможность самостоятельно выбирать, чем он будет заниматься: сидеть в кафе, ходить по галерее, смотреть фильм или что-то покупать. Соответственно, чем шире выбор «дела», тем успешнее публичное пространство.

Об авторе

Владимир Габриakov

эксперт по проектированию городских систем и управлению транспортными потоками (Чикаго, США)

Экономика Сибири

ГОРОДОДЖЕН БЫТЬ УДОБНЫМ

Владимир Габриakov, эксперт по проектированию городских систем и управлению транспортными потоками (Чикаго, США)

В США и Европе уже отпели от концепции чисто офисных или чисто спальных районов — это не только не вполне эффективно, но и не совсем удобно. Сегодня в мире элементы застройки под ретейл — точки призывания в общественных местах. Вспомните центральные улицы в знаковых городах: Барселоне, Риме, Неаполе, Стокгольме, Лондоне, Ницце — вы увидите объединение исторических достопримечательностей с торговой и местами отдыха. Чередуясь магазинчики, кафе, рестораны, небольшие галереи, кинотеатры формируют публичное пространство современного города. К тому же, если вы располагаете торговлю в центре, вы заставляете людей оставлять здесь деньги, а не разбегаться по окрестностям в поисках мегамоллов.

Современная западная культура — это культура общества потребления, что не хорошо и не плохо, а просто очередной этап развития. Основной принцип, которым пользуются сегодня урбанисты Европы и США: у публичного пространства должна быть ярко выраженная концепция, главная идея, подчиняющая себе все элементы целого. А целое складывается из совершенно разных видов деятельности, которые предлагаются человеку в общественном месте. У человека должна быть возможность самостоятельно выбирать, чем он будет заниматься: сидеть в кафе, ходить по галерее, смотреть фильм или что-то покупать. Соответственно, чем шире выбор «дела», тем успешнее публичное пространство.

Местные законы Новосибирские депутаты отказались обременять владельцев фур новыми платежами Вокруг оси

В Новосибирске депутаты отказались обременять владельцев фур новыми платежами. Это связано с тем, что в настоящее время в городе нет необходимости в таких мерах.

По мнению парламентариев, предостановка мэра, несомненно приведет к росту стоимости перевозимых товаров. Это связано с тем, что в настоящее время в городе нет необходимости в таких мерах.

Между тем, в настоящее время в городе нет необходимости в таких мерах. Это связано с тем, что в настоящее время в городе нет необходимости в таких мерах.

Счет пошел на миллиарды

В настоящее время в городе нет необходимости в таких мерах. Это связано с тем, что в настоящее время в городе нет необходимости в таких мерах.

Минус У «Сибирской монеты» Появился еще один минус Поставили на zero

В настоящее время в городе нет необходимости в таких мерах. Это связано с тем, что в настоящее время в городе нет необходимости в таких мерах.

Между тем, в настоящее время в городе нет необходимости в таких мерах. Это связано с тем, что в настоящее время в городе нет необходимости в таких мерах.

В настоящее время в городе нет необходимости в таких мерах. Это связано с тем, что в настоящее время в городе нет необходимости в таких мерах.

Минус В Горно-Алтайске для детей-сирот будут строить Малозатяжку не предлагать

В настоящее время в городе нет необходимости в таких мерах. Это связано с тем, что в настоящее время в городе нет необходимости в таких мерах.

ТВОРЧЕСТВО ЛИСИЦКОГО – ХУДОЖНИКА ПЕЧАТИ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ЕВРОПЫ (К ИСТОРИИ МОДУЛЬНОЙ ВЕРСТКИ)

Т. Ю. Мордвинова

Государственный Эрмитаж

Поступила в редакцию 27 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье рассматриваются отдельные аспекты истории графического дизайна 1920–30-х гг. Автор сосредоточил внимание на том, как построенная на основе европейского опыта система модульной верстки внедрялась в практику оформления отечественных периодических изданий, начиная с 1920-х гг.

Ключевые слова: Эль Лисицкий, Ян Чихольд, конструктивизм, «новая типографика», модульная верстка.

Annotation: the article is devoted to some aspects of graphic design history of 1920–1930s. The author focused attention on the introduction of the grid system based on European experience in Soviet periodicals design, from 1920s.

Keywords: El Lissitzky, Jan Tschichold, constructivism, the New Typography, the grid system.

Нельзя сказать, что история отечественного графического дизайна не привлекала внимание исследователей. В то же время в российском искусствознании и истории журналистики практически нет работ, посвященных изучению творческого опыта газетного дизайна 1920–30-х гг. В авторитетной монографии А. П. Киселева «История оформления русской газеты», посвященной эволюции газетной формы, этот период не рассматривается. Между тем именно в конце 1920 – начале 1930-х гг. в России идет процесс обновления методов оформления печатной продукции. Малоизученным остается и непосредственно связанный с этим вопрос освоения отечественным дизайном метода модульной верстки.

В 1980 г. в сборнике «Художественно-техническое оформление периодических изданий» вышла статья О. В. Калинина «Модульная система оформления журнала». В ней обобщен опыт использования приемов модульной верстки при создании визуального образа иллюстрированного издания «Строительство и архитектура Ленинграда», главным редактором которого являлся в то время автор статьи.

Обращаясь к истории освоения художниками печати методик модульной верстки, Калинин писал, что «аналогов в журнальном деле <...> обнаружить не удалось» [1, с. 36]. Правда, Калинин замечает при этом, что «понятие модуля в издательском деле теоретически не ново» [1, с. 36] и «о возможности его использования и в полиграфическом искусстве – оформлении газет, книг и журналов упомянул еще Ле Корбюзье» [1, с. 36].

А между тем от внимания автора ускользнул опыт конструктивистов, которые еще в начале 1920-х гг. подошли к решению проблем, связанных со стремлением художников печати создавать соразмерные, гармонические композиции страниц изданий. О такой направленности художественной мысли говорят издательские проекты Эль Лисицкого.

С 1920-х гг. Лисицкий работал над созданием нового изобразительного языка газетного и журнального дизайна. Отчасти обращение к данной проблеме было связано с тем, что в конце 1921 г. художника командировали в Берлин, где он присоединился к кружку таких же, как он, увлеченных вопросами графического дизайна людей. Оксана Ващук писала об этом так: «В это время в Германии происходило сложение представлений о важности функциональной основы дизайна и <...> росло понимание типографики как рационального и конструктивного компонента графического дизайна» [2, с. 7].

В период пребывания в Европе Лисицкий сблизился с Тео Ван Дусбургом, Гансом Рихтером, Георгом Гроссом и Жаном Арпом. Вместе с этими художниками Лисицкий выступал против «украшательской» иллюстрационной графики, участвуя в решении круга задач, напрямую связанных с утверждением принципов «новой типографики».

Примеры использования новых приемов верстки находим в журнале «Вещь» (1922), над созданием которого Лисицкий работал как дизайнер. Создавая визуальный образ издания, художник отказался от старых методов оформления и придал журналу облик, тяготеющий к техностилу.

Было бы, конечно, преувеличением полагать, что оформление «Вещи» целиком и полностью построено на использовании принципов модульной верстки, но факт использования принципа кратности – неоспорим. Показательна, к примеру, первая полоса первого номера «Вещи». Придавая выразительность облику страницы, Лисицкий проявляет себя как изобретательный конструктор: делит материалы журнала на блоки. И членение всегда осуществляется в соответствии с принципом кратности.

В композиции «Вещи» ощутима и ориентация на «золотое сечение». Три колонки разделены вертикально типографскими линейками. Горизонтальное членение осуществлено в соответствии с пропорциями «золотого сечения»: меньшая часть соотносится с большей, как большая часть с высотой всей страницы. Размерные характеристики блока, размещенного слева сверху, соотнесены с шириной двух колонок. Остальное пространство полосы занимает еще один текстовый блок (абреже). Размеры блоков равны по ширине, так художник гармонизирует массы.

В оформлении издания большую роль играют жирные типографские линейки, используемые при членении формата по горизонтали и вертикали. Столбцы текста отделены друг от друга последовательно слева направо ритмично утоняющимися линейками. Третий столбец имеет графически определенную границу только слева, справа типографская линейка как бы растворяется в белизне листа.

Следует отметить, что использование разделительных линеек на полосе набора имеет и утилитарное значение. Линейки не просто делят столбцы, но и разделяют на блоки текст «концептуальной заявки» издателей журнала. Этот текст, трижды воспроизведенный (на немецком, французском и русском языках) воспринимается каждый раз как бы вновь. Набор при этом переходит не с колонки на колонку, а со страницы на страницу. Такой прием здесь не противоречит принципу удобочитаемости. Его использование Лисицким даже помогает разноязычному читателю ориентироваться в пространстве издания.

Интерес представляет и в целом работа оформителя с материалами журнала. В размерных характеристиках иллюстраций и текстовых блоков, их расположении на разворотах угадывается стремление Лисицкого к модульности и даже ее акцентированию средствами композиции. Свои проекты Лисицкий мог реализовывать, «используя хорошую техническую базу зарубежной типографии» [3, с. 408].

Идеи Лисицкого формировались в широком культурном контексте. Типографика начала XX в. развивалась под влиянием футуризма и конструктивизма. Представители сложившегося направления графического дизайна («новой типографики») прежде всего стремились обеспечить возможность логичного, понятного «конструирования» визуального облика издания [4, с. 66].

По возвращению в Россию в 1925 г. Лисицкий использовал приобретенный во время работы в Европе творческий опыт. Именно в это время им создается проект убранства газеты «Известия АСНОВА», которая стала примером применения новой системы оформления печатной продукции. Газету издавала «Ассоциацией новых архитекторов» («АСНОВА»). К ней Лисицкий присоединился, приехав в Москву в мае 1925 г. Единственный выпуск этого издания вышел в 1926 г. в типографии ВХУТЕМАСа тиражом 1500 экземпляров.

Облик газеты сформирован с ориентацией на идеи «новой типографики». При формировании образа издания художник применил методы, успешно опробованные в работе над журналом «Вещь». В создании визуального образа «Известий АСНОВА», и особенно в решении первой полосы, проблематика «новой типографики» выявлена остро и свежо.

Композиция страниц журнала тяготеет к модульной верстке. На первой странице размещена статья «Серия небоскребов для Москвы. Проект Эль Лисицкого» и иллюстрации к ней. По вертикали членение формата шестичастное. Части – «шаги модуля». Дизайнер не членит полосу на шесть колонок. В композиции полосы он использует выразительные соотношения: два к четырем, реже один к пяти и др.

На второй странице в ширине текстового блока легко определимы четыре шага модуля. Отметим, что художник, конечно же, не следует буквалистски описанному принципу. Порой композицию обуславливают массы, которые не кратны шагам модуля. Иллюстрацию, размерные характеристики которой не укладываются в описанную схему, видим на второй странице издания. Рисунок размещен в верхнем левом углу полосы сразу под заголовком по ширине он чуть больше двух колонок. Справа от иллюстрации – «воздух», не запечатанное пространство, которое, согласно замыслу дизайнера, рельефно оттеняет массив рисунка.

На основе анализа композиции разворотов журнала можно прийти к выводу, что Лисицкий в конце 1920-х гг. руководствовался принципами модульности. Представляется очевидным, что художник стремился придать текстовым блокам и иллюстрациям размеры кратные полям модуля, но ввиду того, что объемы публикуемых в печатном издании материалов не может быть заданы с абсолютной точностью, неукоснительно следовать принципу модульности невозможно.

В «Известиях АСНОВА» размерные характеристики печатных текстов (объем материалов) естественным образом определяли композиционное решение. Тем не менее, использование принципа модульности в оформлении издания ощутимо, и это дает возможность судить о воплощении в жизнь эстетических идеалов «новой типографики».

Надо сказать, что в 1920-е гг. специализированных центров по подготовке художников-оформителей печатной продукции [5, с. 99]. В силу этого обстоятельства опыт Лисицкого не получил в советской России должного признания и распространения.

Но все же некоторые новые художественные тенденции были восприняты российским графическим дизайном конца 1920-х – начала 1930-х гг. Правда, процесс сложения нового стиля типографского искусства в отечественной культуре носил прерывистый, порой непоследовательный характер. Примером издания, в оформлении которого прослеживается влияние конструктивистской эстетики, может послужить «Литературная газета», созданная в 1929 г. по инициативе А. М. Горького. Пилотный номер газеты вышел 22 апреля 1929 г. Текст разверстывался на восемь колонок. Сама по себе колонка текста стала материалом для разнообразных построений на полосе. На одной странице, как правило, дизайнеры помещали более десятка материалов. Самым употребительным элементом в убранстве полос «Литературной газеты» были линейки: горизонтальное членение обеспечивали жирные, двойные или тройные линейки, тонкие линейки вводились в качестве межколоночных отбивок.

При этом использование вертикальных линеек зачастую противоречило принципу удобочитаемости. Это происходило отчасти потому, что материалы «Литературной газеты» конца 1920-х гг. часто занимают более одного столбца. В таком случае разделительная линейка мешает переходу взгляда читателя с колонки на колонку.

Оформители газеты пытались создавать образ издания в стилистике конструктивизма. Но эти попытки трудно назвать удачными. Облик «Литературной газеты», как и других русских газет 1920-30-х гг. эклектичен, новаторское стилевое направление не охватывает принципы верстки в целом. В то же время некоторые детали образа газетных страниц: шапки, иные элементы заголовочного комплекса свидетельствуют об ориентации оформителей на принципы конструктивизма.

Дизайнеры «Литературной газеты» охотно использовали линейки. Тонкие линейки применяются для того, чтобы подчеркнуть вертикальные членения формата. Зачастую линейки делят полосу чисто формально, без учета того, как размещен текстовый материал. Горизонтальные членения выглядят более обоснованными. Заметим: на полосе находим линейки практически всех известных типов: тонкие и жирные, двойные, пунктирные, волнистые и даже орнаментальные, которые дисгармонично чернели в пробелах между разделами. В то же время в методах размещения печатного материала на полосах газет 1920-30-х гг. ощутимо стремление придать содержанию новое графическое выражение.

Можно заключить, что использование Лисицким новаторских приемов верстки оказало формирующее воздействие на практику отечественного графического дизайна 1920-30-х гг. При исследовании образов российских периодических изданий той поры нельзя не отмечать попыток оформителей проектировать убранство газет в стилистике конструктивизма. Однако процесс внедрения новых методик в России прервался с началом Великой Отечественной войны. Поэтому, лишь начиная с 1960-х гг., мастера отечественного графического дизайна смогли широко использовать выразительные возможности модуля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калинин В. О. Модульная система оформления журнала / В. О. Калинин // Художественно-техническое оформление периодических изданий. – Москва, 1980. – С. 34–43.
2. Вашук О. А. Швейцарская школа графического дизайна как явление проектной культуры XX в. : автореф. дис. на соис. уч. степени канд. искусствоведения / О. А. Вашук. – Санкт-Петербург, 2009.
3. Хан-Магомедов С. О. Конструктивизм – концепция формообразования / С. О. Хан-Магомедов. – Москва, 2003.
4. Чихольд Я. Новая типографика. Руководство для современного дизайнера / Я. Чихольд. – Москва, 2011.
5. История печатно-графического искусства Санкт-Петербурга – Петрограда – Ленинграда. Конец XIX – первая треть XX века. – Санкт-Петербург, 2000.

Государственный Эрмитаж

Мордвинова Т. Ю., сотрудник отдела Реставрационно-Хранительского Центра

E-mail: mordvinova@hermitage.ru

The State Hermitage

Mordvinova T. Yu., employee of the department of The Restoration and Storage Centre

E-mail: mordvinova@hermitage.ru

ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЕКТИРОВАНИИ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ

Н. В. Старых

Московский государственный университет

Поступила в редакцию 29 ноября 2016 г.

Аннотация: в статье демонстрируются прикладные решения для различных задач некоммерческой коммуникации с использованием гуманитарно-технологического подхода.

Ключевые слова: стратегические коммуникации, гуманитарные технологии, структурный метод в рекламе, некоммерческая реклама.

Abstract: the article demonstrates the application solutions for different tasks nonprofit communication with humanitarian and technological approach.

Keywords: strategic communications, humanitarian technologies, structural method in advertising, a non-profit advertising.

Гуманитарные технологии: что это?

Гуманитарные технологии – оксюморон, который родился на исходе 20 века. Это словосочетание соединяет в себе два понятия, традиционно находившихся в отношении оппозиции. Конфронтация позитивистского и гуманитарного подходов в рекламной профессии имеет давнюю историю, всплывая всякий раз под разными обличьями [1].

В начале 20 века она проявилась в форме противостояния профессиональных установок в среде американских копирайтеров – между теми, кто придерживался принципов «рациональной аргументации», и сторонниками «атмосферной рекламы», предпочитавших эмоциональное вовлечение покупателей. Представители школы рациональной рекламы опирались на теоретическую базу бихевиоризма – модной для того времени позитивистской психологической теории. Школы эмоциональной рекламы в начале прошлого века не могли предъявить теоретического обоснования своим принципам. Они апеллировали к художественному творчеству и тайне творческой интуиции. Именно с того момента в рекламной теории фиксируется дилемма в определении рекламы – «наука или искусство».

1950-е отмечены первыми попытками заглянуть в «черный ящик сознания» потребителя с помощью внедрения методов психоанализа в рекламную и PR-практику. Вслед за психоанализом, маркетинговая коммуникация все в большем объеме вовлекает в свою орбиту методы гуманитарных наук (гештальт-психологии, аналитической философии, семиологии и др.), направленные на извлечение кодов Бессознательного, которые управляют восприятием рекламируемого предмета. С другой стороны, школа

рациональной рекламы качественно трансформируется, так как переосмысливает прагматику рекламной коммуникации в контексте новой, зародившейся в 1950-е, экономической теории – стратегического менеджмента.

Таким образом, с середины 20 века оппозиция между позитивизмом и гуманитарными подходами не была снята, но обрела иную форму: между прагматизмом стратегической коммуникации, ориентированной на конкретные и измеримые деловые результаты и гуманизмом – человечностью по отношению к массовым аудиториям, способности присоединяться к их личностному пространству, выстраивать диалог.

В 21 веке в теоретико-рекламном дискурсе наметился новый поворот, снимающий оппозицию между прагматизмом и гуманизмом; стратегическая и творческая задачи в рекламной коммуникации все чаще воспринимаются в отношениях дополнительности, но не оппозиции [2]. Профессионалы в сфере медиа говорят даже о «Новом Коммуникационном порядке» [3]. Теперь дело за теоретиками – необходимо разработать концептуально-методический аппарат, обладающий высоким объяснительным потенциалом Нового Коммуникационного Порядка.

Одно из возможных наименований этому направлению научных разработок – гуманитарные технологии, соединяющие проектно-прикладное начало с развитой методологической культурой гуманитарных исследований. Гуманитарные технологии как направление исследований связано с отечественной философской традицией, в первую очередь, с деятельностью Московского Методологического Кружка [4]. Вслед за представителями ММК хочется подчеркнуть значимость метода структурного анализа в работе гуманитарного технолога. Его

внимание сосредоточено на исследовании мыслительных процессов, порождающих значения: это фиксация отношений сходства и различий с представлениями, уже имеющимися в головах участников коммуникации.

Как известно, механизм порождения значений, заложивший основу структурализма, был открыт Фердинандом де Соссюром еще в конце 19 века. Структурный метод формализует имеющиеся представления различного масштаба (от конкретной ситуации до образов мира) с помощью семантических осей. Синтагма – это ось, которая фиксирует повторяющиеся элементы в представлениях участников коммуникации относительно обсуждаемой ситуации; сходство в представлениях означает сходство в их социальном опыте. Ось парадигмы – изменчивое и индивидуальное в опыте и представлениях участников коммуникации.

Заслуга методологов из кружка Щедровицкого состоит в рассмотрении коммуникационного процесса в контексте деятельностного подхода и формулировании идеи «рефлексивных операторов», позволяющей обнаруживать механику скрещивания различных социальных практик и в «выведении» гибридных типов деятельности, наиболее адекватно решающих поставленные задачи.

В результате скрещивания позитивистских и гуманитарных методов рождается абсолютно новая функция рекламной коммуникации – способность управлять процессом порождения значений и контролировать динамику смыслового пространства, направлять её на объединение, а не разъединение участников коммуникации. Гуманитарный технолог получает нечто вроде интерактивной карты для строительства смыслового пространства.

Модели принятия решения, разрабатываемые стратегическими менеджерами, могут быть использованы в новом для них амплуа – в функции грамматической оси, ориентирующей проектировщика на стандартизированные процедуры разработки стратегии. Эта ось позволяет проектировщику сформулировать вопросы относительно проблем восприятия аудиторией текущего рекламного предложения и сфокусироваться на критических ментальных процессах принятия решения – восприятии, осведомленности, отношении, намерения.

Методы гуманитарных наук позволяют переключиться со схемы на конкретно-чувственное представление проблемной ситуации [5]. Если проблема целевой аудитории в осведомленности, то гуманитарный технолог должен понять, каких именно сведений о рекламируемом объекте не достаёт, чтобы включить его в систему существующих представлений о товарной категории, социальной или политической ситуации и т. д. Более сложной является задача по диагностике и коррекции отношения целевой аудитории. Как правило, в подобных

случаях имеется конфликт между контекстным знанием и содержанием рекламного обращения. Задача коммуникационного менеджмента сводится к изменению контекста восприятия, апелляции к отдаленным социальным практикам целевой аудитории. Стратег вновь прибегает к техникам скрещивания социальных практик и выведению гибридов, правда уже на ином уровне – культурного, повседневного, политического и т. д. опыта своей целевой аудитории.

В качестве демонстрации возможностей гуманитарных технологий, рассмотрим возможности этого подхода на примере кейса из социальной сферы – как наименее очевидного с точки зрения технологического подхода.

Гуманитарные технологии в построении диалогической коммуникации в социальной сфере

Наиболее наглядно опыт построения диалогической коммуникации прослеживается в практике создания и оптимизации сайтов благотворительных организаций. Web-разработчики проектируют структуру и дизайн сайта, исходя из представлений о процессе принятия решения целевыми клиентами.

Напомним, что для семиологов этот когнитивный процесс отражает привычный порядок благотворительной практики и понимается как её грамматика. Опираясь на бриф, а также структурно-семантические исследования аналогичных web-ресурсов, специалисты реконструируют последовательность когнитивных реакций клиента: что привлечет его внимание, какой объем сведений будет для него достаточным и т. д. Далеко не всегда изначальные предположения оказываются правильными. Об ошибках сигнализирует «неработающий» сайт, когда на него приходит слишком мало посетителей, либо посетители не совершают запланированных целевых действий.

Иногда достаточно провести так называемую seo-оптимизацию, проследив с помощью инструментов web-аналитики статистику отказов от просмотра страниц сайта, глубину просмотра, переходы на другие страницы и т. д. Все эти данные позволяют внести небольшие дополнительные акценты в первоначальную гипотезу о модели принятия решения целевой аудиторией.

Бывают ситуации, когда требуется кардинальное изменение web-ресурса – редизайн. Случается это, когда организация констатирует изменения в составе целевой аудитории вследствие самых разных причин – новой маркетинговой политики или обретения нового опыта, позволившего по-другому увидеть уже существующих клиентов.

На протяжении нескольких лет мы вместе с моей аспиранткой О. А. Андриенко [6] наблюдали за деятельностью испанской благотворительной ассоциации «Ледисия Катива» (Leticia Cativa). До 2012 года

эта организация была представлена в виртуальной среде сайтом-визиткой, ориентированным на местное сообщество. Структура сайта была весьма лаконичной. Во-первых, очень сдержанная презентация проекта. Это помощь детям из России, которые проживают на территории, пострадавшей вследствие Чернобыльской катастрофы. Во-вторых, имелся раздел о статусе благотворительной организации, в котором упоминалось о связи с влиятельной в Испании религиозной организацией *Опус Деи* (*Opus Dei*). Вряд ли его функцию можно было интерпретировать как эмоциональное вовлечение и формирование эмпатии у потенциальных волонтеров и спонсоров. Скорее, это отсыл к моральным нормам, следование которым является обязательной составляющей социального статуса. Третий раздел, самый подробный, сохраненный в новой версии сайта, построен на базе типичных вопросов потенциальных участников. Например: «Как помочь, если у человека нет возможности принять ребенка на целое лето?», «Можно ли пожертвовать материальные средства или вещи, будучи волонтером от данной ассоциации?» [7]. Наконец, традиционный раздел с контактами. Можно предположить, что для испанцев, которые сохраняют в своем образе жизни черты традиционной культуры и погружены в жизнь местной общины, информации, представленной на сайте, было вполне достаточно, чтобы принять нужное решение.

Однако «Ледисия Катива» курирует международный благотворительный проект, и взаимодействие с представителями другой культуры часто спотыкается о сложности взаимопонимания. За годы общения с русскими детьми, их родителями, чиновниками, казалось бы, очевидная идея о культурном различии открылась участникам проекта как откровение. Например, столкнулись испанцы с недоверием к мотивам их деятельности. Показательная ситуация 2010 года, когда сорвались испанские каникулы у детдомовцев со Среднего Урала [8]. Впустую оказались потрачены огромные деньги. Билеты в оба конца, медицинскую страховку на каждого ребенка, визы, пакеты документов и нотариальный перевод оплачивали обычные испанцы. Даже с учетом частичного возврата стоимости билетов, испанские семьи потеряли примерно по 400 евро за каждого ребенка. Формальной причиной явились чисто бюрократические проволочки – затянувшийся процесс передачи полномочий на заключение договора о выезде русских детей за рубеж от региональных министерств образования местным органам опеки. В отсутствие жестких регламентов, включился субъективный фактор – личностное отношение чиновников к международной благотворительности. Уполномоченный по правам ребенка Свердловской области, комментируя ситуацию как «весьма неоднозначную», сослался на «скандал

с американской семьей, мучившей усыновленного в России мальчика».

Русские родители также делились своими страхами с волонтерами проекта. Например, что их детей украдут. Эти опасения связаны с тем, что материальная сторона жизни русских семей намного ниже по сравнению с испанцами. Почувствовав достаток в испанской семье, дети не захотят больше возвращаться домой. Негатив усиливался слухами, распространявшимися родителями, чьи дети получили негативный опыт в проекте. Культурная адаптация на начальных циклах сопровождается депрессией у ребенка, но к этой ситуации приемные испанские семьи были абсолютно не готовы.

Все эти неприятности не укладывались в привычные представления испанцев о благотворительной деятельности. Грамматика ролевых предписаний и отношений между участниками проекта должна быть пересмотрена. Для этой цели воспользуемся методом структурного анализа.

Смысл конфликта и эмоциональные переживания участников проекта становятся понятными, если их рассмотреть в контексте ритуала дарения, паттерна коллективного бессознательного, впервые описанного французским этнографом Марселем Моссом [9]. Отравленный дар, центральный символ этого ритуала, характеризует сущность отношений, в которые вступают даритель и одариваемый. Это отношения власти, вместе с подарком человек обретает зависимость от дарителя. Мета-структура ритуала представляет собой сложную систему настроек, которые регулируют отношения членов общества [10]. Например, от дара отказаться нельзя, поскольку это действие приводит к «потере лица», разрыву социальных связей. Несмотря на то, что для разных типов обществ характерна различная степень независимости индивидов от общества, разрушение социальных связей всегда опасно для здоровья сообщества. Чтобы поддержать собственный социальный статус, необходимо отдариться – «возвратить дар». Причем такие структурные элементы ритуала, как круг одариваемых, щедрость подарка, способ вручения, сроки возвращения долгов и т. д. способны регулировать отношения между дарителем и одариваемым в самом широком диапазоне – от агрессии и психологического подчинения до сердечных дружеских отношений и равноценных позиций участников символического обмена.

Рассуждая в подобном ключе по поводу кейса «Ледисия Катива», приходишь к выводу, что благотворители, взяв за ориентир ментальную карту своего собственного, традиционного испанского мира, попали в ловушку более сложного сценария, в котором, кроме «Своих», появляются также «Чужие». Из этого следует, что требуется более сложная регуляция взаимоотношений между участниками. Необходимо запустить сценарий типа «Свои совмест-

но решают волнующую всех проблему». Эта гранд-стратегия снимает риски противостояния «своих» и «чужих», защищает от подозрений в психологической агрессии и попытке подчинения.

Как это сделать? С инструментальными вопросами, как мы уже выяснили, лучше обращаться к когнитивным методам. Однако, если мы хотим получить связную модель исследуемой ситуации, необходимо соотнести концепты просоциального поведения и ритуала дарения.

Смысловая интенция, заложенная в архетипе дарения, позволила нам уловить внутреннюю структуру конфликта и представить диалектику отношений дарителя и одариваемого на шкале с противоположными полюсами: вражда и дружба. Модель просоциального поведения – это логическая последовательность процесса принятия решения о помощи; её конфигурация зависит от типов мотивов помогающего поведения, а также ситуационных факторов, например, группового влияния. Развитие сценария «Свои» возможно в особой социально-психологической среде, основанной на эмпатическом понимании между участниками проекта. Соотнося реальную и желаемую ситуации с картой ментального процесса, обнаруживаются слабые звенья в первоначальной коммуникативной стратегии. Чтобы обратить в «Своих» людей с разным социокультурным опытом, особое внимание следует обратить на когнитивные процессы, которые изначально не учитывались. Во-первых, это эмоциональное вовлечение. Во-вторых, это воздействие на рефлексивную стадию принятия решения: социальными психологами доказано, что на повышение эмпатии влияет развернутое пояснение обстоятельств бедственной ситуации. По всей видимости, все то же самое поняли руководители благотворительного проекта «Ледисия Катива», поскольку эта политика прослеживается в редизайне сайта.

Поменялся визуальный облик логотипа. Раньше это были корабль и ракушка – символы Галисии, теперь изображение детей на зеленой лужайке. Несомненно, такая перемена символизирует ценностный сдвиг в корпоративной культуре организации – от этноцентризма к общечеловеческим экзистенциальным ценностям.

Во-вторых, появился объемный раздел о деятельности «Ледисия Катива». Действительно, благотворительная организация, выступая в роли посредника между испанским и русским сообществами, должна вызывать доверие обеих сторон. В частности, большое внимание уделяется внутренним регламентам, регулирующих поведение волонтеров и спонсоров. Подчеркивается технология оказания помощи: временное пребывание детей в испанских семьях на период летних месяцев или зимних каникул. В основном, это дети, имеющие семью. На сирот из детских домов эта программа тоже распростра-

няется, однако внутренним уставом «Ледисии Кативы» не допускается усыновление русских детей. Тем самым организаторы проекта отстраиваются от международных преступников, которые под прикрытием благотворительных целей ввели торговлю детьми из стран третьего мира. Такие скандалы все чаще попадают на страницы зарубежных СМИ. Общественность ряда стран, например, Румынии, Гватемалы, Индонезии, Кении настаивает на введении закона о запрете усыновления детей иностранными гражданами [11].

В-третьих, появился объемный раздел с описанием чернобыльской катастрофы, последствиях лучевого облучения для здоровья детей, с медицинскими заключениями об улучшении здоровья после отдыха в Галисии. Раздел этот ориентирован на испанских волонтеров и спонсоров, чтобы они могли принять взвешенное решение, и имели возможность соотнести масштаб проблемы и предлагаемые способы помощи.

Исходя из нашего понимания проблем, возникших в ходе международного благотворительного проекта «Ледисия Катива», можно было бы рекомендовать дополнительные тактики коммуникационного управления.

Например, большой резерв эмоционального воздействия заключен в исторической памяти, объединяющей оба народа. Эффективно на цели проекта мог бы работать раздел с сюжетом из истории испанской революции 1937 года, когда по просьбе республиканцев СССР взяло под свою опеку испанских детей. Провожая детей в СССР, испанские родители говорили своим детям, что они едут в страну, где жизнь – это рай и пример для подражания. Действительно, маленьким испанцам было предоставлено все самое лучшее – пионерские лагеря, врачи и усиленный медицинский уход, вкусная еда [12]. Надо отметить, что испанские семьи помнят об этих событиях, в интервью супервайзерам проекта они об этом говорили. Для многих помощь русским – это возвращение долга. Было бы неплохо актуализировать эту историю в памяти русских родителей: это могло бы снять комплекс «невозвращенного дара» и все вытекающие отсюда проблемы во взаимоотношениях.

Хотелось бы также обратить внимание на еще один конфликтогенный фактор в благотворительных проектах. Это диффузия ответственности, когда человек уклоняется от личностного участия в действиях, полагая, что все это уже продумано и сделано кем-то другим. Этот эффект присутствует также в коммуникативном поведении. Например, российские родители обижаются на испанцев за то, что получают мало информации о своих детях; а испанские семьи полагают, что за связь с русскими родителями отвечают супервайзеры. С другой стороны, испанские семьи обижаются, что по возвращению

детей в Россию, они не получают от русских родителей писем... речь не идет об особых благодарностях, но о внимании к чувствам людей, которые успели привязаться к ребенку. Если бы русские родители были ориентированы на человеческие отношения, а не бюрократические регламенты, они бы сами себе ужаснулись... В связи со сказанным ясно, что необходимы технологии, обеспечивающие множественные горизонтальные связи между участниками проекта. Возможно, уже в недалеком будущем преобладающим форматом для web-ресурсов благотворительных организаций станут соцсети, наилучшим образом обеспечивающие горизонтальную коммуникацию участников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Более подробно об этом: Старых Н. В. Теория коммуникационного менеджмента : зарождение, становление и перспективы развития в парадигмальном пространстве позитивизма и постмодернизма / Н. В. Старых // Коммунология. – Том 4. – № 3. – 2016. – С. 30–61.
2. Старых Н. В. Неманипулятивная реклама: миф или реальность? / Н. В. Старых // Паблик рилейшнз и реклама в системе коммуникаций : сборник научных трудов кафедры связей с общественностью и рекламы. – Выпуск 6. – М. : Факультет журналистики МГУ, 2009. – С. 17–33. Была предпринята попытка проследить связь рекламной этики и тип рыночной среды. Развивые рынки монополистической конкуренции объективно стимулируют бизнес к построению долгосрочных отношений с потребителями и этичности во взаимоотношениях. См. также: Родионов А. Медиарынок сошел с ума: пять трендов, о которых молчат редакции / А. Родионов // E-xecutive. 19 ОКТЯБРЯ 2016. – URL: http://www.e-xecutive.ru/management/marketing/1985758-mediarynok-soshel-s-uma-smi-konkuriruut-s-reklamnymi-agentstvami?utm_source=newsletter_exe&utm_term=&utm_medium=edition&utm_content=20161020&utm_campaign=daily_stat
3. Кроль Александр. Какой станет реклама будущего? / А. Кроль // E-xecutive, 28 января 2016. – URL: <http://www.e-xecutive.ru/management/marketing/1956288-kakoj-stanet-reklama-budushhego>
4. См., например: Розин В. М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке / В. М. Розин. – М. : URSS. – 2009. – 208 с.
5. Грегори Бейтсон, ярчайший представитель постмодернистской науки, вводит в научный оборот метафору «карта не есть территория». Именно эту метафору породила образ интерактивной карты при гибридном скрещивании позитивистского и гуманитарного подходов в рекламном проектировании. См.: Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Г. Бейтсон / [пер. с англ.]. – М. : Смысл, 2000.
6. Андриенко О. А. Коды восприятия в построении коммуникативной стратегии благотворительной организации / О. А. Андриенко // Связи с общественностью и реклама в системе коммуникаций : сборник научных трудов кафедры рекламы и связей с общественностью. Серия: 8. – М. : Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. – С. 181–186.
7. Leticia Cativa. Como ayudo seccion. – URL: <http://asociacionlediciacativa.org/como-ayudo/> (дата обращения: 19.09.2015).
8. Кезина Дарья. Испанская грусть. Детдомовцев не пустили отдыхать в Мадрид / Д. Кезина // Российская Газета. – 27 янвр. – 2011. – URL: <http://www.rg.ru/2011/01/27/reg-ural/detdom.html> (дата обращения: 20.09.2015).
9. Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах / М. Мосс // Общества. Обмен. Личность. – М. : «Восточная литература» РАН, 1996. – С. 85–111.
10. Старых Н. В. Культура дарения : от архаических ритуалов до современных промоушн-акций / Н. В. Старых // Вестник Московского университета. Серия 10 «Журналистика». – М. : Издательство Московского университета, 2002. – № 3. – С. 54–66.
11. См., например: International Adoption should be banned. – URL: <http://debatewise.org/debates/1005-international-adoption-should-be-banned/>; In Wake of Engeline's Death, KPAI Proposes Ban on Foreign Adoption. – URL: <http://jakartaglobe.beritasatu.com/news/wake-engelines-death-kpai-proposes-ban-foreign-adoption/>; Kenya: Cabinet Approves Indefinite Ban On Adoption of Kenyan Children By Foreigners. – URL: <http://allafrica.com/stories/201411280151.html>
12. См., например: Документальный фильм «Русские Испанцы» Сергея Рожкова, Екатерины Черновой и Валентина Бодрова. Продюсерский Центр «Каталина», 2011. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CyIAJrxOl8g> (дата обращения: 12.03.2015).

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Старых Н. В., кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры рекламы и связей с общественностью факультета журналистики

E-mail: saryh@mail.ru

Moscow state University. M. V. Lomonosov
Starykh N. V., Ph.D., Associate Professor of the Journalism,
Faculty of Advertisement and Public Relations Department
E-mail: saryh@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее

приводятся: дата поступления материала в редакцию краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавляется словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подписуемая подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутонные фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.

**ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА**

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY
SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., В. Н. Попов, д-р биол. наук, проф.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: Э. К. Алгазинов, д-р физ.-мат. наук, проф., В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. Д. Баев, д-р физ.-мат. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., Ю. Н. Старилов, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., В. И. Федотов, д-р геогр. наук, проф., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – Л. С. Шукина, канд. филол. наук, доц. Члены редколлегии: Геруля (Gierala) Мариан, д-р филол. наук, проф. (Институт политических наук и журналистики Силезского университета в г. Катовице, Польша); Л. Е. Кройчик, д-р филол. наук, проф.; А. М. Ломов, д-р филол. наук, проф.; А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); Т. А. Никонова, д-р филол. наук, проф.; В. Ф. Олешко, д-р филол. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); И. А. Стернин, д-р филол. наук, проф.; А. А. Тертычный, д-р филол. наук, проф. (МГУ, г. Москва); А. М. Шестерина, д-р филол. наук, проф.; А. М. Шишлянникова, канд. филол. наук, доц.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Адрес редакции: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7(473) 266-17-56